***Александру Александровичу**, моему отцу, который привил мне любовь к славянской старине;*

***Елене Григорьевне**, моей матери, которая научила меня отличать истинные человеческие чувства от показных.*

И. А. МАСЛЕНИЦЫНА

Летописцы повествуют о любви

Минск
«Беларусь»
2002

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Беи=Рус)6-44 М31

Серия основана в 1999 году

Масленицына И. А.

Летописцы повествуют о любви/И. А. Масленицына.— Мн.: Беларусь, 2002.—240 с. —(Двое в истории).

ISBN 985-01-0451-1.

Очередная книга серии «Двое в истории» представляет собой новеллы о любви героев времен Киевской Руси. Читатель узнает много интересного из жизни Мала Древлянского и Рогнеды, Глеба Минского и Ефросиньи Полоцкой, Святополка Окаянного и Гертруды Туровской.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(476) 3
ББК 84(4Беи=Рус)6-44

ISBN 985-01-0451-1

ЛЕТОПИСЦЫ ПОВЕСТВУЮТ О ЛЮБВИ

Стремление человека проникнуть в неведомое поистине удивляет. Почему-то нам очень важно знать, кем и для чего мы были созданы, какова миссия того народа, к которому мы себя причисляем, где истоки нашего происхождения?

Поиски ответов на эти нелегкие вопросы заставляют обращаться к самым древним из письменных источникам, сохранившимся до наших дней. Среди них — летописи восточных славян, задуманные как бесстрастное последовательное повествование о деяниях наших предков. Летописи создавались монахами, людьми, добровольно ушедшими от мирских соблазнов ради размеренной и сосредоточенно-созерцательной жизни Божьих затворников. Эти праведники искренне верили, что все самое великое, самое значимое творится по воле небес просвещенными и самоотверженными мужами, и отводили в своем сознании женщинам лишь почетную роль матерей, дающих возможность появиться на свет новым поколениям.

Тем не менее даже сухие и скупые летописные строки дают возможность современнику увидеть отражение истории истинной, наполненной отнюдь не только бряцанием боевого оружия пращуров, обороняющих свои земли от нашествия завоевателей, да колокольным звоном возводимых ими храмов. Перед его мысленным взором предстает история нашего народа как бесконечное сказание о любви, во имя которой и обороняя которую жили столетие за столетием предки наши.

Отголоски любовных историй первых белорусских князей и княгинь, бояр и боярынь, богатырей и поляниц можно найти и в западноевропейских раннесредневековых хрониках, в письменных работах многочисленных иноземцев — свидетелей той эпохи. Дополняя и расширяя сведения летописей, они помогают ярче представить себе, какими были они — наши далекие предки, прикоснуться к их величию, узнать об их слабостях, поразиться целеустремленности их натуры, восхититься их способности к жертвенности во имя самого святого, что дано нам Богом, сотворившим первых возлюбленных Адама и Еву.

Эта книга — краткий пересказ самых ярких любовных историй начального периода истории Беларуси.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

О том, что и четырёхлетний возраст вполне может быть возрастом первой любви

Скрупулезно описывая события, свидетелями которых были, летописцы дали пытливым потомкам возможность с большей или меньшей долей вероятности восстановить последовательность истории восточных славян, начиная с X века. О том же, что было раньше, имеются лишь отрывочные сведения, иногда дошедшие до нас в такой интерпретации пересказчиков, что есть все основания усомниться в реальности многих фактов, содержащихся в них.

Неавторитетными источниками в кругу специалистов считаются, например, скандинавские саги, хотя любой историк подтвердит, что сага — это не сказка и не легенда, а произведение, повествующее о реальных событиях и личностях. Беда саг в том, что многие столетия они существовали единственно в устной форме и передавались так от сказителя к сказителю, естественно обрастая некоторыми не имеющими отношения к действительности подробностями. Иногда сказители, забыв, кем на самом деле были их герои, полагали, что в двух разных сагах идет речь об одних и тех же личностях, и предпринимали попытки слить воедино их сюжеты. Иногда злую шутку с ними играло сходство топонимических названий, и действие вдруг немотивированно переносилось из одной страны в другую. Мало того, сказитель, живший, например, в XI веке, неосознанно вносил в сагу описание современных ему городов, обычаев, одежды, оружия и доспехов.

Тем не менее совсем пренебрегать сагами будет, видимо, неправильно. И многие исследователи все-таки обращаются к ним, пытаясь найти ошибки, определить позднейшие сюжетные напластования и выявить реальную канву событий. К сожалению, удивительный рассказ о любви, найденный автором этой книги в «Саге о Тидрике Бернском» (некогда очень популярном среди народов Западной Европы произведении) еще не обрел своего исторического эксперта, и потому может вызвать множество вопросов у людей, интересующихся своим прошлым.

Сага повествует о Гильдегунде, юной дочери князя Ильи, правителя Герцики племяннице полоцкого князя Вальдемара (или Владимира). В результате археологических раскопок удалось установить, что древний белорусский город Герцика, который некогда входил в Полоцкое княжество, начал свое существование где-то в X столетии, но в саге речь идет о временах значительно более ранних, о V

столетии, эпохе великого вождя гуннов Аттилы, покорившего пол-Азии и заставившего трепетать всех европейских правителей того времени (они именовали его не иначе, как «Бич Божий»),

Быть может, события, память о которых сохранила сага, действительно произошли во времена Аттилы, только сказители, жившие в XI или XII столетиях, «осовременили» повествование, дав отцу героини, обитавшему со своими подданными где-то на территории позднейшего княжества Герцики, титул, им не носимый? Других мыслей в голову не приходит.

Но вернемся к героине нашего рассказа. Итак, Гильдегунда, княжна Герцики... Она была еще совсем маленькой девочкой, когда судьбе было угодно ниспослать ей судьбоносную встречу с тем, кто в дальнейшем стал ее мужем. Отец Гильдегунды должен был принять у себя юного Вальтария, племянника «конунга Эрминрика, который тогда владел Апулией». Одиннадцатилетний мальчик в сопровождении «двенадцати рыцарей» ехал к грозному Аттиле, который затребова л его у союзника Эрминрика в качестве заложника.

Рассказывая спустя годы Вальтарию о том впечатлении, которое он произвел тогда на нее, Гильдегунда призналась: «Мне было четыре зимы тогда, когда я увидела тебя впервые, и я сразу полюбила тебя так сильно, как ничто больше на свете».

Напрасно говорят, будто детская влюбленность проходит так же легко, как и появляется. Маленькой Гильдегунде настолько запал в душу красивый мальчик, что она жила воспоминаниями о нем целых три года. Когда же дочери князя Ильи исполнилось семь лет, «Бич Божий», с которым отец ее решил наладить отношения, востребовал девочку в качестве гаранта добрых намерений «князя Герцики» к себе в заложницы.

И вот юная Гильдегунда вынуждена проделать тот же тяжкий путь в неволю, который до нее совершил Вальтарий. А вскоре представилась ей возможность увидеть и его самого. Вальтарий подрос, возмужал и превратился в прекрасного четырнадцатилетнего юношу. На него теперь с восхищением заглядывались многие молодые женщины.

Находясь постоянно среди непобедимых воинов Аттилы, он неустанно и прилежно обучался у них секретам воинского мастерства — владению мечом, копьем, стрельбе из лука, верховой езде. Трудолюбие юноши, его успехи в учебе вызывали одобрение воинственных гуннов, о нем говорили с уважением. Кажется, заложник мог бы легко переступить ту грань, которая разделяла в «столице» Аттилы чужих и своих. Но княжич тосковал по родине и все время в голове его зрела

мысль о побеге. Впрочем, Вальтарий понимал, что пока не имеет для этого ни возможностей, ни сил. И терпеливо ждал своего часа.

Приезд Гильдегунды приятно удивил и обрадовал пленника Аттилы. Оказывается, он тоже помнил маленькую «княжну Герцики» и не раз думал о ней с самыми теплыми чувствами. Но как следует поговорить подросткам друг с другом очень долго не представлялось возможности. Стерегущие их люди Аттилы постоянно препятствовали этому. Обмениваясь время от времени лишь короткими фразами да многозначительными взглядами, Гильдегунда и Вальтарий медленно месяц за месяцем взращивали в своих сердцах чувство, перешедшее в любовь.

В год, когда юноше исполнилось девятнадцать, а девушке двенадцать лет, они уже оба были уверены, что созданы друг для друга. Сага говорит: «Случился однажды в саду конунга Аттилы роскошный пир и чудесная пляска, и тогда Вальтарий взял за руку Гильдегунду. Они говорили между собой о многом, и никто не догадывался об этом».

Молодой человек предложил Гильдегунде вспомнить о своем княжеском достоинстве и вместе с ним бежать на его родину. А еще Вальтарий говорил о своей любви и готовности жениться на ней. Гильдегунда тут же согласилась.

Так как девушка жила при шатре одной из самых любимых жен Аттилы, своей родной тетки Эрки (или Керки), не по возрасту предусмотрительный Вальтарий предложил ей позаимствовать у родственницы средств на дорогу: «Возьми с собой столько золота, сколько сможешь обеими руками, потому что ты знаешь все сокровища королевы Эрки».

И вот наступило удобное для осуществления давно вынашиваемого плана время. На восходе солнца возлюбленные тайно покинули «город Аттилы», уведя из его конюшен двух самых быстроногих скакунов.

Как только о побеге стало известно, Аттила послал двенадцать лучших своих воинов в погоню за Вальтарием и Гильдегундой. Им было приказано вернуть юную княжну вместе с похищенными ею ценностями, а ставшего опасным Вальтария убить и привезти его голову.

Воинам Аттилы после продолжительной скачки удалось догнать влюбленных. Приближалась ночь, и беглецы уже расположились на отдых и жарили на костре мясо убитого Вальтарием кабана. К счастью, они вовремя обнаружили своих преследователей. Увидев, что тех много, испуганная Гильдегунда со слезами на глазах стала умолять

своего спутника не вступать с ними в бой, а сдаться и вернуться в плен. Но то ли Вальтарий чувствовал, что жизнь ему все равно не сохранят, то ли считал постыдным для себя сдаваться без боя, он ответил своей возлюбленной: «Не плачь, госпожа, видел я и прежде как раскалываются шлемы, как разрубаются щиты и рассекаются брони, и как люди без голов падают с коней своих, и рее это я совершал своей рукой, и у меня доставало на это сил». И юноша смело выехал навстречу своим преследователям с мечом в руках.

Гунны, имея многократное преимущество, были беспечны, забыли об опасности. Они даже и подумать не могли, что беглецы, почти дети, способны сопротивляться, могут быть опасными.

Вот когда пригодились Вальтарию навыки, приобретенные во время длительных и упорных тренировок. Неплохими наставниками были непобедимые воины Аттилы. На свою беду обучили гунны ратному делу княжича-заложника. Не напуганный беглец, а отважный и умелый воин противостоял им теперь.

Опустившаяся на землю ночная тьма была союзником Вальтария. Нападая внезапно из-за деревьев и кустов, умело ориентируясь часто только но звуку, он поражал мечом своим врагов одного за другим. И лишь последнему, двенадцатому, удалось скрыться в ночном лесу.

Легко пораненный в схватке Вальтарий вернулся к Гильдегунде, которая обмыла и перевязала его раны. Потом они снова развели костер и продолжили прерванный врагами ужин. Однако бой еще не закончился.

Думая, что беглые заложники, увлекшись едой, не заметят его приближения, оставшийся в живых двенадцатый преследователь осмелел и попытался с обнаженным мечом подобраться к Вальтарию. Но его вовремя увидела Гильдегунда. Вальтарий изо всех сил запустил в подкрадывающегося врага первым, что оказалось под рукой (а это была изрядно обглоданная им кабанья нога), «и нанес такой сильный удар, что тот сразу упал на землю: он попал ему в щеку, так что мякоть тотчас рассеклась и выскочил глаз».

Злосчастного воина Аттилы, получившего увечье от столь необычного оружия, Вальтарий не стал добивать. Чтобы было кому поведать гуннам о его победе, он позволил калеке вернуться к своему господину.

Теперь уже никто не мог помешать молодым людям продолжать свой путь на родину. И они благополучно окончили его в объятиях дяди Вальтария Эрминрика, соединившего их в своем городе законным браком.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

О мятежном князе и мстительной дочери чародея

Самая первая история о любви в восточнославянском летописании связана с именами князя древлян Мала и княгини полян Ольги. Имеет ли она отношение к прошлому Беларуси? Безусловно. Потому что древляне — один из четырех больших славянских племенных союзов, стоявших у истоков белорусского народа. Они жили южнее Припяти, их города и села были раскиданы среди непроходимых лесов Белорусского и Украинского Полесья и надежно укрыты от всевозможных врагов «в деревах».

Но стольный град Искоростень, где жил князь, был добрым, гостеприимным местом, приветливо манящим путника уже издалека. В середине X столетия в Искоростене княжил некий муж по имени Мал. Подданные уважали своего храброго и разумного правителя и сравнивали с добрым пастухом, усердно заботящимся о вверенном ему стаде. Самым искренним желанием Мала было любой ценой освободить своих людей от тяжелой дани, которую древляне вынуждены были платить своим воинственным соседям полянам, их стольному граду Киеву.

Данниками древляне сделались в 883 году, еще до рождения Мала, при киевском князе Олеге, таинственном чародее-варяге, заставлявшем (если верить преданиям) замирать в оцепенении любого, кто только осмеливался заглянуть в глубину его прозрачных и холодных, как норманнские льды, глаз.

Олег стал Полянским князем неожиданно для всех, ибо не имел абсолютно никакого права на киевский престол. Но он пришел к полянам с мечом и, убив их правителя Аскольда, просто занял его место. Отважный воин, обладавший хитростью, жестокостью равно, как и удачливостью, Олег в первые же годы правления покорил себе многие славянские и неславянские племена, определив им размеры ежегодной дани. Древляне как ближайшие соседи стали первыми в этом скорбном ряду. Олег потребовал, чтобы они отдавали дань шкурками очень ценных и редких даже в те времена черных куниц. А в 907 году варяжский чародей заставил трепетать даже византийскую столицу Царьград, к стенам которой привел он огромное войско, собранное в землях покоренных им племен, в поисках славы и богатства. В этом походе принимали участие и древляне. Они поражались уму, силе и одержимости своего победителя, той

ловкости, с которой удалось ему заставить кичливых византийцев умолять его покинуть пределы их державы с богатым выкупом.

Олег добился от византийцев обещания платить ему дань, прибил свой щит к воротам Царьграда, дабы помнили и не забывали «греки» о своем позоре, и лишь тогда скомандовал своим войскам возвращение.

Испытывая некий мистический страх перед Олегом, при жизни его и не пытались древляне отстаивать свои права на независимость. Но в 912 году чародея, наводившего ужас на противников уже одним своим ледяным взглядом, ужалила змея и он от этого разболелся и умер. Обрадованные древляне попытались изменить положение дел и «затворились» от преемника Олега, его племянника Игоря. Впрочем, неповиновение, выказанное ими, привело лишь к тому, что мечом доказав непокорным, что Киев по-прежнему сильнее Искоростеня, Игорь наложил на них дань еще большую.

Вспоминая об этом, неоднажды, видимо, горестно вздыхал князь Мал Древлянский, но при такой расстановке сил он ума не мог приложить, что можно предпринять. Впрочем, повинуясь Игорю, как до него Олегу, древляне уже не трепетали от страха. Наследник князя-чародея был лишь бледным подобием своего предшественника. Невыдержанный, завистливый, амбициозный, он вызывал даже у ближних своих бояр скорее раздражение, чем уважение. У власти Игоря удерживала клятва киевских дружинников, которую они дали умирающему Олегу — служить Игорю так же, как некогда ему самому, да преданность варяжского наемника Свенельда, который удостоился чести быть первым советчиком киевского князя. Именно Свенельду передал Игорь право собирать дань с древлян. Вся она шла на содержание его людей, варяжских воинов, так же, как и дань, взимаемая Киевом с другого славянского племени — уличей. Воины-киевляне, одетые и вооруженные значительно хуже варяжских, недовольно ворчали о том, что их князь дал слишком многое одному мужу.

В такой атмосфере тайного и открытого недовольства своих подданных Игорю, тем не менее, чудом удавалось сохранять свою власть долгие годы. Впрочем, в 941 году киевский правитель все-таки почувствовал необходимость предпринять что-либо решительное для укрепления своего авторитета. Ревнуя к славе Олега, Игорь решился повторить византийский триумф своего дяди, тем более, что византийцы, осмелев после смерти Олега, все меньше и меньше стремились выполнять условия мирного договора, заключенного с киевским чародеем после того, как тот прибил щит на ворота их столицы.

Для дальнего похода Игорь снарядил тысячу ладей. Каждая из них могла вмещать по сто воинов. Среди киевского воинства была и древлянская дружина, которую вынужден был послать Игорю князь Мал,— подневольные ратники, всей душой люто ненавидящие человека, ведущего их на бой.

Наверное, правы те, кто утверждает, что самые сильные чувства имеют тенденцию к материализации, и потому нелюбимый армией полководец лишен шансов стать победителем. Несмотря на колоссальную подготовку и огромные силы, которые имел Игорь, он был разбит. Мало того, разгром Игоревых войск был настолько сокрушительным, что Киев еще долго не мог оправиться от шока.

Сойдясь в море с флотом противника, славяне с ужасом для себя обнаружили, что византийцы вооружены некой военной новинкой, которую тут же окрестили «греческим огнем». Это была жидкая горючая смесь, которую невозможно было погасить. Славянские ладьи мгновенно превращались в огромные факелы, люди, спасаясь, прыгали за борт, чтобы продолжать гореть и там, вода оказывалась бессильной против адского пламени.

«Будто молнию небесную имеют у себя греки, и пуская ее, попалили нас. Потому и не одолели их»,— потрясенно рассказывали чудом уцелевшие воины по возвращении домой.

Но это не могло быть оправданием Игорю, загубившему войско. По всем городам, подвластным киевскому князю, прошла волна возмущения. Понимая, что не сегодня, так завтра ситуация может сложиться так, что он будет лишен престола или даже убит, Игорь спешно стал готовиться к акции, которая единственная могла бы его реабилитировать, т. е. ко второму походу на Византию. Но на силы племен, подвластных ему, он теперь уже не мог положиться целиком и полностью. Несколько князей наотрез отказались участвовать в новой авантюре Игоря. Мал был в их числе. Не имея возможности в такой сложной ситуации вновь доказывать что-то мятежным древлянам при помощи оружия, Игорь махнул на них рукой. Его верными союзниками во втором царьградском походе стали варяги, печенеги, ятвяги, полоцкие и смоленские кривичи.

Горящий желанием отомстить Царьграду за свой позор киевский князь не сумел довести начатое дело до конца. Узнав, с какой огромной силой, — на этот раз не только по морю, но и по суше, — идет на них Игорь, византийцы выслали ему навстречу послов, которым удалось склонить, видимо, не очень уверенного в себе князя на заключение нового мирного договора.

Не получив возможности ни помахать мечами, ни пограбить вдоволь богатых византийских городов, варяги упросили своего предводителя, Свенельда, покинуть лагерь Игоря и совершить набег на Закавказье. Вернулись они оттуда довольные, обогащенные добычей. И возопили тогда дружинники Игоря, и без того питавшие черную зависть к наемникам, которые как им казалось находятся в войске киевского князя на привилегированном положении. Чтобы заглушить их обиженные вопли, Игорь объявил, что теперь дань с древлян будет собирать он сам, и пойдет она на содержание его дружинников. Действительно, когда наступило время сбора ежегодной дани (полюдья), Игорь повел своих людей к Искоростеню.

Если князь Мал и удивился, увидев у ворот своего града вместо молодцеватого и подтянутого Свенельда сутулую и огрузшую к старости фигуру киевского князя, то сумел сдержаться и ничем не выдать себя. Он повелел своим людям загрузить возы киевлян подготовленными заранее мехами. Искоростенцы вынесли все издевательства, учиненные наглыми киевлянами, и вздохнули с облегчением, когда Игорь, наконец, вдоволь поглумившись над своими данниками, покинул их город.

Но не судьба была двум, князьям разойтись на этот раз с миром. На полпути домой Игорь вдруг решил, что мало взял с древлян. То ли показалось ему, что искоростенские старейшины слишком уж богато одеты, то ли вспомнилась невовремя возмутительная непокорность Мала, отказавшего в людях для второго византийского похода. Но только развернул Игорь своего коня и, отправив большую часть воинов, ходивших с ним в полюдье, сопровождать возы с ценными мехами в Киев, с небольшой частью дружины отправился вновь к столице древлян.

Узнав об этом, Мал отправил навстречу алчному старику Игорю посланцев, которые пытались воззвать к совести киевского князя, подчеркивая, что дань уже уплачена и даже в значительно большем количестве, чем было установлено. Увы, их никто не слушал. Тогда Мал, созвав своих бояр, стал держать с ними совет. И рассудили древляне, что «ежели повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьем его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас загубит».

И вот навстречу Игорю из Искоростеня вышла древлянская дружина. Небольшой отряд киевского князя не смог оказать серьезного сопротивления, все киевляне полегли под мечами древлян. Игоря же захватили в плен. Древляне судили своего обидчика и приговорили к лютой смерти. Его привязали за ноги к двум предварительно

согнутым до земли молодым березкам, потом отпустили. Распрямляясь, деревья разорвали тело престарелого киевского князя надвое.

Впрочем, совершив казнь, древляне пришли в некоторое замешательство. Одни из них советовали Малу готовиться к длительной осаде, другие, заметив, что киевляне пока еще пребывают в состоянии неведения об участи Игоря и абсолютно не готовы к тому, чтобы отразить внезапное нападение, склоняли своего князя к походу на столицу полян.

Мал же рассудил иначе. Будучи человеком глубоко верующим, он полагал, что, оставив полян без князя, он сделал их беззащитными перед потусторонними злыми силами, остановить наступление которых мог бы только богоизбранный правитель, приносящий в положенное время предписанные волхвами жертвы на капищах. По законам предков князь, убивший другого князя, должен был добровольно принять на себя всю ответственность за судьбу подданных убитого и всю тяжесть заботы о его семье. После Игоря осталась вдова. Мал решил, что обязан жениться на ней, тем более, что совсем недавно он овдовел.

Игорь погиб семидесятилетним. Но супруга его была еще не стара и довольно хороша собой. В историю она вошла как Ольга, но на самом деле эту женщину звали Прекрасой. А Ольгой именовали княгиню по имени ее отца, князя Олега. Такие имена-отчества нередко бытовали наряду с настоящими у знатных славянок, и в наших летописях мы часто встречаем их, не всегда, правда, умея отличать одни от других.

Надо полагать, Ольга была совсем еще маленькой девочкой — не старше пяти лет — когда в 903 году по настоянию Олега она была выдана замуж за Игоря, которому было уже больше, чем двадцать пять лет. Необходимость этого следует объяснить подробнее, обратившись к годам молодости самого Олега.

Случилось так, что в самом северном из восточнославянских племенных центров, столице славян Новгороде стареющий князь Гостомысл увидел удивительный сон. Приснилась ему его дочь Умила, давно выданная замуж в земли полабских славян за некоего князя Годлава. Лежит будто Умила на земле, а из живота ее вырастает дерево. И так густа его крона — ветви свет солнечный заслонили. Долго думал Гостомысл над этим и решил, что сон послан ему богами и имеет он большое значение.

Так как кроме трех дочерей (Умила была средней из них) Гостомысл иных детей не имел и чувствовал уже приближение своего конца, следовало всерьез подумать о том, кто же заменит его на

престоле. Быть может, действительно, надо пригласить на княжение плод чрева Умилы, ее сына Рюрика? Поделился Гостомысл своими мыслями с боярами, и тем они понравились. И когда Гостомысл умер, незамедлительно отправили они своих послов к Рюрику с приглашением на княжение.

Рюрик прибыл в Новгород с верной своей дружиной и семьей, которая состояла из жены, норвежской княжны Ефанды, и ее брата Олега. Прокняжив неполных девять лет, Рюрик умер, завещав престол Олегу, потому что единственный сын его, Игорь, был еще очень маленьким, и отец боялся, что новгородцы не дадут мальчику власти. Олег обещал занимать новгородский престол лишь до совершеннолетия Игоря, но, видимо, изначально не собирался уступать княжение племяннику, потому что и после того, как княжичу исполнилось шестнадцать, и после того, как он отметил свое двадцатилетие, и когда ему стукнуло двадцать пять, вопрос о передаче власти даже не обсуждался. Олег окружил себя преданной дружиной, готовой идти за ним в огонь и воду, и чувствовал себя полноправным правителем, покорив многие племена, объединив их и создав своеобразный центр славянской державы в завоеванном им Киеве.

Одно лишь беспокоило Олега — не было у него наследника, сына. Уже в довольно зрелом возрасте он, задумав разрешить эту проблему, обзавелся женой, которую поселил подальше от столицы, под городом Псковом. Но родилась только дочь, Прекраса. Единственной возможностью увидеть своих потомков на княжеском престоле было выдать Прекрасу замуж за Игоря и объявить племянника и зятя своим преемником. Учитывая то, что Игорь уже давно вышел из юношеского возраста и в любой момент может выбрать себе иную жену, Олег решил поспешить, объявив маленькую Прекрасу-Ольгу его супругой.

Конечно же, настоящим этот брак смог стать лишь спустя годы, когда девочка выросла и превратилась в красивую и умную женщину, достойную любви и поклонения. Ольга родила нескольких дочерей, и когда князь уже потерял всяческую надежду, подарила ему наследника, сына Святослава. Этот последний их ребенок появился на свет года за три до гибели Игоря. Ольге в то время было слегка за сорок. Возраст, конечно, критический для ее современниц. Но недаром она была дочерью чародея. Ей удалось сохранить свое женское обаяние и привлекательность. Княгиня продолжала будоражить воображение мужчин, которые говорили о дочери Олега с искренним восхищением.

Вот к этой-то женщине и собирался теперь посвататься древлянский князь Мал. Он выбрал двадцать самых достойных и уважаемых из числа жителей Искоростеня и отправил их на ладье по Припяти и

Днепру в Киев к Ольге. Они должны были передать киевской княгине слова: «Послала нас Древлянская земля и наказала сказать тебе, что мужа твоего мы убили за то, что был муж твой, как волк, хищник неправедный и грабитель, а у нас князья добрые,-не хищники и не грабители. Так иди же за князя нашего Мала».

Кажется, древлянский князь, давая наказ своим сватам, продумал все до мелочей: вдова Игоря покинет Киев и переселится в Искоростень, где станет супругой Мала и второй матерью его двоим детям — благо сын Добрыня всего на несколько лет старше ее последыша Святослава, а дочь Малуша лишь слегка младше. Игорев наследник тоже поедет за Ольгой в стольный град древлян. До совершеннолетия Святослава будут опекать преданные Малу бояре и постараются воспитать ребенка так, чтобы в дальнейшем в его голове и мысли не возникало мстить за смерть отца. Тогда можно будет вернуть ему Игорев престол. Пусть правит в Киеве, подчиняясь во всем Искоростеню и своему сводному брату Добрыне, который, возможно, к тому времени сменит Мала на престоле.

Обо всем подумал, все учел древлянский князь, кроме одного. Решая судьбу женщины, он не принял во внимание любви. Да и кто бы мог подумать, что старика Игоря действительно кто-то мог любить. И тем не менее. Всю свою сознательную жизнь видя рядом с собой лишь одного мужчину, наблюдая день за днем, год за годом, как он мужает, как наливается силой его тело, как становятся крепче руки и более уверенными движения, как первая седина, спутница зрелости, серебром вплетается в золотистые кудри, как одна за другой на лице появляются будто магические письмена морщины — Ольга прочно прикипела душой и сердцем к этому человеку. Она воспринимала его как часть себя самой и не представляла уже мира без него.

Однако княгиня была уже не юной, несдержанной в своих чувствах и поступках девушкой, и потому смогла справиться с первым потрясением от известия о страшной смерти Игоря и ни словом, ни жестом не дала понять послам из Искоростеня, что единственная мысль, которая сейчас владеет ею — это месть, скорая и жестокая.

— Нравятся мне ваши слова, — ответила сватам Ольга. — Мужа моего Игоря мне уже не воскресить, но хочу вас почествовать с утра (разговор состоялся на закате солнца, — И. М.) перед моими людьми. Идите же сейчас в ладью свою и ложитесь спать в ладье, ожидая величания, а я утром пошлю за вами. Вы же скажите: «Не поедем ни на конях, ни в возах, не пойдем и пешком, но несите нас в ладье». И внесут вас в город в ладье. Такое будет вам чествование. Так я люблю вашего князя и вас.

Послы обрадовались столь быстрому и успешному разрешению их опасной миссии. Всю ночь они пили на своей ладье, то и дело восклицая: «Знал бы ты, наш князь, как мы ловко все здесь для тебя уладили!»

Не спала этой ночью и Ольга. Но совсем по иной причине. Созвав на совет своих бояр и воевод, она согласовывала с ними детали предстоящей мести. В земле, где никто и никогда даже не слышал о человеческих жертвоприношениях, княгиня решилась на страшное дело — принести послов убийцы своего мужа в жертву богам подземного мира, к которым сейчас попала душа Игоря. Пусть они проявят милосердие к несчастному князю и не мучают за его земные грехи. Во дворе своего терема она приказала вырыть большую глубокую яму и как следует ее замаскировать, прикрыв роскошными коврами.

Наутро сватов внесли в город на их ладье. Процессия действительно была торжественной и внушительной. Древляне сидели на скамьях ладейных, величаясь, подбоченившись, сверкая в солнечных лучах богатыми украшениями и большими нагрудными бляхами. Церемония закончилась для них совсем неожиданно — сватов вместе с ладьей бросили в яму и под злорадные крики киевлян стали засыпать землей. Склонившись над ямой, княгиня прокричала: «Хороша ли вам честь?» «Это хуже Игоревой смерти!» — в отчаянии взмолились сваты, но к их мольбе о менее ужасной казни никто не прислушался.

После этой расправы Ольга приказала незамедлительно везти князю Малу послание, в котором говорилось, что она готова уже ехать к своему новому мужу, но требует для свадебного кортежа прислать князей, ему подвластных, ибо отправляться в Искоростень с неподобающим сопровождением она, княгиня полян, не может. Не почувствовав уважения к Ольге со стороны Мала, киевляне просто не отпустят ее к нему.

Обрадованный Мал созвал князей, подвластных ему, а было их числом ровно пятьдесят, и предложил им ехать в Киев за его невестой. Князья охотно согласились, рассчитывая на теплый прием и приятное времяпровождение. И действительно, Ольга гостеприимно отворила для древлянских князей ворота Киева, с улыбкой вышла к ним навстречу и ласково предложила для начала сходить в жарко натопленную баньку, попариться с дороги. Но как только древляне вошли в «истопную избу», двери за ними были крепко заперты, а сама баня подожжена.

Уверенная в том, что первая ее жертва умилостивила богов подземного мира настолько, что они отпустили душу Игоря на небеса, в чертоги громовержца Перуна, она теперь приносила великому богу

иную жертву — объятые пламенем души пятидесяти князей древлянской земли. Перуну понравится дар Ольги и он обратит свой милосердный взор на ее мужа.

Оставалось последнее — принести жертву разобиженной на своих убийц душе Игоря и одновременно похоронить его растерзанное тело так, как велели законы предков. Но для этого надо было идти в земли древлян, что становилось отнюдь не безопасным после первых двух Ольгиных жертвоприношений. Тем более, что вдова не знала, где именно ей следует искать останки мужа. Следовало вновь прибегнуть к хитрости.

Княгиня послала весть в Искоростень о том, что она уже покинула пределы Киева и направляется к своему будущему мужу. Но хотя бы ради сына, маленького Святослава, прежде чем обрести нового супруга, она должна похоронить Игоря и справить на его могиле тризну. Пусть Мал вышлет навстречу ей людей, которые проведут ее с отроками к месту гибели киевского князя и помогут предать его земле.

Доверчивый Мал отправил навстречу Ольге пять тысяч своих подданных. Когда над останками Игоря вознесся высокий курган-могильник, Ольга дала знак начать тризну. Отроки княгини стали поить допьяна древлян, и те не почувствовали опасности. Только кто-то вдруг некстати вспомнил о посланных князем Малом сватах и поинтересовался у Ольги, где они. Но дочь чародея успокоила всех заявлением, что сваты-де сзади идут, присматривают за ценностями, которые она везет из Киева в качестве приданого. Тризна продолжалась. Когда все напились до бесчувственного состояния, княгиня покинула поминальный пир, сделав знак своим дружинникам, не принимавшим в нем участия. И они набросились на древлян, перебив их всех до одного.

Пока Искоростень пребывал в шоке, Ольга беспрепятственно ушла назад в свои земли. Через несколько месяцев она с большим и сильным войском, собрать которое ей помог Свенельд, выказавший в самое тяжелое время преданность и понимание, Ольга выступила на Искоростень. Это была война, которую Ольга объявляла Малу от имени своего сына Святослава.

Войска встретились в чистом поле. Ольга дала четырехлетнему Святославу копье и приказала метнуть его в сторону неприятеля. Это должно было стать сигналом к битве. Мальчик постарался выполнить то, что следовало, но копье было очень большим и тяжелым для детских рук. Пролетев мимо уха коня, на котором сидел Святослав, оно ударило животное в ногу. Впрочем, Свенельд не растерялся и

крикнул, обращаясь к киевским ратникам: «Князь начал уже! Ударим, воины, вслед за князем!»

Древляне проиграли этот бой. Остатки их разбитого войска кинулись спасаться за крепкие стены города. Взять Искоростень сходу киевлянам не удалось, жители его успешно отбили несколько штурмов. Началась длительная осада.

Месяц за месяцем безуспешно пыталась Ольга овладеть столицей Мала. Наступила поздняя осень. И тогда княгиня решила ускорить события. Она послала к древлянам человека, который передал им ее слова: «До чего хотите досидеться? Все иные ваши города уже сдались, все ваши люди согласились платить мне дань, и теперь мирно возделывают свои нивы и пашут землю, а вы хотите, видно, умереть с голоду, если не идете на дань».

Уставшие от длительной осады искоростенцы решились на переговоры, и хитрой женщине удалось убедить их, что она, отомстив за смерть мужа, больше уже лютовать не будет. Мало того, киевская княгиня вроде бы соглашалась удовольствоваться малой данью, так как жители Искоростеня обеднели и оголодали во время осады. Она просила по три голубя и три воробья от каждого двора, чтобы принести их в жертву богам во искупление своей жестокости с мятежными поданными. Дочь чародея умела лгать так складно, что ложь эта выглядела необыкновенно похожей на правду.

Обрадованные древляне кинулись ловить на своих подворьях и под крышами домов голубей да воробьев, которых после и передали киевской княгине. Ольга же, дождавшись, когда ночная тьма опустится на спящий Искоростень, повелела привязать к ножкам каждой птицы лоскутки, пропитанные горючей смесью и поджечь их. Птицы заметались в воздухе. Некоторые из них сгорали прямо в полете, однако большинство полетело к своим гнездам, к жилищам людей. И скоро столица древлян превратилась в огромный костер. Спасающихся от огня искоростенцев киевляне убивали и брали в плен. Был схвачен и убийца Игоря, князь Мал. Вдова решила, что не будет казнить его, но кинет в темницу, где правитель древлян проведет оставшиеся дни своей жизни. Место заточения, в котором оказался мятежный Мал, находилось вдали от Киева — в городе Любиче. Ольга хотела, чтобы не только древляне, но и киевляне забыли об узнике.

И о нем действительно забыли. Потому что даже в летописях после падения Искоростеня ни слова не говорится о Мале Древлянском, но мимоходом и с пренебрежением поминается Малко Любчанин.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

О том, как брат и сестра хотели вернуть отцово наследие

Когда суровая мстительница Ольга согревала свою душу пламенем горящего Искоростеня, ее дружинники привели к ней двоих перепуганных детей, захваченных ими сына и дочь мятежного Мала. Ольга не стала мстить детям за вину их отца. Мало того, киевская княгиня добровольно решила принять на себя все тяготы, связанные с их воспитанием. Быть может, в глубине души своей была она не так уж и жестока, эта самая таинственная и непостижимая женщина восточнославянской истории?

Летописи свидетельствуют, что Ольга относилась к детям своего врага так, словно была их заботливой родственницей. Мальчик Добрыня стал ближайшим другом сына Ольги Святослава. Вместе они играли, учились боевому мастерству, трудились и отдыхали. Девочка, имя которой летописцы заменили отчеством,— Малуша, всегда находилась при княгине. Ребенок был ласков и нежен, и Ольга, давно уже повыдававшая собственных дочерей замуж, вспоминая те годы, когда они были маленькими, с удовольствием возилась с древлянской княжной. Когда Малуша подросла, заметившая исключительную честность своей воспитанницы княгиня сделала ее своей ключницей — это значит домоуправительницей и компаньонкой. Это было положение, достойное дочери подчиненного князя. Добрыня еще раньше стал ближайшим среди дружинников юного Святослава.

С точки зрения Ольги, брат и сестра должны были бы с благодарностью принимать такую жизнь, которую предложила им она, и не мыслить об иной. Но ей не было известно, что цепкая память Добрыни сохранила все подробности того черного дня, когда по приказу киевской княгини запылал в ночи Искоростень, столица его отца, его наследие; что днем и ночью не покидают Добрыню мучительные мысли о том, как бы отстроить сожженный родной город, возродить его славу и вернуть древлянское княжение законным потомкам Мала.

Увы, юноша не видел для себя возможности занять престол отца. Но все чаще и чаще взгляд его с надеждой останавливался на сестре. Она становилась чудо как хороша, и уже не раз замечал Добрыня, как нежно воркуют друг с другом Святослав и Малуша украдкой от княгини. Пусть сын Ольги назовет его сестру женой, молил он богов. Ведь если это случится, то тогда их будущие дети, одновременно являясь внуками и Игоря, и Мала, на законных основаниях владели

бы и городами полян, и городами древлян. И оба племени с радостью бы подчинялись им. Но пока это были только мечты.

В 957 году Ольга, дождавшись, наконец, совершеннолетия сына и официально передав в его руки все дела, связанные с управлением, засобиралась в Византию. Священник Григорий, проповедовавший христианство в Киеве и служащий в старинной православной церкви святого Ильи, которая существовала в центре языческой славянской столицы уже многие десятилетия, в последнее время настолько вошел в доверие к матери Святослава, что она стала прибегать к его советам, решая любой из вопросов личного характера. Он ли склонил княгиню к христианству, убедив в том, что иного способа спасти свою бессмертную душу для жизни вечной в раю нет или, может, Ольга увидела еще в те времена в христианстве единственную возможность абсолютного укрепления княжеской власти, — неизвестно. Но только официальной целью поездки княгини в Царьград стало изъявление ею желания креститься в главном храме столицы восточного христианства.

Ольга взяла с собой в путешествие ближайших своих родственников, среди которых были все ее дочери, престарелые сестры Игоря, племянницы и один племянник, который тоже захотел стать христианином. Такое обилие женщин, представляющих княжескую еемыо, было необходимо еще и потому, что Ольга попутно собиралась прощупать почву в отношении возможности женитьбы Святослава на одной из дочерей правителя Византии, базилевса Константина Багрянородного. В том случае, если бы базилевс и его супруга ответили принципиальным согласием, Ольге следовало бы сказать, на ком из византийских царевен она остановила выбор. И вот тут-то родственницы-советчицы оказали бы неоценимую услугу.

Юный Святослав, конечно, пока ничего о замыслах матери не знал. Впервые оставшись в Киеве один и почувствовав себя полноправным правителем, Святослав увлеченно занялся делами державными. Первое, на что обратил он пристальное внимание, была киевская дружина. Стареющий воевода Свенельд, возглавлявший ее в правление Ольги, а также суровый воин Асмолд, который многие годы был добросовестным и усердным учителем Святослава (ас ним и Добрыни) в делах военных, отошли на второй план, уступив свои полномочия молодому и энергичному князю. А тот стал «собирать много воинов храбрых», устраивая для них состязания на силу, ловкость, меткость и быстроту и так отбирая лучших из лучших для своей дружины, с которой, как второй Александр Македонский, замысливал покорить полмира.

Хорошую школу выживания прошел способный ученик Асмолда. Несмотря на свою молодость, Святослав уже имел все задатки великого воина. Летописцы свидетельствуют, что он был силен и быстр, «словно леопард», а также очень вынослив. В будущих своих «походах не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины».

Но в сердце этого сурового князя-воина нашлось место и для нежных чувств. По его воле из тени вышла на первый план сестра Добрыни, чтобы всем стало ясно — она возлюбленная и, возможно, в недалеком будущем его княгиня.

Когда Ольга после многих месяцев отсутствия вернулась в Киев уже христианкой, ценой неимоверных усилий добившаяся согласия базилевса Константина на брак Святослава с царевной Феодорой, ее буквально подкосило известие о том, что сын вознамерился жениться на ключнице. Языческий князь мог иметь несколько жен, но ведь брак с Феодорой предполагал обязательное предварительное крещение Святослава. А по христианским законам муж может иметь лишь одну венчаную супругу.

Негодующая княгиня предприняла все, что только можно, для того, чтобы немедленно разлучить влюбленных. Она лишила Малушу своего расположения и должности ключницы и выслала из Киева в село Будутин на реке Рось. Но напрасно надеялась мать, что сын поддастся в конце концов на ее уговоры и примет христианство для спасения своей души, укрепления власти и женитьбы на дочери базилевса. Святослав, успевший почувствовать себя мужчиной и князем, с решением которого следует считаться, только улыбался, слушая доводы матери: «Мне стать христианином? Да меня моя дружина засмеет!» И действительно, лихие ратники его насмехались, грубо оскорбляли, унижали тех киевлян, которые решились по приезде старой княгини из Царьграда по ее примеру креститься.

Тяжело вздохнув, Ольга вынуждена была примириться с мыслью о том, что сына не переубедить, а значит, и браку с Феодорой не бывать. Но признавать свое поражение перед Малушей ей не хотелось и потому она поспешила предложить Святославу другой вариант. Пускай его супругой и матерью его наследников станет венгерская княжна Ильдика, отцу которой безразлично вероисповедание зятя, но который в случае чего может быть полезен Киеву — у него сильная армия и большое влияние в странах Запада.

Святославу не хотелось окончательно ссориться с матерью и он согласился. Но сразу же после заключения брачного соглашения с Венгрией князь поставил родительницу в известность, что второй его женой станет Малуша.

Ольга упрямилась еще несколько лет, удерживая древлянскую княжну в Будутине, но в конце концов ей пришлось сдаться. Малуша в ссылке родила сына, Владимира, и Святослав, объявив, что вопреки желаниям матери посещал в Будутине сестру Добрыни и что сын этот — его, привез Малушу в Киев, где сочетался с нею браком по всем языческим обычаям.

Но, видимо, древлянская княжна не претендовала на законное и почетное право жить подле мужа в полянской столице, тем более, что Святослав, увлеченный военными делами, гораздо больше времени проводил в походах, чем дома. Легенда утверждает, что Малуша, занимаясь воспитанием сына, тихо жила в одном из живописных поселений неподалеку от Киева. И туда время от времени повидаться с любимой женой и ребенком наведывался Святослав, постоянно сопровождаемый верным Добрыней.

От венгерки Ильдики у Святослава тоже были дети, два сына — Ярополк и Олег. И они были старше Владимира. А это значило, что сын Малуши навряд ли теперь сможет претендовать на киевский престол. Впрочем, оставался еще один вариант. И Добрыня не переставал думать о нем. Уверенный, что теперь Малуша, став матерью, поддержит его, он посвятил ее в свои планы. Вместе им удалось осторожно внушить Святославу идею восстановления древлянской столицы, где мог бы, став взрослым, вокняжиться его сын Владимир. И хотя Святослав не счел целесообразным отстраивать заново сожженный Искоростень, он заложил вместо него новый город, Овруч.

Увы, судьбе не было угодно, чтобы Владимир принял древлянское княжение. Но она неожиданно подготовила ему участь гораздо более счастливую.

В 970 году, вскоре после смерти княгини Ольги, в Киев прибыло посольство из Новгорода. Напомнив Святославу, что именно они пригласили когда-то к себе на княжение деда его, Рюрика, и что отец его, Игорь, и он сам поэтому являются в первую очередь новгородскими, а потом уже киевскими князьями, они высказали все свои обиды по поводу того, что с тех пор, как Рюрик умер, их престол пустует, а законные новгородские князья обитают в Киеве, при этом исправно взимая дань с новгородцев.

— Возвращайся в Новгород или хотя бы дай нам одного из своих сыновей, — потребовали послы, — А не то сами добудем себе князя.

Наслышанный о склочности, хитрости, вероломстве и жадности новгородского боярства, Святослав искренне удивился:

— А кто бы пошел к вам?

И действительно, старшие княжичи, Ярополк и Олег, наотрез отказались. Но Добрыня, сразу смекнув какие большие возможности откроются перед его племянником, если тому посчастливится «зацепиться» за сильный своим воинством и богатый Новгород, шепнул послам: «Просите Владимира».

«И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он лее ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород».

Новгород стал первой ступенькой, на которую поднялся с помощью Добрыни Владимир, внук мятежного Мала. Укрепившись там, силой оружия и остротою ума добился он в дальнейшем не только киевского княжения. Под рукою Владимира собрались почти все восточнославянские племена, возвеличились, выросли и обогатились многие десятки городов. Он стал крестителем Руси. Народные былины сохранили память о нем, как о славном князе Владимире Красно Солнышко, собиравшем в тереме своем для величания цвет славянского рыцарства, самых прославленных богатырей, отважных защитников Руси, грозных врагов всяческой нечисти.

Сыну князя Мала, Добрыне, довелось дожить до времен величия Владимира, и он разделил с племянником его триумф.

О судьбе же Малуши ничего конкретно не известно. Скорее всего, она умерла молодой, еще до того, как сын и брат ее покинули Киев и уехали в Новгород. Доказательством этого может служить то, что в последний год своей жизни княгиня Ольга была единственной воспитательницей и опекуншей трех малолетних внуков. Вместе с ними пришлось старой княгине в отсутствие Святослава отражать нападение на Киев новых врагов, печенегов.

Летописцы скромно замалчивают даты и обстоятельства кончины обеих жен Святослава. Это тем более обидно, что летописный рассказ об отце Владимира, Ярополка и Олега изобилует интересными фактами, и мы можем проследить его жизненный путь во всех подробностях до самого конца.

Этот суровый воин, предпочитая ратные подвиги спокойному правлению, сначала объявил войну хазарам, которым некоторые славянские племена еще в те времена вынуждены были платить дань. Разбив в 965 году наголову войско хазарского кагана, Святослав захватил его крепость Саркел, город на берегу Дона, а потом и столицу Итиль. Киевский князь одержал победу также над подвластными

хазарам племенами горцев касогов и ясов, присоединив к своим землям их территории на таманском полуострове с древним городом, который в античную эпоху назывался Финагория, у хазар — Матраха, а у русских — Тьмутаракань.

Следующей целью Святослава стала Дунайская Болгария, ибо воевавшие с болгарами византийцы в 968 году призвали отважного князя на помощь. В результате этого похода киевскому правителю покорились 80 болгарских городов.

Очарованный красотами Подунавья и прельщенный выгодным с военной точки зрения расположением дунайских крепостей, подумывал было Святослав обустроиться здесь, перенести свою столицу из Киева на Дунай. Ни уговоры матери, еще живой в то время, ни грозные требования византийского базилевса Иоанна Цимисхия, который сменил на престоле Константина Багрянородного, не изменили его решения. И только когда выступившие против Святослава бывшие союзники византийцы нанесли ему серьезное поражение в битве под Доростолом, крепостью на Нижнем Дунае, князь вынужден был подписать в 971 году договор с Цимисхием, согласно которому должен был покинуть полюбившиеся ему Дунай и Болгарию.

Возвращаться домой Святослав решил по Днепру, через пороги. Старый воевода Свенельд пытался отговорить его, считая более безопасным путь по суше, на конях, но киевский князь не послушался совета. За днепровскими же порогами воинов Святослава поджидала засада. Хитрые и коварные византийцы предупредили врагов Киева печенегов, что киевский властитель будет возвращаться в свою столицу именно этим путем.

Из черепа павшего в жестокой стычке с печенегами Святослава его победители сделали чашу, и печенежский хан пил из нее на пирах.

«Может быть, князь сознательно пошел на героическую смерть в бою? — вопрошает российский исследователь В. Петрухин, автор книги «Славяне».— Русь считала позором поражение или смерть в плену. Смерть же в бою обеспечивала герою счастливую загробную жизнь в воинском раю, где продолжались пиры и битвы. Таковы были языческие верования Руси и варягов-викингов».

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, как княжна не хотела разуть сына рабыни

Не слишком ли много внимания мы уделяем Киеву и Новгороду, спросит, возможно, уважаемый читатель.

И, согласившись с ним, автор с удовольствием вновь вернется на земли Беларуси, чтобы рассказать самую, наверное, драматичную из сохраненных для нас восточнославянскими летописцами повесть о женской судьбе — повесть о полоцкой княжне Рогнеде. Только пусть уж не обессудит читатель, если в рассказ наш вдруг вновь властно ворвутся и Новгород, и Киев. Потому что ту, самую давнюю, самую первую нашу историю трем восточнославянским народам действительно просто невозможно разделить на «свою» и «чужую».

Итак, княжна Рогнеда... В середине X века ее родной Полоцк был одним из самых богатых и красивых славянских городов. Тут сидел на престоле князь Рогволод, пользовавшийся большим авторитетом и среди своих соотечественников, и в соседних землях. Молодость довелось Рогволоду провести вдали от родины — искал он славы в чужих землях, вместе с младшим братом своим Туром служил мечом поморским князьям. Но прискакал однажды гонец из Полоцка, где долгие годы княжила одинокая вдова Предслава, родная тетка Рогволода. Княгиня умирала и, не имея сыновей, звала к себе старшего из племянников, чтобы передать ему власть над полочанами.

И вложили Рогволод и Тур свои мечи в ножны, и вернулись «из заморья, имяше свою волость в Полоцке». И вокняжился Рогволод в Полоцке, а брат его, не желая быть зависимым, отправился в земли дреговичей, где был принят ими в качестве князя. Построил Тур в дреговичских землях на полноводной Припяти новый город, назвал его своим именем — Туров. И стал Туров столицей княжества.

Во времена Святослава Игоревича Рогволод и Тур были чуть ли не единственными восточнославянскими князьями, которые не платили дани Киеву. Чувствуя себя свободными, они налаживали выгодную торговлю с дальними и ближними своими соседями, развивали в пределах подвластных им земель ремесла, обустраивали свой быт и быт своих подданных. Их города быстро разбогатели, слава о мудром и рачительном княжении братьев разнеслась далеко за пределы восточнославянских земель. О богатстве Тура рассказывали легенды. О силе и могуществе Рогволод а складывали песни. Опираясь на дошедшие до далеких потомков песни эти, русский поэт XIX века К. Рылеев писал:

При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих.
Сверкали в пущах их мечи,
Литовцев поражая диких.
Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Служить ему за честь вменяли.

Легенды утверждают, будто бы один из «иноплеменных царей», некий скандинавский конунг, отдал за Рогволода свою дочь Изольду, которая вскоре родила полоцкому князю двух сыновей и дочь. Княжну назвали славянским именем Горислава, что означало отнюдь не «прославившаяся в горе», как полагают многие современники, и как искренне считал известный киевский летописец Нестор, но «горящая своей славой». Впрочем, гораздо чаще к дочери полоцкого князя обращались, уважительно производя ее имя от имени отца — Рогнеда. Уже в отроческие годы княжна была чудо как хороша, а повзрослев, стала писаной красавицей. И слава о дочери Рогволода действительно «загорелась», подобно путеводной звезде, привлекая внимание знатных женихов.

Говорят, их было много, но никто из них не удостоился благосклонного взгляда Рогнеды, пока не посватался к прекрасной полочанке молодой киевский князь Ярополк.

Был Ярополк старшим сыном Святослава от венгерской княжны Ильдики. Отец еще при жизни своей передал ему киевское княжение, намереваясь для себя самого построить мощную столицу на Дунае. Да не заладилось сразу же у Ярополка с младшими братьями, единоутробным Олегом и сводным Владимиром. Чья была в том вина — трудно судить, но сразу же после гибели Святослава возникли у Ярополка недоразумения с Олегом, который получил в удел древлянские земли со стольным градом Овручем. Старый воевода Свенельд, сын которого Лют, охотясь однажды в древлянских лесах без дозволения Олега, был убит Олеговыми людьми, сделал все, чтобы довести конфликт между братьями до выяснения отношений с помощью оружия. Ярополк разбил Олегово войско, и отступающие в панике к Овручу древлянские дружинники случайно толкнули своего князя с подъемного моста в ров, наполненный водой.

Узнав об Олеговой смерти, Владимир посчитал, что следующей жертвой Ярополка должен стать он сам. И страшась за свою жизнь, бежал из Новгорода к варягам. Ярополк тут же овладел его городом, назначив туда своего посадника. Впрочем, найдя себе в скандинав-

ских землях союзника, некоего яр л а О лафа, и женившись в знак признательности на его дочери Аллогии, Владимир вскоре вернулся на Русь с сильной варяжской дружиной. Он без особого труда вернул себе Новгород, прогнав киевского посадника. И между Киевом и Новгородом повисла напряженная тишина, готовая в любую минуту взорваться и разразиться войной.

В поисках надежного союзника на этот случай Ярополк обратил свой взгляд к Полоцку Рогволода. А обратив, уже не мог заставить себя отвести его, потому что оказался ослеплен, порабощен, взят в плен красотою княжны Гориславы.

Ярополк Киевский был женат на женщине, которая была ему навязана обстоятельствами. Отец Ярополка, Святослав, в последний свой приезд в Киев, когда пришлось ему, кинув все свои дела на Дунае, спешить на помощь к матери и сыновьям, которые затворились в городе от осаждающих его печенегов, привез с собой юную болгарскую монахиню. Святослав выкрал ее из святой обители, пораженный ее «печальной красотой» . Вдовый уже по тем временам князь имел намерение жениться на чужеземке, но подобный поступок был святотатством и повергнул в ужас его мать-христианку. Возможно, именно из-за этого несчастная княгиня Ольга тяжко заболела. Чувствуя приближение смерти, она умоляла Святослава задержаться в Киеве подольше, чтоб хотя бы похоронить ее. И, надо думать, последней предсмертной просьбой ее было не называть своей супругой Христову невесту.

Так или иначе, но после кончины матери монахиня, красота которой толкнула Святослава на настоящее безумство с похищением, была отдана князем-язычником в супруги своему старшему сыну. Ярополк оказался на несколько лет моложе ее.

Во многих летописях болгарская жена Ярополка называется «грекиней», но это указывает лишь на то, что была она монахиней «греческого», т. е. православного христианского монастыря. Впрочем, имя красавицы, к счастью, до нас дошло. Ее звали Миломикой.

Увы, пленившая Святослава «грекиня Милолика», оставила совершенно равнодушным к своей особе его сына. Увидев же полоцкую княжну Гориславу, Ярополк воспылал к ней любовью со всей силой юношеской страсти. Рогнеде тоже полюбился киевский князь.

Думая одновременно и о счастье дочери, и о выгодах союза с Киевом, вместе с которым он мог бы отстаивать свои права на спорные помежные с Новгородом территории, Рогволод дал согласие сватам, посланным Ярополком.

Но как только их с честью проводили, на княжий двор въехало иное посольство. Это были сваты от Владимира. Самый доверенный, самый близкий к новгородскому князю человек, его воспитатель и дядя Добрыня, возглавлял это посольство. От имени своего племянника Добрыня просил руки Рогнеды. А вместе с рукою — благосклонности и доброжелательности Полоцка, в союзе с которым Владимир рассчитывал воевать Киев.

Отнюдь не являясь для Полоцка мирным и добрым соседом, Владимир поразил Рогволода внезапностью предложения. Впрочем, избрав уже себе союзника и зятя, полоцкий князь не собирался пересматривать своего решения. Он должен был отказать Новгороду. Рогволоду показалось, что отказ из уст невесты, которой самой по старому языческому обычаю предоставят сделать выбор «между двумя равнодостойными претендентами», будет выглядеть наиболее мотивированным. Но, к сожалению, юная Горислава не имела ровным счетом никакого представления ни о политике, ни о дипломатии. Не подбирая слов, она высказала в глаза сватам все, что думала о нежданном женихе, то, что, видимо, неоднократно было слышано ею в гриднице отца и в горнице матери. Вспоминая, что мать новгородского князя Малуша была плененной княжной и что Святослав сделал ее своей женой уже после рождения сына и при великом недовольстве Малушиной «хозяйки», княгини Ольги, Горислава назвала Владимира «сыном рабыни», не равным ей, рожденной дочерью конунга. Гордая своим происхождением, Рогнеда не могла допустить и мысли о том, что ей пришлось бы по старинной славянской традиции в первую брачную ночь разувать «сына рабыни».

Высокомерная красавица не заметила, а может, просто не хотела заметить, как, выслушивая ее речь, багровеет от едва сдерживаемой ярости Добрыня. Не имея возможности в свое время открыто защитить свою сестру от гнева их пленительницы Ольги, не сумев вернуть себе отцовский престол, вынужденный постоянно смирять своего воспитанника Владимира с более чем скромным положением младшего сына владетельного князя, он был уязвлен сейчас в самое сердце. Как же мог он предлагать Владимиру искать союза с кичливым Полоцком! Как мог даже подумать о том, чтобы Рогволод предпочел видеть зятем младшего, с трудом удерживающего свой престол брата, старшему, получившему от отца большую и лучшую часть наследства?!

Добрыня ничего не ответил жестокой Гориславе. Но поспешив вернуться в Новгород, тут же, не скрывая ничего, передал слова

дочери Рогволода Владимиру. Воспылав жаждой мести, дядя и племянник порешили ответить на немыслимое оскорбление войной.

До сих пор непонятно, как удалось новгородскому князю, молодому, неопытному и не имеющему достаточной уверенности в своих силах, так легко разбить хорошо обученное многочисленное войско Рогволода и взять на щит надежно укрепленный Полоцк. Быть может, Владимиру помогла внезапность нападения и слепая ярость, с которой он обрушился на противника? Как бы там ни было, Рогволоду не удалось организовать достойного сопротивления, он потерял свою дружину и вместе со своими сыновьями попал в плен.

На дворе княжеского терема Владимир и Добрыня обнаружили множество груженых ценностями возов — это было приготовленное к отправлению в Киев приданое Рогнеды. Сама княжна, уже одетая по-дорожному , была найдена новгородскими воинами спрятавшейся в своей горнице.

Рассказывая о дальнейших событиях, летописец утверждает, что, захватив Рогнеду, Добрыня «ругал ее и наказал Владимиру быть с нею перед отцом ее».

Отомстив княжне за высокомерие унижением, Добрыня посоветовал Владимиру не оставлять в живых ни отца ее, ни братьев. Погибла в тот черный для Полоцка день и мать Рогнеды, происхождением которой так гордилась княжна. Но саму Гориславу Владимир пощадил. Она была так прекрасна и желанна, гораздо красивее и желаннее, чем его жена, дочь ярла О лафа Аллогия. Владимир решил жениться на злосчастной полочанке, как только покончит с тем, кто единственный сейчас мог бы оспорить его право на красавицу. Это был Ярополк, избранный самой Рогнедой жених.

На этот раз новгородский князь решил действовать хитростью. Подойдя со своим войском к Киеву и окружив его, он стал искать среди ближайших к Ярополку людей предателя. Такой, воевода по имени Блуд, нашелся. Блуду удалось внушить своему господину, что все остальные бояре уже договорились между собой сдать его Владимиру. Напуганный этим, Ярополк поспешил покинуть Киев и искать спасения в городе-святилище, городе-убежище Родне. Князь надеялся, что его брат не решится придти в священный город полян и требовать у родненских жрецов выдачи беглеца. Владимир приблизился к Родне и остановился со своим войском в нерешительности. Так проходил день за днем. Полагая, что Владимир не отойдет добром от стен города-святилища, хотя и не решится войти в него, верные люди советовали Ярополку тайно выйти из города и податься к печенегам. Блуд же доказывал бесперспективность подобного поступка и угово-

рил в конце концов несчастного киевского князя сдаться на милость Владимира. Но Владимир милостивым не оказался. Когда Ярополк пришел к нему без охраны и без оружия, два воина из варяжской дружины накинулись на него и пронзили своими мечами.

Так «сын рабыни» занял киевский престол. В тот же месяц Рогнеда стала официальной второй супругой Владимира. В дальнейшем число жен киевского князя увеличилось до пяти. Но среди всех княгинь Рогнеда всегда занимала особенное положение. Больше всех отмечал и привечал ее Владимир. Гораздо чаще, чем другим женам, уступал ей место подле себя. Она была матерью его шестерых детей. Щедро дарил ей самые дорогие подарки. Видимо, жалел о своей несдержанности и вспыльчивости. О том, что послушался мстительного Добрыню и оскорбил прекрасную полочанку. О том, что промолчал, когда брат Малуши отдавал приказание убить Рогнединых родных.

И зная, какие чувства владеют ее нежданным, негаданным, нежеланным мужем, отчаяние в сердце Рогнеды постепенно уступало место гневу, гнев — обиде, обида — слезам. Слезы же в конце концов исторгли из ее сердца оправдание для человека, который стал вершителем ее судьбы. И она смирилась с действительностью.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

О том, как реки обретают имена, а народы святых Заступников

Однажды довелось услышать: «Былины — это страницы истории, пропущенные летописцами». Красиво, но не совсем верно. Скорее, былины — это летописи, которые народ вел параллельно с учеными мужами. Только летописи эти были изустными и потому, с течением времени пропущенные через сердца сотен и тысяч пересказчиков и всячески приукрашенные ими, стали звучать менее правдоподобно.

Расшифровке изустных летописей — былин посвящено немало научных работ современников. И результаты уже есть — сведения о нашем историческом прошлом дополнены интереснейшими подробностями, фактами, именами. Одно из имен этих, вернувшихся к нам из тьмы забвения благодаря былинам, принадлежит дочери князя Тура, двоюродной сестре Рогнеды, княжне Настасье.

Говорят, у Тура было три сына рі девять дочерей. В отличие от язычника Рогволода он крестился, приняв новое имя Федор. Христианами стали и все члены его семьи. Вместе с сыновьями Тур возводил на своей земле храмы и, кажется, даже основал два монастыря — мужской и женский. Хотел решить князь по своему разумению судьбу дочерей. Не видя лучшего для них жениха, чем Христос, велел им всем стать монахинями. Да только неразумные упрямые дочери, не согласные с его решением и не знающие, как возразить властному отцу, кинулись на языческий праздник Купалье в лес искать счастливый цветок папоротника, да и погибли там, попав в болото. Все кроме одной. Эту княжну, Настасью, Тур уже неволить не стал. Как хотела отныне, так и жила.

Люба же княжне была воля вольная, веселая охота, седло да лук со стрелами. Потому чаще видели Настасью при богатырском дворе ее полоцкого дяди Рогволода, где она составляла разительный контраст своей двоюродной сестре, женственной и кокетливой Гориславе. Впрочем, женщины, ведущие такой образ жизни, как Настасья, были в те времена не в диковинку. Их называли поляницами. Они участвовали в походах вместе с мужчинами-воинами и сменяли доспехи на платья уже после того, как выходили замуж и становились матерями. (На полянице был женат, например, дядя князя Владимира, Добрыня.)

А как же князь Тур? С тех пор как его погибших дочерей положили в каменные саркофаги, он сильно загрустил. И надумал

однажды, что надо ему отойти от дел княжеских ради подвигов духовных. Передал он Туров старшему своему сыну, Пинск, второй но величине город в княжестве, — среднему, и вместе с младшим сыном, Иваном, засобирался в далекий Царьград, в паломничество по святым местам. Долгим было это паломничество. В отсутствие Тура произошло так много разных событий, и самым значительным и роковым из них было свадебное посольство Владимира к Рогнеде.

Былина о Настасье-полянице утверждает, что вместе со сватом Добрыней в Полоцк приехал молодой богатырь по имени Дунай, который когда-то начинал свой путь со службы у Рогволода: «...три года конюхом, три года стольником, три года чашником». Еще тогда заприметила его девочка Настасья, бывавшая тут время от времени в гостях. И он ей понравился. Теперь же повзрослевшая княжна открыла свои чувства Дунаю. Тот тут же предложил ей ехать с ним, чтобы обвенчаться и стать его женой.

Когда в Киеве князь Владимир по языческому обряду сочетался на капище с Рогнедой Полоцкой, в христианской церкви святого Ильи Дунай назвал своей женой Настасью Туровскую.

Но не дано было сестре Рогнеды долгое счастье. Однажды, во время одного из походов, скорбно повествует былина, подвыпив на привале в кругу Владимировых дружинников, Дунай расхвастался, что он-де самый лучший стрелок из лука. Настасья посмела возразить ему, так как знала, что она гораздо более метко стреляет. Решено было наладить состязание. В ствол дерева воины воткнули нож. Следовало расщепить стрелу о лезвие этого ножа. Стреляли по очереди. И два раза подряд после неудачного выстрела Дуная его жена успешно справлялась с заданием. Насмешки боевых товарищей привели богатыря в бешенство. И третью стрелу свою нацелил он прямо в сердце уязвившей его самолюбие Настасьи.

Побледневшая женщина упала перед мужем на колени, умоляя простить ее. Но Дунай молча продолжал натягивать тетиву. Настасья напомнила тогда мужу, что всего через три месяца должна стать она матерью их ребенка и просила пощадить ее хотя бы ради младенца или дать возможность его родить, а потом уже убивать ее. Безжалостный Дунай, не вняв мольбе княжны, выстрелил. И в третий раз промахнулся он — не в сердце попала стрела, а прямо в чрево несчастной женщины, пробив тельце нерожденного еще ребенка. И только когда, тяжело застонав, упала истекающая кровью Настасья на землю, хмель вылетел из головы богатыря. Поняв, что натворил, на глазах притихших дружинников, кинулся Дунай к мертвой Настасье и подле нее пронзил себя мечом. Кровь богатыря, поляницы и их

нерожденного сына, смешавшись, стекла в близлежащую речушку, на берегу которой произошла эта трагедия. И с тех пор местное население называет ее Дунаем.

Этот малый Дунай находится под нынешним Минском, на землях древнего Полоцкого княжества. И любой желающий сегодня может придти на его берега, чтобы почтить память несчастной княжны Настасьи и поразмышлять о превратностях судьбы, которая оказалась столь зла не только к ней, но и ко всему роду князя Тура.

Летописи рассказывают, что в 983 году возвращающийся из Царьграда Тур вместе со своим сыном Иваном остановился в Киеве. В это время языческие жрецы готовились к жертвоприношению в честь недавней победы над ятвягами.

Было решено умертвить на капище юношу и девушку. Жертвы должен был определить жребий. Случайно или умышленно, но он пал на сына Тура. Когда к Туру явились жрецы и сообщили, что богам-де угодно принять в жертву «прекрасного лицем и душою» Ивана, князь-христианин возразил им, указывая на деревянных кумиров:

— Не боги это, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, тот, кто сотворил небо и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам».

Жрецы удалились и, созвав народ, тут же объявили, что отец избранного для жертвоприношения не только противится воле богов, но и всячески хулит их. Толпа язычников кинулась к дому, где остановились паломники, отец и сын. Они стояли уже в сенях, готовые спешно покинуть негостеприимный город. Увидев перед собою вооруженных людей, требующих: «Дай сына своего, да принесем его богам», Тур взял юношу за руку и ответил:

— Если боги они, то пусть пришлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?

Тогда язычники накинулись на отца и сына и тут же убили их.

Через пять лет князь Владимир, став христианином, вспомнил о принявшем смерть ради своей веры князе Туре и велел построить на месте его гибели церковь пресвятой Богородицы. Он же первым стал добиваться канонизации несчастных отца и сына, как мучеников православной церкви. Действительно, имена киевских мучеников Федора и Ивана вошли в Православные святцы как святых заступников «града Киева и всей русской земли».

Но почитание памяти князя Тура не помешало Владимировым притязаниям на Туров, в котором после гибели основателя правили

его потомки. Всего несколько лет был у власти старший сын Тура, которого за набожность называли Владыкой. Он разрешил в Турове проповедовать священникам и монахам не только восточный, византийский вариант христианства, но и западный, римский, признав равноправие этих двух тогда еще не церквей, но течений.

Владыко умер неожиданно и подозрительно скоро. Его сменил брат, которого, помня еще его языческое имя, подданные называли Комаром. Он правил еще меньше, так же как и брат уйдя из жизни молодым. Бездетная вдова Комара некоторое время выполняла обязанности туровской правительницы. Она была язычницей и зналась с волхвами. При ней тайный противник туровских князей, виновный, по-видимому, в их безвременной смерти, показал свое истинное лицо—к Турову подошла киевская дружина. Но княгине удалось отбить нападение. Легенды приписывают это ее волхвованию — княгиня-де вовремя и со знанием дела принесла богам жертвенных животных, и они помогли ей. Второй раз киевское войско подступило к Турову, узнав о смерти княгини, и воспользовалось временным замешательством потерявших правительницу туровцев. На этот раз Владимир овладел городом и присоединил его к своему княжеству.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

О том, как киевский князь соперничал с царем Соломоном

У каждого человека, тем более, если он правитель, есть свои недостатки. В числе таковых у Владимира летописцы называют женолюбие. Имел киевский князь пять законных жен, но он отнюдь не ограничивал свое общение с прекрасным полом только их обществом. В летописях мы находим свидетельства, что «наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц».

Удивляясь темпераментности и неослабевающему интересу своего правителя к женщинам, подданные стремились завоевать его расположение, добывая в коллекцию, собираемую Владимиром, все новых и новых красавиц: славянок, гречанок, евреек, раскосых одалисок. Говорят, что однажды киевскому князю подарили даже негритянку.

Но быть может, все эти рассказы о необузданной страсти Владимира не больше, чем сплетни его современников и досужие домыслы потомков? Действительно, нам не известно ни одно имя, ни одна судьба наложниц князя, ни разу в летописных рассказах не всплыл в качестве действующего лица ни один из сыновей Владимира от женщин, не являющихся его женами. Да и сведения о супружеской жизни князя по большому счету не дают оснований утверждать, что он был действительно таким уж женолюбцем. Потому что почти все его браки преследовали скорее политическую, чем личностную цель.

Первой женой Владимира, как мы уже знаем, стала дочь ярла Олафа, Аллогия (или, по отцу, Олава). Аллогия была из числа тех таинственных скандинавских дев, которых современники почти обожествляли, считая вещими ясновидицами. Владимир благоговел перед ее настоящим или мнимым даром, иногда прибегая к нему, когда следовало совершить некий выбор или принять решение. Аллогия была также крепким связующим звеном между Владимиром и варяжской дружиной, которая помогла ему сначала отвоевать Новгород, а потом вокняжиться в Киеве. Лучших воинов из этой дружины князь позднее сделал посадниками в разных городах. От Аллогии у Владимира был только один сын, Вышеслав. Отправленный княжить в Новгород, он умер еще при жизни своих родителей.

Официально рождение этого ребенка означало когда-то, что супружеские обязанности перед дочерью ярла Олафа Владимиром исполнены и корить варягам его за неуважение, оказываемое их вещей соотечественнице, не придется. Ни о любви, ни о страсти не может быть и речи.

Третьей супругой киевского правителя стала вдова Ярополка, печальная Мило лика. Жениться на ней Владимира заставил целый ряд обстоятельств. Придя узурпатором в Киев, умертвив родного брата и законного правителя, он не мог рассчитывать на любовь и преданность киевлян. Женитьба на законной киевской княгине укрепляла его положение, тем более, что такой женитьбы — пускай не действительной, но хотя бы фиктивной — требовал языческий закон — князь, убивший другого князя, берет себе в жены его вдову и усыновляет детей. Детей у Ярополка от Милолики не было, так как он не любил навязанной отцом женщины. Владимир же решил немедленно заиметь от болгарки наследника. Видимо, умышленно, он распространил в дальнейшем слухи о том, что новорожденный сын Милолики Святополк может оказаться не его, Владимира, ребенком, но наследником Ярополка. Пусть бояре оценят его уважение к традициям предков. Ведь не уверенный в своем отцовстве, он все-таки почитает Святополка так же, как и иных своих сыновей, не делая меж ними различий.

Красавица Милолика не могла серьезно привязать к себе Владимира, так как была на много лет старше его. Но в дни печали и меланхолии она умела лучше всех понять его, и потому князь дорожил этой своей женой.

Киевскими княгинями стали также богемка Малфрида и моравка Адель. Это были, безусловно, династические браки, связывавшие Киев с наиболее сильным из славянских государств того времени — Чехией. Не менее выгодным был союз с Киевом для богемского и моравского князей, отцов Малфриды и Адели. Это следует из того, что они, христиане не первого уже поколения, согласились на то, чтобы их дочери стали четвертой и пятой женами в гареме язычника. Впрочем, обе княжны были молоды и хороши собой, и могли вызвать определенные чувства в душе Владимира. Но, кажется, чувства эти были довольно ровными и не имели ничего общего с любовью. Малфрида родила мужу двух сыновей, Святослава и Судислава, а Адель — Станислава и Позвизда. Это, пожалуй, и все, что известно нам об их супружеских взаимоотношениях.

Быть может, единственной женщиной, которая по-настоящему волновала Владимира, была Рогнеда. Страстная и чувственная поло-

чанка заставляла киевского князя переживать всю палитру человеческих чувств: любовь, ревность, гнев, смирение, раскаяние, умиротворение. Неожиданная, непостижимая, непредсказуемая, она неизменно влекла к себе князя. И невольно гордилась Рогнеда своей властью над этим сильным человеком, и кичилась перед иными его женами своим положением «княгини над княгинями» .

Дабы не вызывать зависти четырех других своих женщин к Рогнеде, Владимир отделил ее от них, подарив сельцо на Лыбеди. Там в окружении боярынь, преданных служанок, в довольстве и в почете и жила она, любимая супруга киевского князя. А он постоянно навещал ее и шестерых детей, которых родила ему Рогнеда.

Будь Владимир, действительно, подобен царю Соломону, любви и восхищения которого хватало на сотни женщин, оставил бы он как наследие нам прекрасную поэму о любви, схожую с той, что называется «Песнь песней». Но Владимир был иным, и поэтому мы находим в летописях прозаическое сообщение о принятии им в дальнейшем христианства и разводе со всеми пятью языческими женами ради руки сестры византийских базилевсов. Впрочем, это уже тема для следующего рассказа.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

О том, как одна женщина исцеляла именем Бога, а другая требовала Бога себе в женихи

Поздней осенью 987 года в Византии началось восстание полководца Варда Фоки. Одновременно с этим против власти Царьграда выступили болгары. Занимавшие в это время византийский престол базилевсы-соправители, братья Василий и Константин Багрянородные, пребывали в замешательстве, когда к ним пришли предводители «варангов», или так называемого Варяжского корпуса, который достойно защищал интересы государей, входя в состав их армии. Большинство варягов, из которых был сформирован корпус, раньше служили у князя Владимира и помогали ему добывать киевский престол. Став ненужными вокняжившемуся в Киеве князю, они попросили отпустить их на службу в Царьград. Теперь их предводители предлагали базилевсам Василию и Константину просить военной помощи у Владимира, который имел под рукой большую армию и опытных воевод. Базилевсы, рассудив, что им уже абсолютно нечего терять, решили послушаться совета и воззвали к киевскому князю, суля за военную услугу все, чего только Владимир не попросит.

Владимир, давно мечтающий о прочном мире и взаимопонимании с Византией и не знающий до этих пор лучшего способа добиться такой цели, кроме как при помощи брака, попросил у братьев руки их сестры, Анны. Базилевсы согласились, выставив все-таки со своей стороны условие. Они, христианские монархи, не могут допустить, чтобы их родная и любимая сестра стала одной из очередных невенчанных супруг в гареме язычника. И князья богемский и моравский, которые уготовили такую участь своим дочерям, княжнам Мал фриде и Аде ли, для них не пример. Пусть Владимир примет крещение и избавится от своего гарема, прежде чем назовет Анну женой. Пусть Анна будет единственной Великой княгиней Киевской.

Надо сказать, что киевский князь и сам вот уже несколько лет раздумывал над тем, не сменить ли славянское язычество на религию, которая не предполагала бы многобожия. Он заметил, что люди спешат оправдать все свои деяния и само устройство общества, в котором живут, законами, провозглашаемыми их религией. Например, думали в те времена люди, что если богов на небе множество, и все они равнодостойны, и у каждого из племен — свой бог-покровитель, то не значит ли это, что правителей у славян тоже должно быть

множество, и у каждого племени свой? И такие убеждения сильно мешали киевскому князю, который стремился объединить разноплеменную Русь в единую сильную державу.

Вероисповеданий, где Бог был един, Владимир насчитал всего четыре: иудаизм, магометанство, христианство по римскому и христианство по греческому образцу. Для того чтобы выбрать лучшую, более приемлемую для принятия на Руси веру, киевский правитель отправил своих доверенных людей в разные державы наблюдать за тем, как отправляют там в храмах богослужения, и какие росту латы вынуждены соблюдать верующие. Больше всего впечатлил его рассказ посольства, сходившего в Царьград — уж больно красивы были византийские соборы, пышны службы и торжественны лица священников.

Правильно расценив, что подданных его, обращенных в новую религию, в первую очередь должно привлекать в храмы зрелище великолепия, Владимир выбрал «восточное христианство», которое к тому же не заставило бы русинов идти на гастрономические жертвы в форме отказа от употребления свинины и крепких напитков, которые требовали мусульманство и иудаизм. Единственным неприятным обстоятельством христианства являлось единобрачие. Именно это обстоятельство некоторое время еще удерживало киевского многоженца, не решающегося сделать выбор в пользу какой-либо одной из своих супруг, от окончательного решения. Условие, выдвинутое византийскими базилевсами разрешило сомнения Владимира. Чтобы никому из его языческих жен не было обидно, он разведется со всеми. Пусть крещение ознаменует начало его новой жизни, в которую войдет очередная, но теперь уже единственная женщина — Анна Багрянородная, самая высокородная из всех, кого доводилось ему называть своими супругами.

Владимир подписал договоренность с базилевсами и послал в Византию свои войска. Славянские дружины оказались очень кстати. С их помощью византийским правителям удалось быстро покончить со всеми опасностями, грозящими их царствованию.

Пока же Василий и Константин укрепляли свое положение на троне, Владимир начал готовиться к исполнению обещания, данного им базилевсам. Легче всего было ему найти взаимопонимание со своими крещенными женами, Милоликой, Малфридой и Аделью. Они не могли не порадоваться решению Владимира обрести спасение путем принятия крещения. Всегда где-то в глубине души считая свой брак с киевским правителем блудодейством, они согласились на развод и воспользовались предложением Владимира заключить новые

браки с вельможными христианами. Скандинавка Аллогия, которая уже много лет вела себя по отношению к мужу скорее как сестра, чем как жена, встретила известие о разводе довольно спокойно. Прекрасно понимая, какие чувства движут им в принятии такого решения, она даже изъявила желание креститься сразу же после того, как это сделает ее бывший муж, и этим показать пример служилым варягам. Если Владимиру будет нужно, Аллогия даже станет женой кого-нибудь из соотечественников, которые примут христианство и смогут поддержать своим авторитетом киевского князя.

Владимиру оставался последний разговор. Самый трудный. С Рогнедой. Когда озабоченный необходимостью объявить о разводе полоцкой княжне Владимир приехал в ее терем на реке Лыбеди, Горислава еще ничего не подозревала, но думала, что князь прибыл к ней для очередного любовного свидания. Она радостно встретила его в горнице, где кроме нее находился и один из сыновей, Ярослав, умненький, но убогий мальчик, который от рождения не мог ходить.

Выслушав речь Владимира, произнесенную им, опустивши глаза долу, Рогнеда взорвалась яростною тирадою: «Княгинею была, да не стану рабынею!» А поралсенный маленький Ярослав, вдруг встав с кресла на ножки, кинулся к матери с криком: «Ты княгиня над княгинями и царица над царицами!» Придя в изумление от чуда исцеления ребенка, киевский князь решил остаться в тереме Рогнеды на ночь. Он надеялся все-таки уладить дело о разводе с матерью Ярослава добром.

Ночью же случилось непредвиденное. Княгиня с ножом в руках кинулась на спящего Владимира...

Ей не удалось исполнить задуманное, ибо князь вдруг проснулся и успел перехватить направленный ему в сердце нож.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

— Ты отца моего убил и землю его полонил, чтобы добиться меня, а теперь не любишь меня, — ответила Рогнеда.

Разгневанный Владимир приказал непокорной супруге одеться как можно лучше и приготовиться к смерти. Он сам убьет ее своим мечом. Сказав это, князь покинул Рогнеду.

Но видно, само небо подсказало полоцкой княжне путь к спасению. Она позвала самого старшего из своих сыновей, Изяслава, и приказала семилетнему мальчику встать со своим детским мечом на пути у отца. Когда Владимир вошел к Рогнеде, Изяслав шагнул к нему навстречу со словами: «Не думай, отец, что ты тут один».

Ребенок, поднявший на него меч, защищая жизнь матери, поразил Владимира не меньше, чем до этого другой, который усилием

воли встал на свои больные ножки, чтобы продемонстрировать перед отцом свою любовь и преданность Рогнеде. Не будут ли мстить ему собственные сыновья, когда подрастут, если он у них на глазах расправится с Гориславой? Этого надо было избежать любой ценой.

Призвав на совет своих бояр, Владимир услышал и от них неодобрение по поводу своего первоначального решения предать Рогнеду смерти. Кое-кто напомнил князю и о том, что, расправившись с женой по языческим законам, он, без пяти минут христианин, который должен учиться прощать прегрешения ближних, сильно потеряет в глазах у Анны Багрянородной.

Бояре посоветовали своему господину отослать Рогнеду вместе со старшим сыном Изяславом из Киева куда подальше. Ярослава же решено было оставить с отцом. По малолетству княжича можно было бы еще перевоспитать его так, чтобы он любил и уважал отца.

Владимир согласился. В конце концов, как бы ни была виновна перед ним Горислава, он все еще продолжал испытывать к этой удивительной женщине волнующие чувства. Для Рогнеды распорядился Владимир построить на землях Полоцкого княжества небольшой городок, которому дал имя ее сына-защитника Изяславль. Там они и поселились по воле властного своего мужа и отца.

Разобравшись более-менее со своим гаремом, Владимир обратил вопрошающий взгляд в сторону Царь-града. А оттуда не последовало ничего, кроме презрительного молчания. Укрепив свое положение на престоле, базилевсы решили не выполнять обещания, данного Владимиру, так как считали его варваром, недостойным права называться зятем византийских императоров.

Киевский князь должен был либо молча проглотить обиду, либо властно заявить о своих правах на Анну Багрянородную. Он собрал большое войско и, посадив его на ладьи, направился к городу Херсонесу, крупному торговому центру на Черном море, своеобразной греческой республике, повинующейся собственным законам, избирающей своих правителей и не платящей никому дани. Херсонес, тем не менее, номинально считался владением Византии, поэтому покорение его больно бы ударило по чести и престижу базилевсов. Окружив со всех сторон город, Владимир начал осаду. Время от времени она прерывалась переговорами с херсонесцами. Но те, ожидая скорой помощи из Царь-града, неизменно отвергали все предложения Владимира относительно сдачи.

Однажды из города в стан киевского князя прилетела стрела с запиской. Некто Анастас, который был почему-то заинтересован в падении своего родного города, писал: «За вами, к востоку, находятся

колодези, дающие воду херсонесцам через подземные трубы; вы можете отнять ее». Владимир не преминул воспользоваться советом доброжелателя, и измученный жаждой город вскоре отворил ему свои ворота.

Войдя в Херсонес, киевский князь тотчас послал людей своих к Василию и Константину, угрожая в случае невыдачи ему Анны точно так же захватить и их столицу. Базилевсы сразу же стали сговорчивее. Нет, они и не думали, оказывается, обманывать прославившегося своими великими делами князя Владимира. Они просто ждут, когда он, исполнив обещанное им, примет крещение. Если он не захотел почему-то сделать этого в своем Киеве, пускай крестится в Херсонесе, на святой греческой земле.

Владимир подтвердил свое намерение креститься, но потребовал, чтобы сначала ему прислали Анну. Пусть приедет она на его крещение в залог доверия и дружбы между его державой и великой Византией.

Братья понуро отправились уговаривать сестру ради благополучия их родины пожертвовать собою, согласившись на требования варвара, предводителя русов. Анна рыдала, умоляя Василия и Константина не губить ее. Царевна была уже не так чтобы молода — ей перевалило за тридцать, и хотя сибаритствующая знать Византии научилась сохранять моложавый вид и физическую привлекательность даже до пятидесятилетнего возраста, для первого замужества женщины тридцатилетний рубеж был все-таки критическим и тут. Не пожелав в свое время связать жизнь ни с кем из соотечественников, Анна Багрянородная с радостью переступила эту границу, надеясь в дальнейшем, избавившись от настырных искателей ее руки, посвятить всю себя себе же. Положение сестры базилевсов давало возможность не задумываться над материальными аспектами такой жизни. И Анна обитала в Царьграде, наряжаясь, веселясь и развлекаясь.

Брачное предложение Владимира не только не обрадовало «старую деву», но наоборот, ввело в трепет и печаль. Ведь ради сомнительной чести быть замужней женщиной ей доведется покинуть навсегда теплую, благодатную, умеющую предаваться усладам Византию и до конца дней своих жить в дикой стране варваров, куда лето заглядывает лишь на три месяца в году. Да лучше постричься в монахини, чем покинуть родину!

Но братья были настойчивы и требовали от несчастной женщины жертвы во имя Бога и империи. Мало того, они предлагали ей даже возблагодарить судьбу, пославшую ей прекрасную возможность потрудиться во славу их веры, обратив ко Христу многие тысячи

закоренелых в язычестве славян. Наверное, ей зачтется потом это деяние на небесах, и она попадет в рай, что было бы сомнительно, продолжай она свой эгоистический образ жизни в их столице.

— Как в плен иду, — обратилась с последней своей жалобой к братьям бедная Анна, восходя на ладью, которая должна была отвезти ее в Херсонес. Базилевсы вздохнули с облегчением — уговорили!

В Херсонесе, однако, царевна столкнулась с неожиданностью. Владимир не вышел встречать ее судно. Оказалось, что князь-завоеватель внезапно ... ослеп.

Анна сразу же все поняла. Греческие врачи знали множество трав и умели изготавливать настой из них таким образом, что человек мог умереть, либо временно стать слабым и беззащитным. Видимо, братья послали до прибытия сестры тайное указание: найти возможность ограничить деятельность Владимира, ослабив его физически. С временно потерявшим зрение князем, если он так уж сильно не понравится Анне, могла произойти любая неприятность. И тогда царевне не придется ехать в Киев «как в плен». Это был последний шанс. Но Анна им не воспользовалась. Быть может, испугалась греха, но скорее всего, увидев страдающего от внезапного недуга сильного и красивого мужчину, неразумно позволила жалости и симпатии овладеть своим сердцем. Ситуацию же со слепотой хитрая византийка решила использовать в иной цели.

Обратившись к Владимиру, она обещала ему, что он будет исцелен именем Бога, как только примет крестильную купель. Князь поспешил подвергнуть себя этому обряду. И действительно, тут же прозрел. Это поселило в душе закоренелого язычника, согласившегося принять христианство сугубо из политических целей, искреннюю веру в силу Христа и облегчило путь Анны к сердцу своего нежданного мужа.

Покидая Херсонес, Владимир был почти счастлив: все, что он задумал, сбылось, к тому же выбор веры оказался удачным. Ему просто чудом удалось угадать, какой народ поклоняется истинному, а не выдуманному Богу. Именно к этому Богу и приведет он вместе с Анной Багрянородной своих подданных. Одно лишь тревожило его. Анна, безусловно, захочет в Киеве узнать о судьбе его языческих жен. Четырех из них, к счастью, он сможет представить ей: три будут христианками, которые удачно нашли себе новых мужей. Аллогию он сам в присутствии Анны крестит, превратись из бывшего мужа в крестного отца. Но гордячка Рогнеда, так и не отказавшаяся от своего положения Великой княгини Киевской... Как быть с нею?

Тайно от Анны Владимир послал к Рогнеде в Изяславль Добрыню. Едва самый главный виновник гибели семьи полоцкой княжны предстал перед нею, женщина все поняла. Упорствовать больше было не только бессмысленно, но и опасно. Ради спокойствия своего любимого племянника Добрыня мог пойти на все, включая тайное или «нечаянное» убийство его непокорной жены. Впрочем, умная и сообразительная Горислава нашла достойный выход из опасной ситуации.

Великий князь Киевский принял нового Бога, потому что считает его лучшим, чем прежние. Что ж, она тоже станет поклоняться этому лучшему Богу.

Владимир говорит, что новому Богу неугодно, когда у мужчины жен больше чем одна, и что только Иисус Христос имеет право называть многих женщин и девиц своими невестами. Что ж, ее это устраивает. Муж бросил ее ради сестры императоров, думая, что та больше возвысит его, чем Рогнеда. Пусть. Но это не значит, что теперь Рогнеда должна унизиться до положения жены какого-нибудь Владимирова боярина или захудалого удельного князька. Она займет положение еще более высокое, чем Владимир, потому что она станет невестой Бога, в которого уверовал киевский князь!

Спустя всего несколько недель в городке Изяславль, подаренном Владимиром Рогнеде и ее старшему сыну, умерла мирская женщина Горислава и появилась на свет прекрасная невеста Христова — Анастасия. Рогнеда была первой из восточнославянских женщин, принявших монашество.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

О «святых» жертвах и «окаянной» любви туровского князя

Летописи утверждают, что изо всех языческих жен Владимира лишь Рогнеда выказала неповиновение его воле, когда он объявил о своем решении распустить гарем. Но это не значит, что иные четыре женщины не чувствовали себя уязвленными и не таили потом против киевского князя обиды. Кому же могли они в таком случае безбоязненно высказать их, кого делали поверенными в душевных своих переживаниях, призывая стать своеобразными судьями делам их обидчика? Конечно же, своим взрослеющим сыновьям. И эти материнские слезы и жалобы не могли оставить равнодушными молодых мужчин. Образ отца должен был со временем все больше и больше терять для них свой ореол непогрешимости, превращаясь в образ напыщенно-жалкий. Такому отцу просто было не повиноваться. И первым после Рогнединого малютки Изяслава решился выказать это неповиновение сын печальной Мило лики, Святополк.

Получив крещение из рук новой жены отца, царевны Анны, он тотчас же был отправлен Владимиром княжить в Туров, в котором вот уже несколько лет сидел киевский посадник. Видимо, мать осталась в Киеве, где сумела войти в доверие к Анне настолько, что стала крестной сыновей византийской царевны, Бориса и Глеба (недаром некоторые летописи путаются, называя именно «болгарыню» Милолику их родительницей). Впрочем, это не мешало женщине поддерживать постоянную связь с Туровом, продолжая влиять на сына. С годами уразумев, что хотя Святополк и является самым старшим из Владимировых сыновей (Вышеслав Аллогии к тому времени уже умер, а Изяслава Рогнеды можно было не принимать во внимание. Отдав ему княжество Рогволода, отец таким образом лишил его возможности претендовать когда-нибудь на киевский престол), киевское княжение получат все-таки дети Анны. Милолика постаралась утвердить молодого туровского правителя в том, что он действительно не Владимиров, но Ярополков сын. А раз так, то в любом случае Киев должен достаться ему. И даже не после смерти Владимира, но сразу же после того, как Святополк станет совершеннолетним и перестанет нуждаться в опекунстве дяди. Пусть Владимир возвращается в свой Новгород, отдав Святополку Ярополкову вотчину!

Семена нелюбви, презрения, непокорности, щедро кинутые рукою Милолики, упали в самую подходящую почву. Туровское боярство, которое никак не могло простить Киеву смерти Тура и после-

дующего покорения их города, решило использовать юного Святополка как орудие борьбы с ненавистным Владимиром. Предлог для борьбы этой у них уже был. Но выступить с оружием в руках против могущественного киевского князя сразу же по совершеннолетии Святополка было, мягко говоря, неразумно. Следовало подумать о надежных союзниках. Таковыми решили туровцы сделать своих западных соседей, Польшу, где сидел в это время на престоле решительный и отважный король Болеслав I Храбрый. Многолетнее постепенное налаживание связей окончилось в 1009 году шумной свадьбой Святополка с одной из дочерей польского монарха. Имя королевны, к сожалению, ни наши летописи, ни западные хроники не сохранили, хотя именно этой молодой женщине, воплощению нежности и красоты, предстояло сыграть в судьбе отчаянно влюбившегося в нее Святополка решающую, роковую роль.

Вместе с Болеславной в Туров прибыл ее духовник, капеллан Рейнберн, в прошлом епископ колобрегский. Его цели были далеко идущими. Зная, что когда-то еще при преемнике Тура, князе Владыке, в городе этом была разрешена проповедь «латинского» христианства наравне с «греческим», и даже были построены несколько «латинских» храмов, он рассчитывал сравнительно легко обратить нынешний Туров к своей вере и привести туровцев под власть папы римского. Но искренне служа папе, он был также и верным слугою своего короля. Через проповедь веры он думал склонить подданных Святополка к мысли о необходимости отделения Турова от державы Владимира и перехода его на вассальные отношения с Польшей.

Послушная указаниям своего духовника, к такому же решению стремилась привести своего мужа ласковая и нежная Болеславна. Им действительно удалось многое. Святополк стал открывать для себя некие преимущества «латинской» веры, верное ему боярское окружение признало своим духовным наставником капеллана Рейнберна.

В 1011 году умерла византийская супруга Владимира, царевна Анна, что повергло киевского правителя в замешательство и глубокую печаль. Именно этот момент и сочли туровцы самым удобным для того, чтобы выказать неповиновение Киеву и заявить о своем желании быть подданными Болеслава. Это должно было стать первым шагом на пути Святополка к киевскому престолу, который он рассчитывал заполучить позднее, призвав на помощь войска своего нового сюзерена, Болеслава.

Неизвестно, чем бы могло окончиться это выступление, если бы в Турове не оказалось тайных приверженцев Владимира, которые не преминули сообщить ему о заговоре Святополка. Пораженный изме-

ной сына, Владимир тем не менее быстро отреагировал на сообщение. По его приказу Святополк был схвачен и вместе со своей супругой привезен в Киев, где их поместили в темницу. В неволю попал и неистовый Рейнберн. Впрочем, бывший епископ колобрегский недолго страдал в заточении. Он оказался слаб здоровьем и скончался через несколько месяцев. Святополку же и Болеславне довелось находиться под стражей более года. Из Польши разъяренный Болеслав требовал от Киева немедленного освобождения дочери и зятя, но Владимир игнорировал все угрозы западного соседа. В тягостном раздумье он время от времени вызывал к себе Святополка для очередной беседы. Он пытался понять, что заставило его родного сына вступить в сговор с чужим монархом. Неужели польское иго для него более сладостно, чем уважительное подчинение отцу? Плененный Святополк вел себя осмотрительно. Он не раскрывал своих истинных чувств и намерений перед киевским князем, стараясь использовать любую возможность для оправдания. Во многом такое поведение было обусловлено беспокойством за жизнь любимой Болеславны, которая очень тосковала по воле и хирела день ото дня.

Так и не поверив в сыновнюю невиновность, Владимир все-таки решил дать ему свободу, поставив, однако, за условие невыезд Святополка из Киева, единственного места, где старый князь мог не опасаться, что сюда дотянутся длинные руки вездесущего Болеслава Польского.

Более двух лет находясь подле Владимира, сын Милолики вынужден был скрывать свою ненависть, улыбаясь и заискивая перед людьми, приближенными к киевскому князю, а также и перед любимыми детьми его, Борисом и Глебом. Единственной радостью и отрадой этих нелегких для Святополка лет была Болеславна, с которой его, к счастью, не разлучили. В отсутствие своего духовника польская королевна из решительной заговорщицы очень скоро превращается просто в тихую любящую жену, и это устраивает всех.

Что же касается Владимира, то досада и недоумение, которые довелось ему пережить по вине Святополка, оказались далеко не последними в числе потрясений, вызванных возмутительной, с его точки зрения, неуважительностью со стороны его детей. В 1014 году внезапно отказался платить дань Киеву новгородский князь Ярослав, сын Рогнеды. Видимо, детская память об обидах матери, нанесенных Владимиром, оказалась сильна. Ярослав очень тяжело переживал вынужденную разлуку с Рогнедой и не мог простить отцу ее высылки.

Новгородцы полностью были на стороне своего князя. Будучи жителями города более древнего и более знаменитого, чем Киев, они

выражали недовольство своим положением данников. Ведь киевляне добились их подчинения не на поле брани, а просто сманив к себе их князя.

Узнав о неповиновении Ярослава, престарелый Владимир решительно скомандовал своим людям: «Расчищайте пути и мостите мосты». Это значило, что он собирается идти войной на Новгород. Но, видимо, потрясение от необходимости бороться со своими родными сыновьями было настолько велико, что сердце киевского князя не выдержало. Он слег перед самым выступлением, новгородский поход пришлось отложить. Окончательно же сразило Владимира известие о внезапном нападении на его земли печенегов. Отбить нашествие злых кочевников он отправил всегда послушного и верного Бориса. И как только тот покинул Киев, силы окончательно оставили старого князя и он умер.

Первым о случившемся узнал, конечно же, Святополк, единственный из Владимировых сыновей, пребывавший в то время в отцовой столице. Он решил, что пришло, наконец, его время торжествовать и править. Но понимая, что в Киеве у него не найдется достаточного количества сторонников и зная, что Владимир в последние годы жизни неоднократно давал своим боярам и дружине понять, что хотел бы после себя видеть на киевском престоле Бориса, Святополк начал действовать как можно более осторожно. Он приказал утаить пока ото всех смерть Владимира, желая воспользоваться неведением Бориса, заманить его в Киев, схватить и заточить в темницу.

Впрочем, этому плану не суждено было исполниться. Потому что в окрестностях Киева, сельце на реке Лыбеди, принадлежавшем некогда гордой Рогнеде, жили ее две дочери. Старшая, Предслава, имевшая преданных людей в окружении отца, была тайно извещена ими о Владимировой кончине и тут же послала гонца к Борису с донельзя лаконичным письмом: «Твой отец умер». На словах же гонец поведал значительно больше: и о том, что престол занят уже Святополком, и о том, что, боясь соперничества Бориса, тот замышляет против него, и о том, что киевское боярство, принимая Святополковы подарки и пожалования, все-таки не склоняется пока на его сторону — уж очень пугает всех мысль о возможности стать через Святополка вассалами Польши.

Верные Борису Владимировы дружинники, с которыми он только что одержал победу над печенегами, предложили ему незамедлительно идти на Киев, прогнать брата-узурпатора и сесть на завещанное отцом место князя. Но Борис колебался. Он не хотел вредить ничем сыну женщины, которая была его крестной матерью.

Тем более, что невзирая на распоряжение Владимира о престолонаследии, он сам не считал его правильным, ведь Святополк действительно старше всех оставшихся в живых сыновей киевского князя. Борис был склонен скорее уступить престол Святополку. К сожалению, последний даже и не предполагал такого. Узнав, что Борис уже осведомлен о кончине Владимира и на обман не поддастся, сын Милолики просто подослал к нему убийц. Те тайно проникли в стан Бориса и приблизились к его шатру, когда благочестивый сын Владимира молился перед отходом ко сну. Сильный красивый голос Бориса, поющего ветхозаветные псалмы, на мгновение остановил их. Но вот, последний раз перекрестившись, князь умолк и лег спать. Тогда убийцы обступили шатер со всех сторон и прямо через него пронзили кроткого и доброго Бориса копьями.

Но судьбе не было угодно, чтобы этой невинной жертвой и ограничились недобрые деяния подозрительного и мстительного Святополка. Убив Бориса, он стал думать, что младший сын царевны Анны, Глеб, будет мстить ему теперь за смерть старшего. Полагая, что Глеба, княжившего в далеком Муроме, еще не успели предупредить ни об убийстве Бориса, ни даже о смерти Владимира, Святополк послал к нему письмо: «Приезжай поскорее в Киев, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тут же, оставив все дела, поспешил на зов Святополка. Да пришлось остановиться ему в пути из-за непредвиденного обстоятельства. Недалеко от Смоленска конь Глеба споткнулся на рытвине и, падая с него, муромский князь повредил себе ногу. Эта неприятность могла бы стать спасительной для Глеба, потому что именно благодаря ей догнало князя письмо, посланное Ярославом из Новгорода. Попытавшаяся спасти в свое время несчастного Бориса, Предслава сразу же после его убийства поспешила отправить своего человека в Новгород, к Ярославу. Из послания сестры Ярослав узнал, что следующей жертвой братоненавистника Святополка станет Глеб, а потом, быть может, дойдет черед и до него. Новгородский князь тут же снарядил скорохода, который должен был попытаться перехватить направлявшегося в Киев Глеба.

Но, узнав о преступлении Святополка, Глеб повел себя очень нерешительно. Вместо того, чтобы собраться с силами и предпринять что-либо для своего спасения, он ... залился слезами, повторяя, что лучше было бы ему умереть вместе с любимым братом Борисом, чем жить теперь одному. Отчаянием Глеба воспользовался гонец Святополка, который, вручив лживое письмо в Муроме, теперь всю дорогу сопровождал его и даже успел за это время найти среди челяди князя нескольких сообщников. Один из них, повар Глеба, по тайному знаку

гонца накинулся на муромского князя с ножом и перерезал ему горло. Княжеская прислуга на удивление ничего не предприняла, не схватила убийц и даже не препроводила тело убитого своего господина для погребения в Муроме, но бросила его посреди дороги и разбежалась. Может быть, они все были заодно со Святополком?

Третьей жертвой коварного сына Милолики стал, говорят летописцы, сын Малфриды Святослав, который княжил в земле древлян. Узнав о братоубийственной резне, он решил бежать в Венгрию, откуда родом была его супруга. Но это его не спасло. Он был убит, даже не успев добраться до границы.

Впрочем, достаточных оснований для версии, что убийцами и Святослава стали люди Святополка в общем-то нет. Этот несчастный князь совершенно не был опасен для узурпатора, так как на киевский престол он не претендовал. Гораздо больше должен был беспокоить Ярослав, который, выказав неповиновение отцу так же, как и он сам, не собирался, конечно же, теперь присягать на верность Святополку. Столкновение этих двоих было неминуемым, и оно произошло у города Любеча, куда вывел свое войско вместе с союзным печенежским навстречу приближающейся к Киеву дружине Ярослава, Святополк.

Киевский летописец Нестор свидетельствует: «Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполнив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав».

Святополк был разбит и бежал в Польшу к тестю. Все произошло настолько стремительно, что он не смог даже заехать в Киев, чтобы взять с собою любезную его сердцу Болеславну.

Киев открыл свои ворота перед Ярославом, который объявил, что победа была дарована ему Богом единственно по милости душ двух невинноубиенных праведников, Бориса и Глеба, канонизации которых он теперь будет усиленно добиваться у царьградского владыки. Вокняжение Ярослава в Киеве было радостно воспринято горожанами. Чтобы доказать ему свою преданность, они кинулись расправляться с немногими из оставшихся в столице сторонниками Святополка. Новому князю едва удалось вырвать из их рук Болеславну, которую, объявив своей пленницей, он от греха подальше поспешил отправить в Новгород.

А в это время в Польше, собирая войска для похода на Русь, Святополк не мог решить для себя, чего ему хочется более: отвоевать княжеский престол или вернуть нежную Болеславну. Две сильнейших страсти вели его в этом походе: жажда власти и любовь.

Вместе со Святополком на Русь пошел и сам Болеслав Храбрый. Война началась в 1018 году с кровопролитной битвы на Буге, где поляки наголову разбили Ярослава. Новгородскому князю еле удалось спастись вместе с четырьмя дружинниками. Болеслав и Святополк легко захватили южные русские земли и скоро вступили победителями в Киев. Были взяты в плен преданные Ярославу бояре, а также и две его сестры, бдительная Предслава и Прямислава. Польский король и Святополк тут же направили в Новгород посла с предложением обменять их всех на одну Болеславну. Но получили отказ. То ли Ярослав не был уверен в честности своих противников и полагал, что они не выполнят условий сделки, то ли опасался западни для себя. А быть может, просто не уверенный в своих силах рассчитывал придержать ценную пленницу подле себя на тот случай, если доведется выторговывать у Святополка и Болеслава гарантии собственной жизни и свободы.

Как бы там ни было, но после этого отказа боевой пыл Святополка стал угасать. Им овладела черная меланхолия, прерываемая время от времени приступами ярости. Во время одного из них Святополк, услышав от киевлян, что поляки-де сильно грабят предместья и разоряют иные города его княжества, дал дозволение убивать мародеров на месте, из-за чего в кровь разругался с тестем.

Болеслав решил покинуть Киев, прихватив на всякий случай пленных, а заодно и княжескую казну. Оставшись один, Святополк уже не мог рассчитывать на удачный поход на Новгород. Прогрессирующее‹нервное расстройство приносило страдание. Узнав, что его противник из-за невозможности вызволить жену из неволи находится на грани безумия, Ярослав, собрав дружину из новгородцев и варягов, рискнул двинуться с нею к Киеву. Испуганный Святополк кинулся за помощью к постоянным своим союзникам печенегам. Это была последняя его попытка удержать власть. Противники сошлись в кровавой битве на реке Альте.

«Была же тогда пятница, и всходило солнце, — пишет летописец, — и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам».

Битва длилась более суток. В конце концов киевские воины не выдержали и побежали. Во время боя со Святополком случился удар

— у него отнялись ноги. Верные люди вынесли на носилках разбитого параличом князя, провезли через всю Русь и Польшу, аж до границы с Чехией. Сознание Святополка помутилось, ему все казалось, что его догоняют неумолимые убийцы... Скоро он умер.

О судьбе Болеславны ничего не известно. Ее муж вошел в историю как Библейский Каин, братоубийцей, и назвали его летописцы Святополком Окаянным. Видимо, судьба вполне справедливо наказала его, отобрав во время борьбы за призрачное счастье быть единовластным правителем Руси счастье истинное, единственное, что оказалось на поверку для него по настоящему дорогим — любимую женщину.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

О пятнадцати годах тайны, шести годах неволи и десяти годах безмолвия

Кроме двенадцати сыновей, Владимир имел также нескольких дочерей. Искренне веря, что счастье женщины в замужестве, он охотно устраивал их личную жизнь, выдавая замуж, как только находился для той или иной из них подходящий жених. И только самую старшую, Рогнедину дочь Пред славу, по непонятной причине удерживал князь до самой своей смерти подле себя. Он поселил ее в том же тереме на реке Лыбеди, где когда-то обитала Рогнеда, и решительно отказывал всем, кто льстился на ее руку. Быть может, Предслава, получившая в наследство от матери своей и ее гибкий стан, и плавную походку, и горящий взгляд, и страстный голос, живо напоминала ему полоцкую красавицу, любимую им и покинутую ради интересов большой политики. В числе тех, кто желал назвать киевскую княжну своей супругой, был даже польский король Болеслав Храбрый, и добивался, говорят, Предславы этот государь самым галантным образом. Но даже такая привлекательная перспектива увидеть дочь на польском троне не заставила Владимира расстаться с нею.

Шли годы. Но на удивление всех, кто знал княжну Предславу, красота не покинула ее, став, когда вступила дочь Рогнеды в зрелые свои года, даже еще более пронзительной. Красоту невозможно сохранять долго, будучи глубоко несчастной — это ведомо людям. Но что составляло счастье пребывающей долгие годы в стародевичестве княжны навряд ли знали даже княжие соглядатаи, внимательно следившие за всеми его детьми и аккуратно доносившие Владимиру о всех их тайнах.

Тем не менее Предслава была счастлива взаимной любовью, которая наполняла ее жизнь с самого того времени, как исполнилось ей заветных восемнадцать лет. Его звали Моисеем Угрином. Их было два брата, венгра-христианина, пришедших на Русь, чтобы предложить свои мечи на службу Владимиру. Князь, оценив воинское мастерство старшего из венгров, Георгия, назначил его воспитателем и учителем малолетнего княжича Бориса. В Борисово ближайшее окружение попал и двадцатишестилетний Моисей Угрин. Летописи не хранят сведений о том, как возникла взаимная страсть между Предславой и Моисеем. Мы знаем лишь, что случилось это в черный для княжны год, 1000-й, когда из Полоцка от старшего ее брата Изяслава пришла весть о внезапной кончине их матери, Рогнеды.

Печальный ли взгляд бездонных Предславиных очей остановил однажды спешащего куда-то по неотложным делам венгерского воина; голос ли ее, прерывистый, полный вздохов, очаровал могучего дружинника; подрагивающие ли от горьких рыданий хрупкие плечи возбудили в нем неудержимое желание нежных объятий — кто знает. Но только стал Моисей Угрин с тех пор частым гостем в тереме княжны. Привечали его тут так, как обычно княжих гонцов, благо всегда находился подходящий повод, ибо Предслава, вдруг возлюбив брата Бориса, начала с ним активную переписку, как ранее вела ее лишь с Изяславом, Ярославом, Всеволодом и Мстиславом — единоутробными своими братьями. Доставлять почту княжны неизменно вызывался Моисей. Их тайна оставалась неразгаданной до самой смерти Владимира, когда драматические события братоубийственной борьбы за власть между его сыновьями не заставили тридцатитрехлетнюю Предславу стать их непосредственной участницей.

Тихой беззвездной ночью Моисей отвез в стан Бориса письмо Предславы, в котором она предупреждала брата о коварстве Святополка. Но хотя и пришло оно вовремя, не спасло жизнь доброму и беззлобному Борису. Вместе с ним от рук жестоких убийц погиб и брат Моисея Георгий, который в последний момент попытался закрыть собою своего воспитанника. Сонная стража Бориса, проснувшись от шума и криков, обнажив мечи, бросилась на помощь, но убийцы, на стороне которых была внезапность, быстро и легко расправились с ней. Из бойни этой удалось спастись лишь Моисею, который, весь израненный, едва добрался до терема своей тайной возлюбленной. Поведав о том, чему свидетелем довелось ему стать, он потерял сознание. Княжна, распорядившись надежно спрятать раненого от соглядатаев Святополка, тут же обратилась мысленным взором к Новгороду, ведь только оттуда могло сейчас придти избавление. Письмо Предславы к Ярославу предупредило того об опасности и подготовило к борьбе с «окаянным братоубийцей».

Лишь тогда, когда Святополк был изгнан Ярославом из Киева, Моисей Угрин смог покинуть свое убежище, и тайна его взаимоотношений с Преде лавой стала для всех явной. Мы не знаем, как отреагировал на это Ярослав, ведь при всех достоинствах Моисея, он никак не мог претендовать на то, чтобы стать законным супругом дочери Великого князя Киевского, а продолжать «жить в грехе» и дальше он как боголюбивый правитель своей сестре дозволить не мог. Тем не менее, известно, что Угрин не был Ярославом не изгнан, не кинут в темницу, не наказан как-либо иначе. Значит, скорее всего, младший брат решил мудро закрыть глаза на поведение своей

старшей сестры, которая в тяжкую годину показала себя его явной союзницей и добрым ангелом.

Но недолгим был покой, предоставленный судьбою Преде лаве и Моисею. В 1018 году вернулся на Русь с большим польским войском под предводительством самого Болеслава Храброго Святополк. Ярослав потерпел поражение и вынужден был спасаться бегством в Новгород. Победители вошли в Киев.

Встреча Предславы с польским королем просто не могла не состояться. Хозяйничающий в столице Владимира Болеслав однажды вспомнил о красивой княжне, руки которой безуспешно добивался, и, узнав, что она так и не была выдана замуж, загорелся желанием увидеть ее. Подсчитав в уме, сколько лет теперь должно быть Владимировой дочери, польский монарх ожидал увидеть перед собою увядшую и поблекшую монахиню и посмеяться над своими былыми страстями и обидами. Но его люди привели к нему статную красавицу без единой морщинки на лице и сединки в косах.

Очарованный, казалось бы, невозможным чудом, король вновь возжелал Предславу. Но что мог предложить он ей теперь? Болеслав Храбрый был давно женат, у него были взрослые дети. Только свою страсть готов был сложить у ног киевской княжны польский государь. Предслава с негодованием отвергла притязания завоевателя, и тогда одуревший от вожделения Болеслав насильно сделал ее своей наложницей.

Говорят, что дочери очень часто повторяют судьбы своих матерей. И как знать, не вспоминала ли невольно попавшая во власть польского короля Предслава о поруганных чувствах своей матери, Рогнеды. Впрочем, за оскорбленную Рогнеду не было кому вступиться, у Предславы же был защитник. Узнавший о том, что произошло с возлюбленной, Моисей Угрин предпринял дерзкую попытку, если не вызволить княжну, то хотя бы отомстить за нее. Но недаром говорят: один в поле не воин. Отважный венгр был схвачен стражей Болеслава и по приказу короля, восхитившегося преданности и мужеству противника, заточен в темницу как его собственный почетный пленник.

Покидая Киев после разлада со Святополком и неудачной попытки обменять киевских пленников на удерживаемую Ярославом в Новгороде свою дочь, король увез с собою в Краков вместе с великокняжеской казной также Предславу, ее младшую сестру Прямиславу и Моисея Угрина. Венгерский воин, скованный цепями по рукам и ногам, крепко охранялся, так как в неволе он уже предпринял несколько отчаянных попыток побега, и был несмотря на месяцы, проведенные в темнице, все еще достаточно сильным.

Приехав в Краков, во избежание ссор со своей королевой, Болеслав Храбрый поспешил избавиться от киевских княжен. Ему удалось это сделать без потерь для себя и даже без риска войти в историю человеком бесчестным, так как он ... выдал их замуж. Прямиславу попросил для себя постоянный союзник Польши, венгерский князь Ласло Рыжий. Этот союз, надо думать, заключенный по взаимной симпатии, к тому же связал Венгрию и Киевскую державу политическими узами. С Предславой оказалось сложнее, так как молва уже окрестила ее наложницей Болеслава. Но тезка польского короля, чешский князь, Болеслав III Лысый не побрезговал «отведать яства с чужого стола», и, увезя Предславу к себе на родину, с удовольствием демонстрировал ее соотечественникам как некое диковинное существо — нестареющую и неувядающую женщину. Говорят, она так и умерла, прекрасной, с гладким как у отроковицы лицом и стройным станом. Замужество Предславы длилось не более трех лет.

Какова же была судьба Моисея Угрина? Разлученный с любимой им княжной, он пять лет пробыл пленником Болеслава Храброго. Киевские бояре, также захваченные и вывезенные в Польшу королем, один за другим находили возможность выкупиться. Выкупить же Моисея было на Руси некому. Но на шестой год Болеслав получил деньги от некой знатной польской вдовы, которая, увидев мужественно-красивое лицо Моисея, вдруг воспылала к нему страстью. Эта женщина была молода и хороша собой, ее муж погиб в Болеславовом походе на Киев, прожив с нею всего лишь год. Облагодетельствовав забытого всеми пленного, вдова рассчитывала получить взамен уважение и любовь и даже готова была официально стать женой спасенного ею человека.

Но в сердце печального Моисея не было места для иной женщины после Предславы. Не желая лишний раз произносить имя своей потерянной возлюбленной, он пытался уверить свою спасительницу в том, что единственным его желанием в этой жизни является служение Богу, и отвергал подаренные ему дорогие одежды, изысканные яства, которые готовились специально для него, тяготился приставленными к нему слугами. Даже повеление самоуверенной полячки челяди своей поклоняться Моисею как своему господину, даже поездки по владениям ее, обширным и богатым, которые легко и просто могли стать его собственностью, не искусили верного венгра.

Тогда оскорбленная в своих чувствах женщина решила иначе добиться расположения понравившегося ей мужчины. Она приказала надеть на него ошейник, как на раба, и каждый день избивать. Мучители его время от времени прерывали свою страшную работу,

чтобы напомнить, что короткое слово «да», произнесенное Моисеем, избавит его от побоев и превратит из презренного раба в господина. Но упрямый Угрин не желал терять своего человеческого достоинства и не смалодушничал.

Однажды в дом вдовы забрел странник, монах со святой горы Афон. Его приняли, накормили и разрешили переночевать. Никто и не подозревал ничего худого, когда Моисей попросил дозволения побеседовать со святым старцем. Хозяйка дома даже подумала, что, быть может, этот монах даст ее пленнику душеспасительный совет и благословит на брак с нею. Но наутро, когда странник покинул дом, Моисей заявил своей мучительнице, что он был пострижен этим монахом, и теперь сам — инок. Пусть вдова не гневит Бога и отпустит его с миром в монастырь. В ярости послала женщина своих людей вдогонку за странником, чтобы снял он обет безбрачия с Моисея Угрина, но того и след простыл. Тогда она со слезами и жалобами обратилась к самому королю.

Выслушав исповедь вдовы, признал Болеслав, что Моисей Угрин уже во второй раз удивил его своей отчаянной смелостью и непреклонностью. Король даже снизошел до беседы с самим пленником, а когда понял, что любая попытка уговорить его поступить иначе, чем он сам решил уже для себя, будет напрасной, обрушил гнев свой на монахов, поклоняющихся Христу по греческим канонам. (Монахи-проповедники в последнее время слишком уж часто стали посещать польские провинции.)

Узнав об этом от держащей его в неволе женщины, Моисей предсказал, что за такие деяния Болеслав и жестокая вдова очень скоро ответят перед Богом. Это предсказание сбылось удивительным образом еще при жизни Моисея, в 1030 году, когда неожиданно и без всяких видимых причин скончался в своем замке король Болеслав. Потом вспыхнуло восстание черни, которая перебила многих священнослужителей «латинской» веры, а также знатных и богатых людей Польши. Мятежники нападали на имения вдовы, грабили и жгли их, в одном из них была убита и сама хозяйка.

Впрочем, Моисей Угрин к тому времени давно уже был свободен. Отчаявшись завоевать его любовь, но страшась того, как блестели его глаза в минуты пророчества о Божьей каре, которая должна обязательно постигнуть ее, вдова отпустила его на все четыре стороны. Зная уже о смерти любимой своей Предславы, он вернулся в Киев и поселился в недавно основанном монахом Антонием монастыре в пещерах за городом. В качестве кельи выбрал он себе маленькую пещерку и жил в ней до самой смерти еще десять лет. В полном

одиночестве и безмолвии, ибо не желая никому, кроме Бога, открывать глубину своей печали, он дал обет молчания.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

О том, как датская королева училась жестокости у киевской княгини

Понятие «женщина» прежде всего ассоциируется у нас с нежностью и состраданием, материнской жертвенностью и мечтательной хрупкостью. Но реальная жизнь рисует иногда образы, настолько не похожие на эти, идеальные, что диву даешься — ну как эти фурии смели именовать себя женщинами?

В числе самых зловещих фигур европейского раннего средневековья — датская королева Сигрид, прозванная современниками за деяния свои Убийцей. Она стала злым гением для третьего из сыновей Рогнеды, Всеволода.

По воле отца своего в ранней юности Всеволод был отправлен княжить во Владимир-Волынский. Там этот Рогнедич просидел почти до тридцати лет. Его княжение не было ни выдающимся, ни запоминающимся. Всеволод женился и овдовел, не заимев наследника. Смерть отца и начало усобицы между братьями привело владимиро-волынского князя в растерянность. Он стал опасаться, что и его постигнет судьба Бориса, Глеба и Святослава. Но к бегству его подтолкнула, вероятно, не столько политическая обстановка на Руси, сколько экономические проблемы собственного княжества.

В тот год лето выдалось особенно жарким и засушливым. Суховеи опустошили Волынщину. Солнце пекло так, что мертвыми падали на землю птицы. Подданные замучили Всеволода жалобами. В конце концов, князь оседлал коня и с несколькими верными людьми покинул Владимир-Волынский.

Неизвестно, сколько времени длился путь князя, но закончился он в Дании. Правил там Кнут Великий, отважный и энергичный конунг, решений которого никогда и никто из его подданных не осмеливался оспорить. И только один человек мог в Дании говорить с ним как равный — его мать, властная Сигрид. Это была необычайная женщина. Она приходилась родной сестрой польскому королю Болеславу Храброму. Настоящее имя ее было Свентослава. Именем Сигрид, на скандинавский лад, стали называть эту женщину после того, как в 981 году она вышла замуж за шведского конунга Эрика Победоносного. В 995 году Сигрид-Свентослава овдовела. Будучи довольно хороша собой, она сразу же стала притягивать к себе внимание многих именитых женихов. Но сама Сигрид влюбилась в безразличного к ее чарам норвежского конунга Олафа Тригвассона.

Так и не сумев добиться от него взаимности, вдова отомстила Олафу тем, что вышла замуж за его злейшего врага, датского конунга Свена Вилобородого. Подстрекаемый мстительной Сигрид муж ее в 1 ООО году объявил войну Норвегии и в союзе со Швецией одержал победу. Олаф Тригвассон погиб в решающей битве.

Сигрид получила от своего брака со Свеном Вилобородым все, чего хотела, и он перестал быть нужным ей. Отношения между мужем и женой резко испортились, и после шести лет совместной жизни они расстались. Сигрид выехала в Польшу, где некоторое время жила при дворе брата, Болеслава Храброго. Но в 1014 году Свен умер, и старший сын Сигрид Кнут, заняв отцовский престол, вызвал мать к себе.

Сигрид вернулась в Данию. Некогда слывшая красавицей, женщина эта переживала теперь пору своей осени. Ей было уже пятьдесят. Тем не менее, сразу нашлось немало тех, кто желал повести уважаемую вдову под венец. Многие из женихов годились ей в сыновья. Но, видимо, претенденты на руку властолюбивой Сигрид рассчитывали, что в случае появления у нее нового мужа, она согласится ради него лишить власти и короны сына.

Сигрид прекрасно понимала все. И считала намерения женихов оскорбительными для своей женской чести. За это — она была уверена — надлежит жестоко мстить. Не сразу даже в ближайшем окружении вдовы поняли, что внезапная гибель, которая постигает одного за другим всех претендентов на ее руку, не случайна.

Не знал об этом и Всеволод Владимиро-Волынский. Впервые увидев Сигрид, он был покорен ее величественной манерой держаться, тонким умом, речью, полной настоящего королевского достоинства. Маловероятно, чтобы аморфный в делах правления сын Владимира и Рогнеды всерьез решился примерить на свою голову датскую корону, ибо от бремени власти и бежал он в чужие земли. Скорее всего, им руководили более благородные чувства, ежели он, даже еще не тридцатилетний мужчина, предложил руку и сердце пятидесятилетней женщине.

Но Сигрид не суждено было понять его порыва. Возможно, помешало этому предложение, которое почти одновременно со Всеволодом сделал ей некто «король Вестфольдский», в корыстных и неблаговидных побуждениях которого ни у нее, ни у ее окружения сомнений даже и не возникало. Досада и ярость захлестнули вдову конунга. Забыв о всякой осторожности, она приказала своим людям немедленно расправиться с обоими претендентами. Наслышанная о деяниях прославленной прабабки князя Всеволода, Ольги, в ту пору, когда была та еще язычницей и стала жестоко мстить за гибель своего мужа, Сигрид

цинично выбрала для правнука той, что «умела организовывать ужасные казни», смерть по рецепту киевской княгини. Всеволод, а вместе с ним и «король Вестфольдский» сгорели заживо в бане, куда пригласила их попариться коварная вдова. Потрясенные тем, что позволила себе сделать их королева с правителями пускай и не таких могущественных, как Дания, Швеция или Норвегия, но все же достойных государств, подданные Сигрид навсегда «приклеили» к ее имени позорную кличку — Убийца.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

О том, как князь выиграл жену в единоборстве, и что било дальше

Самым мужественным и смелым среди сыновей Владимира был Рогнедич Мстислав. Недаром летописцы прозвали его Удатным. Мстислав получил в удел самый южный из городов Владимировой державы — Тьмутаракань. Его соседями были племена воинственных горцев, касогов и ясов, которые, время от времени нападая на земли княжества Мстислава, принуждали того обнажать против них меч, постоянно доказывая своей храбростью и силой, что он имеет право княжить тут.

В 1022 году тридцатипятилетний, но так и не успевший в условиях постоянной военной угрозы обзавестись семьей Мстислав в очередной раз вынужден был выступить против касогов. В это время касогами предводительствовал князь Редедя, богатырь огромного роста и могучего телосложения. Узнав о намерениях Мстислава, он вывел навстречу его войску свое и, улыбаясь, предложил: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все».

Поигрывая мускулами своего сильного тела, Редедя думал напугать противника, который и ростом обладал средним, и не был по-борцовски коренаст и кряжист. Но Мстиславу было не занимать смелости. Дабы не осрамиться в глазах своей дружины, он решил принять вызов.

Летописец пишет: «И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю».

Пораженные гибелью своего предводителя, которого они считали непобедимым, касоги покорно склонили головы перед Мстиславом. И тьмутараканский князь принял под свое начало касожское войско, под власть свою княжение Редеди и под опеку свою его семью. У великана-касога была молодая и красивая жена. Соблюдая старинные законы предков, Мстислав, виновный в ее вдовстве, женился на горянке, обвенчавшись по-христиански и взяв на воспитание ее детей. Уверенная в благородстве своего нового супруга, убедившего ее в том, что в дальнейшем сыновья Редеди получат во владение земли

своего отца, она постаралась сделать счастливым Мстислава. Прошло положенное время, и родила она ему наследника, мальчика, которого окрестили Евстафием.

Привыкшие подчиняться людям, не только имеющим на это право по рождению, но прежде всего доказавшим в бою свою доблесть и отвагу, горцы с воодушевлением участвовали отныне во всех походах Мстислава. Именно они помогли ему добиться от старшего брата Ярослава честного с точки зрения Мстислава раздела отцовского наследства. Этому способствовала прославленная битва под Лиственом, описание которой, в высшей степени поэтическое, неким вставным эпизодом вошло в русские летописи. Читая его, так и представляешь, как поет эту боевую песнь в гортанной горской манере седой сказитель касог:

«И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватились северяне (до начала битвы Мстислав с касогами овладел Черниговом, и выставил потому против Ярослава также и черниговских северян. — Авт.) с варягами Ярослава, и трудились варяги, рубя северян, а затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильная, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна»...

Потерпев поражение под Лиственом, Ярослав счел за лучшее замириться с Мстиславом. «И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихла усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

Через пять лет после того, как братья пришли к взаимопониманию, в 1031 году, им вместе довелось участвовать в походе на Польшу, только что потерявшую своего короля Болеслава Храброго. Мстислав и Ярослав завоевали помежную Червенскую землю и присоединили ее к своим владениям, так отомстив Польше за своих сестер, которые хотя и были выданы Болеславом замуж, испытали до этого на себе все тяготы плена.

Через два года Мстислава постигло большое горе — неожиданно умер девятилетний сын и единственный наследник его, Евстафий. Жена князя не была еще стара и, наверное, у них могли бы еще появиться дети, если бы в 1036 году во время охоты не простудился Мстислав. Он слег с сильным жаром и сгорел за несколько дней.

«Повесть временных лет» хранит очень краткую, но несмотря на это необыкновенно глубокую и пронзительную эпитафию князю

Мстиславу Удатному. Она очень похожа на традиционные скорбные и лаконичные надгробные речи высокородных горских вдов. Быть может, действительно, чудесным образом до нас дошли истинные слова княгини-касоженки, сдержанно, но безутешно горько оплакивающей почившего супруга?

«...И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил, были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его владением Ярослав и стал самовластием в Русской земле».

Это тем более удивительно, что ни имени жены Мстислава, полученной им как ценный приз в единоборстве с Редедей, ни ее дальнейшей судьбы исследователям восстановить пока так и не удалось.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Об оклеветанном женихе и похищенной невесте

Это было в XI столетии, когда в Швеции сидел на престоле старый конунг Олаф Скетконунг, а в Норвегии его племянник и тезка, молодой конунг Олаф Харальдсон. У шведского Олафа была юная дочь, белокурая Ингигерда, которую просватали за норвежского Олафа. Жених и невеста любили друг друга, и глядя на то, с каким нетерпением ожидают они дня своей свадьбы, все умилялись.

Кто бы мог подумать, что свадьбе этих равнодостойных влюбленных не состояться никогда?

Однажды в Швецию прибыл уважаемый гость, молодой новгородский князь Ярослав, сын Владимира Киевского и Рогнеды. Целью его приезда было набрать себе на службу варяжских воинов. С их помощью он надеялся устоять в противоборстве со своим властным отцом, у которого он требовал права на самостоятельность Новгорода. Дружелюбно принятый Олафом Старым, князь на несколько недель стал гостем в его доме, где и довелось ему увидеть Ингигерду. И так понравилась Ярославу дочь конунга, что решил он непременно заполучить эту девушку себе в жены. И не остановило новгородского князя ни известие о том, что Ингигерда уже давно просватана, ни то, что сам он по тем временам непрочно сидел на своем княжеском престоле.

Заполучить, однако, дочь Олафа Скетконунга можно было лишь расстроив приближающуюся свадьбу. И Ярослав, в общении со шведским государем уловив, что тот имеет характер подозрительный и вспыльчивый, решил, что ему, видимо, удастся, если правильно подойти к делу, рассорить отца Ингигерды с ее женихом. И заронил хитрыми речами, вздохами да недоговорками Ярослав Новгородский в душу Олафа Скетконунга сомнение в честности намерений Олафа Харальдсона. Стало будто бы известно гостю, что коронованный племянник шведского конунга желает после женитьбы на Ингигерде сместить с престола или даже убить своего дядю, а самому стать «на законных основаниях» государем двух держав. Не желая оправдываться перед человеком, который своими подозрениями, казалось Олафу Норвежскому, унизил его, он вызвал этим взрыв негодования со стороны Олафа Шведского. Брачный договор был расторгнут. Ярослав не преминул воспользоваться ситуацией и предложил расстроенному Олафу Скетконунгу стать его верным другом и почтительным зятем. Обещал новгородец в качестве вена (выкуп за

невесту) Швеции отдать Ладожскую землю. И было это предложение настолько заманчивым, что шведский конунг не устоял.

Вернувшись в Новгород с похищенной у Олафа Норвежского невестой и многочисленной варяжской дружиной, Ярослав был почти счастлив. Он готов был на все, чтобы только угодить своей избраннице и заставить ее сменить печальное выражение лица на веселое. Но Ингигерда, которую в Киеве стали называть Ириной, просила пока только одного — позволить ей иметь собственную дружину в Новгороде. Ведь те варяги, которых Ярослав пригласил бороться за него против его отца, выполнив свою миссию, покинут Новгород. Но воины-соотечественники, которых пригласит она стать ее дружинниками, будут честно и преданно служить интересам ее новой семьи всегда. Быть может, прихоть Ингигерды была связана с тем, что, получив дозволение мужа набирать самой в число дружинников воинов-варягов и принимая постоянно соотечественников в тереме своем, полагала она, что сможет беспрепятственно с их помощью вести тайную переписку со своим возлюбленным Олафом, о котором не переставала думать?

Как бы там ни было, но за самое короткое время в Новгороде собралось слишком много наемников-варягов. И зная, что князь с княгиней к ним благоволят, стали они вести себя вызывающе и нагло. Нападали на дворы горожан, грабили, умыкали хорошеньких Новгородок себе на потеху. И вольнолюбивые новгородцы не стерпели. Вспыхнул в Новгороде мятеж, и перебили горожане варягов, которых застали на месте преступления во дворе уважаемого боярина Парамона. Испуганный тем, что так же легко новгородцы расправятся и с ним, своим князем, Ярослав решил проявить твердость для подавления мятежа. Он пригласил к себе его зачинщиков, якобы для серьезного разговора, и приказал их убить.

А на следующее утро прибывший в Новгород из Киева гонец привез письмо, в котором Предслава уведомляла брата о смерти отца, вокняжении Святополка, убийстве Бориса и готовящемся покушении на Глеба...

Готовясь к противоборству с отцом, Ярослав надеялся, что в случае его поражения старик в конце концов простит мятежного сына, потому что в душе своей был добр и чадолюбив. Но Святополк, решивший избавиться от своих братьев, пугал его по-настоящему, ибо знал Ярослав мрачный и мстительный характер сына Милолики, а также его упрямство и упорство в достижении своих целей. Кинулся он тогда в ноги новгородцам, каясь, что загубил невинные души, и просил простить его, и умолял выступить с ним против Святополка,

потому что с одними варягами, хотя и имел их под своей рукой тысячу, не решался идти на столь серьезного противника.

Новгородцы ни за что не простили бы, наверное, своего князя, если бы уговаривал он их теперь поддержать его в борьбе с любым другим из братьев. Но Святополк потряс их воображение убийством незлобливого Бориса. Они решили, что такой властитель будет им по нраву еще меньше, чем Ярослав. И собрав сорокатысячное войско, новгородцы вручили его Ярославу.

И занялся Ярослав делом ратным. Ему удалось свергнуть Святополка, изгнать из Киева и занять отцовский престол. Ингигерда же во время этих событий оставалась в Новгороде, а после победы мужа переехала к нему в Киев. Там у нее хватало забот. Одну за другой родила она Ярославу дочерей Анастасию и Анну и окунулась в новый для нее, неповторимый по эмоциональной насыщенности мир материнства. Впрочем, будучи натурой деятельной, дочь конунга Швеции, слегка привыкнув к своей новой роли, постаралась тут же занять выгодное место по правую руку от новоиспеченного киевского правителя.

С тех пор удача никогда не покидала дом Ярослава. Избавившись от врагов, он отстроил и укрепил свою столицу, провел ряд реформ. Князь стяжал любовь своих подданных разумностью своего правления, стремлением к книжной премудрости и преобразованиям. За это летописи прозвали его Мудрым. Скандинавские же саги утверждают, что многое из того, что составило славу и величие Ярослава, было делом рук его необыкновенно умной и деятельной супруги, которую ее подданные так и не оценили по заслугам.

Ингигерда действительно очень активно участвовала в политической жизни державы своего мужа, часто в трудных ситуациях оказываясь для Ярослава самой лучшей советчицей, выступала третейским судьей в спорах Ярослава, которые иногда возникали у него с союзниками, и мирила его с врагами. Так случилось, например, когда у Киева начались недоразумения с Полоцком, и полоцкий князь Брячислав Изяславич, племянник Ярослава, выступил против дяди с мечом. Брячислава, захватившего и разграбившего Новгород, в походе этом поддержали варяги ярла Эймунда, которых некогда призвал к себе на службу Ярослав и с которыми потом почему-то разругался. Но уйти с богатыми трофеями и пленными в Полоцк Брячислав не сумел. Ярослав со своим войском догнал его на реке Судомири, отбил все захваченное племянником, и самого его обратил в бегство.

И тут случилось непредвиденное — варяги Эймунда похитили Ингигерду. Опасаясь за ее жизнь, Ярослав согласился на мирные

переговоры, предложенные Брячиславом. Впрочем, неожиданно княгиня взяла ведение их в свои руки и сумела предложить дяде и племяннику такой вариант дальнейших взаимоотношений, который на этом этапе оказался для обоих наилучшим. Она предложила Ярославу уступить Брячиславу несколько городов и весей на спорных помежных территориях. Оба согласились и пребывали в добрососедских отношениях отныне до самой смерти Брячислава.

Стараниями Ингигерды двор киевского князя прославился также как убежище благородных изгнанников, а сам князь как ненавистник несправедливости. Бурной деятельности княгини не могли помешать частые роды. После двух дочерей в 1020 году появился на свет княжич Владимир, в 1022-м — княжна Елизавета, в 1024-м — княжич Изяслав, в 1027-м — княжич Святослав, в 1030-м — княжич Всеволод.

С каждым годом Ярослав все больше и больше привязывался к своей жене, превознося повсеместно ее ум и рассудительность. Казалось бы, Ингигерда должна была откликнуться в конце концов на чувства мужа, ответить ему взаимностью не только интеллектуальной, но и сердечной. Но этого не произошло. Великодушно простив в глубине души поступок влюбленного Ярослава, разлучившего ее с Олафом, Ингигерда тем не менее не вольна была приказать себе полюбить киевского князя. Она по-прежнему тосковала об Олафе, всегда с нетерпением ожидала известий о нем, привозимых ее варягами из-за моря. А ей доносили, что Олаф женился, стал отцом, предпринял несколько смелых походов, всерьез заинтересовался идеями христианства и, в конце концов, по наитию свыше, стал делать чудеса — исцелять больных людей, как Христос, наложением рук. И к его имени Олаф добавился эпитет Святой.

Ингигерда стала чаще посещать церковь и жертвовать большое количество денег на монастыри. Она благодарила Бога за то, что человек, которого она любит, был выделен им среди иных, и молила дать ей возможность хотя бы еще только раз увидеться с ним.

Наверное, молитвы ее были, действительно, очень искренними и горячими. Потому что в один прекрасный день (почти через четырнадцать лет после их последней встречи) величественный Олаф Норвежский предстал перед Ярославом и Ингигердой в качестве изгнанника, который просит убежища. Датский конунг Кнут Великий лишил его престола, и норвежец вынужден был вместе с маленьким сыном своим Магнусом бежать за море.

Ярослав по совету жены предложил Олафу в управление одну из отдаленных областей своей державы. Олаф отказался быть чьим-то

вассалом, подчиняться кому-либо, кроме Бога. Он стал разъезжать по владениям гостеприимного хозяина и творить те же чудеса, благодаря которым прославился на родине. Услышав о деяниях Олафа, Ярослав сделал гостю другое предложение — постричься в монахи и поселиться в Киево-Печерской обители. И вновь тот отказался. Он еще не почувствовал себя достаточно отчужденным от этого света и его искушений, с которыми так тяжело сражаться даже очень набожному человеку. Душою норвежца попеременно овладевали то сладкие мечты о возвращении короны, то греховные мысли об Ингигерде, которая приложила все усилия, чтобы разжечь их. Киевская княгиня решила, чего бы ей это ни стоило, вернуть хотя бы на миг то время, когда никто не мешал им с Олафом любить друг друга.

Варяги, которые сочинили позднее прославленную «Эймундову сагу», с ехидством утверждали в ней, что чары Ингигерды подействовали, и между нею и Олафом возникла тайная связь. Она была короткой. Однажды Олаф увидел сон, который предрекал ему возвращение престола и был расценен им как вещий. Конунг-изгнанник собрал на Руси дружину из добровольцев и поспешил в Норвегию. И там, в бою, нашел он свою погибель. Ингигерда горько оплакивала возлюбленного. Ее отчаяние не могло быть не замеченным Ярославом. Тем более, что вскоре княгиня родила четвертую дочь, Марию, и призналась, что это — дитя Олафа. Это отдалило мужа от жены. И хотя еще несколько лет жили они вместе, и Ингигерда родила Ярославу еще двух сыновей, лада в их семье уже больше не было. В конце концов, княгиня приняла решение постричься в монахини, и превратилась в черницу Анну. Возможно, она возлагала вину за гибель Олафа на себя, расценивала ее как месть небес избраннику, который согрешил. В святой обители в Новгороде она до самой смерти молила Бога простить грех Олафу и принять его в сонм святых. Своему возлюбленному посвятила Ингигерда прославленную Новгородскую Софию, построенную ею при моральной поддержке одного из старших сыновей, Всеволода.

Через несколько столетий Олаф и Ингигерда оба были канонизированы. Он — католической, она — православной церквями. Возможно, души их, очистившись от грехов, пройдя через боль и муки, встретились на небесах.

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

О том, как волхвы помогли христианской паре Заиметь наследника

В датских хрониках исследователи восточно-славянской истории некогда обнаружили таинственную запись, утверждавшую, будто бы конунг Кнут Великий «отдал в жены свою сестру Эстрель за сына короля Руссии».

У Кнута Великого, выдающегося датского государя, который прославил свое имя тем, что, объединив под своей властью Данию, Норвегию и Англию, создал единую огромную империю Севера, действительно была младшая сестра, рождение которой датировалось примерно 1000 годом. Но кто же он, этот «сын короля Руссии»? Исследователи предположили, что «королем Руссии» датчане могли называть Великого князя Киевского. Современником Кнута Великого был Ярослав Мудрый. Но даже самый старший из его сыновей был на двадцать лет моложе датской невесты. Под определение «король Руссии» вполне мог бы подойти предшественник Ярослава Мудрого на киевском престоле, его отец Владимир Креститель. У этого «короля» было много сыновей. Тем не менее, ни один из них также не мог стать мужем Эстрель. Вышеслав умер до рождения сестры Кнута; Изяслав — тогда, когда она еще была в младенческом возрасте; супругой Святополка была полька Болеславна; Ярослава — шведка Ингигерда; Святослава — венгерская королевна; Мстислава — завоеванная им касоженка; Всеволод, нашедший в Дании свою погибель, встречался с Эстрель, когда девушке было 14 лет, но неразумно предпочел свататься к ее матери; Борис и Глеб погибли неженатыми; Судислав, заключенный Ярославом в темницу по ложному обвинению на долгие годы и вышедший из нее уже больным стариком, постригся в монахи; Станислав или Позвизд теоретически могли бы жениться на Эстрель, но эти сыновья Владимира, имевшие во владении самые незначительные уделы, безусловно, были бы восприняты матерью невесты, Сигрид, как недостойные женихи и отвергнуты так же, как с презрением отвергла она домогательства их брата Всеволода, считая и его корыстливым и неискренним, и его княжество, Владимиро-Волынское, никчемным владением.

Быть может, датские хронисты слукавили или в чем-то ошиблись? Наверное, разгадка так и не была бы найдена, если бы не другой скандинавский источник, «Эймундова сага», авторы которой среди сыновей-наследников Владимировой власти назвали и Бря-

числава Полоцкого, князя, который на самом деле приходился «королю Руссии» внуком. Действительно, это единственный князь Древней Руси, который мог бы оказаться мужем дочери конунга. Брячислав был незаурядной личностью, деятельный, разумный, гордый. К тому же — ровесник Эстрель.

Он родился в год смерти своей прославленной бабки Рогнеды, 1000-й, или немного ранее. А в 1001 году потерял отца, князя Изяслава Владимировича, скончавшегося совсем молодым, в двадцать лет. Полоцкий княжеский престол занял брат Брячислава, малолетний Всеслав, который был старше его всего на год или два. Молодая Изяславова вдова, мужественная женщина, имя которой до нас не дошло, делала все возможное, чтобы бремя княжеской власти не раздавило ее болезненного ребенка. Но все ее усилия были напрасны. В 1003 году Всеслав умирает. И тогда полоцкая знать — «мужы сильные» надевают княжью шапку на трехлетнего Брячислава. Выбор этот оказался счастливым. Князь рос и вместе с ним росла-возрождалась слава Полоцка. Еще с детства мать Брячислава и опекуны из числа самых славных и влиятельных полочан приучили его во всем опираться на народное вече. И потому в дальнейшем не было князем принято ни одного решения, которое не подкреплялось бы согласием подданных.

«Эймундова сага» утверждает, и многие исследователи с этим соглашаются, что в юности Брячиславу довелось три года княжить в Киеве. Он появился во Владимировой столице вскоре после смерти своего прославленного деда, в 1015 году, как один из претендентов на великокняжеский престол. Согласно старинному закону о престолонаследии, который почитался восточными славянами, Брячислав действительно имел право наследовать титул Великого князя, ибо был сыном старшего из Владимировых сыновей. Но точно так же уважался на Руси и иной принцип передачи княжеской власти, введенный в обиход Владимиром — от брата к брату.

После того как был изгнан из Киева преступный Святополк, бороться за право престолонаследия Брячиславу должно было бы с дядей Ярославом. Хитрый Ярослав, не чувствовавший за собой достаточной силы, чтобы быть уверенным в победе, счел за лучшее договориться с племянником миром. И предложил ему соправительство.

Так в 1019 году девятнадцатилетний полоцкий правитель Брячислав перебирается в Киев, чтобы по примеру византийских базилевсов, братьев Анны Багрянородной, вместе с дядей Ярославом «суд судить и ряд рядить по всей русской земле».

Возвеличение Брячислава до положения Великого князя Киевского сделало его более чем престижным женихом. Кнут Великий не мог бы отказаться от чести стать шурином Брячислава. Эстрель Датская должна была прибыть в Киев с богатым приданым и многочисленной свитой. Видимо, она сразу же радостно и деловито принялась обживаться в той части древнего города, которая вошла в наши летописи под названием «Двор Брячиславль». Датчанку должно было радовать родство с дочерью шведского конунга Ингигердой, такой же «скандинавской пришелицей», как и она сама. Они могли даже подружиться. Только дружба эта в любом случае не продлилась долго. Брячислав и его молодая супруга очень скоро должны были понять, что доброта и великодушие Ярослава в отношении их не более, чем маска, которую, укрепившись в Киеве и хитрыми обещаниями и посулами переманив на свою сторону киевских бояр, он скинет.

Минуло всего три года с того дня, как Брячислав стал величать себя Великим князем Киевским, и Ярослав, заявив, что отныне в Киеве будет единый правитель — он сам, выгнал племянника из столицы. Возмущенный Брячислав обратился за советом к полочанам. Решение веча было однозначным — бороться. Полочане решили отделить от владений Ярослава все кривицкие земли и присоединить их к своему княжеству. К тому же они рассчитывали овладеть сильным и богатым Новгородом.

Нападение на важный торговый центр державы Ярослава в 1021 году оказалось для дяди Брячислава полной неожиданностью. Он явно недооценивал силы полочан. Особенно поразило Ярослава то, что на сторону племянника перешел со своей дружиной бывший его союзник варяг Эймунд. Новгород сдался Брячиславу. Средневековый хронист Ян Длугош пишет, что после победы полоцкий князь, назначив своих наместников, направился в свою столицу. Полочане и варяги основательно пограбили новгородцев, однако резни не было. Брячиславу удалось остановить ее в самом начале. Основной же добычей полоцкого князя стали богатые новгородцы. Их в качестве пленных Брячислав повез в Полоцк. Он надеялся за каждого из них получить хороший выкуп.

Кинувшись в погоню за Брячиславом, Ярослав догнал племянника на реке Судоме. Произошла битва. Ценою большой крови Ярославу удалось вернуть себе Новгородское княжество и все награбленные воинами Брячислава богатства.

Закономерно было бы после этого двинуться на Полоцк и захватить его. Но страх за жизнь жены, похищенной ярлом Эймундом, вынудил Ярослава пойти на мирные переговоры. В ходе их он

торжественно обещал не посягать никогда более на независимость Полоцка, уступить Брячиславу часть помежных земель, а Брячислав, со своей стороны, — быть верным союзником Ярослава в борьбе с врагами.

Летописцы, которые приводят сведения про замирение киевского и полоцкого князей, утверждают, что Брячислав дал обещание дяде быть с ним «заедино» и что он выполнил это обещание. Из летописей известно, что после заключения мира с Ярославом полоцкий князь стал осваивать западные земли. Многие населенные пункты теперешних Беларуси и Латвии сохранили в своих названиях его имя. Среди них самый известный и крупный — Браславль (сейчас Браслав). Кажется, именно тогда же Полоцку стали принадлежать Минск, Орша и Копыль.

В 1038 году Ярослав задумал поход на ятвягов. Верный своему слову Брячислав присоединился к нему со своими полочанами. Войско ятвягов было разбито, но их города-крепости завоевателям не сдались.

В 1040 году Ярослав обратился к племяннику с предложением «побить Литву». Главная битва с литовцами произошла «на полях слонимских». Киевский и полоцкий князья одержали победу. Литва начала платить им дань.

Изредка и немногословно говоря о Брячиславе, летописцы упрямо умалчивают обстоятельства его личной жизни, и мы практически ничего не могли бы рассказать о делах семейных полоцкого князя после того, как вынужден был он по воле Ярослава вместе с Эстрель Датской покинуть Киев навсегда, если бы не одно интересное упоминание.

Рассказывая о единственном Брячиславовом сыне, Всеславе, автор «Повести временных лет» с мистическим чувством сообщает, что рожден он был «от волхвования» и поминает некое «язвено»:

«Когда мать его родила, было у него язвено на голове его; и сказали волхвы матери его: «Это язвено. Навяжи на него, да носит пусть его до конца жизни своей — и носит Всеслав и до сего дня на себе. Из-за этого немилостив есть на кровопролитие».

Исследователи гадают, что же такое это «язвено»? Быть может, Всеслав родился «в рубашке», и именно эту «рубашку», обработав определенным образом, языческие жрецы велели носить спасенному ими ребенку в качестве оберега? Или, может, не «язвено» навязали на младенца, а повязку на «язвено»? Быть может, «язвено» на самом деле было просто раной (язвой), полученной младенцем при сложных

родах? Тогда понятно, что рану лучше всего было содержать в чистоте и ходить, обвязав ее охраняющей повязкой.

Что же, на практике предкам нашим неоднократно приходилось иметь дело с детьми, появляющимися на свет прямо в неразорванном околоплодном пузыре, так называемой «рубашке». Случалось, что повитуха, помогающая ребенку увидеть свет, нечаянно ранила его, и раны эти потом долго не заживали. Но рождение таких младенцев никогда не расценивалось как что-то чудесное.

Скорее всего, речь идет о чем-то действительно необыкновенном, потрясшем современников.

Роды Эстрель Датской, действительно, должны были складываться как нельзя более неудачно, если она, женщина, в отчаянии соглашается заменить беспомощную повитуху советом мужчин и если христианин Брячислав, сын набожного Изяслава, внук первой восточнославянской монахини Рогнеды, решается прибегнуть к помощи языческих жрецов.

Любовь к умирающей жене и страстное желание сохранить жизнь младенцу, который никак не может самостоятельно покинуть лоно матери, заставили полоцкого князя забыть о том, что он как правитель должен быть для своих подданных примером непримиримости в делах веры. И вот волхвы являются на зов Брячислава. Что же могли сотворить для роженицы они такого, что не под силу было обычной повитухе? Только операцию. Рассечение тела находящейся в сознании женщины, после которого она останется жить и будет здорова. Извлечение из чрева нерожденного младенца, который окажется сильнее и здоровее многих иных детей. Кесарево сечение? Видимо, да. Волхвы, собиратели и хранители многих тайных знаний, вполне могли знать, как проводится эта операция. Чудо? Для современников, никогда ранее не становившихся свидетелями подобного священнодействия от медицины, — безусловно.

Тогда, быть может, «язвено» — это тайный жреческий знак, оставленный на лбу новорожденного тем же ритуальным ножом, которым волхвы произвели «кесарево сечение», знак, который должен был умилостивить смерть, приходившую за двумя душами, матери и ребенка, и не взявшую ни одной? Языческий знак на лбу князя христиан? Безусловно, в таком случае его следовало бы во избежание возможных неприятностей, сплетен и пересудов, тщательно скрывать от глаз непосвященных. И волхвы советуют Эстрель и Брячиславу приучить ребенка к ношению повязки. Впрочем, с годами истина все равно всплывает, и суеверные полочане окружают своего помеченного знаком смерти князя ореолом самых удивительных суеверий.

Говорят, что Всеслав-де чародей. В ночи нередко обращается волком и рыщет по лесам и полям в поисках добычи. Христианские монахи подозревают, что человек со злой «поганской» меткой на лбу должен и нравом обладать злым и немилостивым. И подозрения эти попадают на страницы летописей.

Получившие же сына и наследника «от волхвования» христианские правители Полоцка приблизили, насколько это только позволяли приличия, к себе спасителей-волхвов и, стараясь не особенно печалиться по поводу слухов и сплетен, жили до конца дней своих в благодарности к тем, кто помог им в трудный час. Детей у них кроме Всеслава больше уже не было, и потому именно ему, мальчику, доставшемуся столь дорогой ценой, отдавалась вся их любовь и нежность.

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

О девушке с Золотой гривной и о короне, добытой во имя любви

В 1031 году норвежский конунг Олаф Святой, стремясь отвоевать захваченный датчанами престол, принял свой последний бой. Рядом с конунгом сражался его пятнадцатилетний брат Харальд. Мало норвежцев вышло живыми из этой битвы. В числе их был и жестоко израненный Харальд. Юноша долго отлеживался в лесу, питаясь только кореньями да ягодами. Немного окрепнув, сумел он пробиться в Швецию, где к нему присоединилось много воинов-земляков. Изгнанникам не было иного пути, как попытать счастья на службе в Киеве у гостеприимного Рогнедича, Ярослава Мудрого. Тем более, что там совсем недавно так хорошо был принят и обласкан Олаф.

В Киеве Харальду дали возможность показать, на что он способен в качестве воеводы славяно-варяжской дружины. Несколько удачных походов — и довольный Ярослав уже относится к варяжскому изгнаннику как к самому близкому родственнику. Не это ли заставило молодого варяга настолько забыться, чтобы в один прекрасный момент заявить, что он хочет жениться на дочери своего благодетеля, Елизавете, третьей и самой красивой из Ярославен.

Когда юный норвежский воин прибыл в Киев, Елизавете еще не было и десяти лет. Думать о княжне как о невесте было еще рано. Но минули-пролетели три весны, и Елизавета вдруг расцвета неповторимой девичьей красой. И стали сравнивать княжну с ее прославленной бабкой, Рогнед ой Полоцкой, те, кто помнил еще, как заставлял трепетать сердца мужчин один взгляд гордой Гориславы. И незаметно для самого себя Харальд стал мечтать о Елизавете. И вскоре заметил, что и киевской красавице он небезразличен. Тогда юноша решил просить руки княжны у ее отца.

Ярослав попал в трудную ситуацию. К дочери сватается молодой человек, который уже показал себя прекрасным воином, представитель знатного рода. Но волею судьбы сейчас он беден, лишен наследственных прав, изгнан из родной страны. Харальд, собственно говоря, всего только воин-наемник. Разве же это партия для дочери Великого князя?

Но тут внезапно в ход событий вмешивается сама Елизавета. Девушка признается, что ей люб мужественный норвежец и напоминает, кстати, что когда-то отец торжественно пообещал ей, своей любимице, что она выйдет замуж за того, кого сама выберет.

В конце концов, Ярослав Мудрый принял действительно мудрое решение. «Добудь корону и славу,— сказал он Харальду. — Тогда Елизавета будет твоей».

Приговор отца подтвердила нежной улыбкой сама княжна. Будучи еще очень юной, Елизавета не могла и представить себе, что по сути дела слова ее отца являлись просто завуалированным отказом претенденту. Ей казалось, что силы и возможности ее избранника безграничны, ведь он любит ее, а разве для любви могут существовать какие-либо преграды.

Не желая разубеждать искренне верящую в него девушку, равно как и спорить с Ярославом, доказывая ему что-либо, Харальд посадил своих боевых товарищей на ладьи и, надев на шею возлюбленной золотую гривну, своего рода фамильную реликвию, единственное, что досталось ему некогда в память о его умершей матери, покинул Киев. Он обещал вернуться сюда за Елизаветой не раньше, чем слава о нем, подобно песне, зазвенит от берегов южных морей до суровых норвежских фиордов, и не раньше, чем королевская корона украсит его голову.

Кое-кто, слушая пылкие обещания отважного воина, внутренне содрогался от предчувствия чего-то неизбежно трагического. Кто же из правителей мира сего спокойно подставит свою коронованную голову под меч Харальда? Какое царство или королевство покорно падет к его ногам, ногам человека смелого, опытного в делах воинских, но не имеющего достаточно сил для покорения чужих держав? Не иначе, отчаявшийся влюбленный норвежец просто будет искать гибели в бою, дабы оставить о себе в Киеве только полные уважения и сожалений воспоминания.

Но Харальд отнюдь не потерял голову от отчаяния. Лишь веселая улыбка, всегдашняя спутница молодого человека, надолго исчезла с его губ, уступив место сосредоточенному, суровому выражению лица, и из-за этого к нему навсегда прилипло прозвище Суровый. Не заглядывая слишком далеко вперед, Харальд пока решил выполнить первое из требований Ярослава Киевского и добыть славу и богатство. По его мнению, легче всего это было сделать, поступив на службу к византийскому базилевсу, тем более, что в Царьграде всегда с удовольствием прибегали к услугам варяжских наемников.

И вот уже вместе с византийской эскадрой выходит Харальд в море бить пиратов. Ладьи норвежца появляются то у берегов Северной Африки, то в водах Южной Европы, то на Ближнем Востоке. Воины-викинги топят корабли чужеземных эскадр, «берут на щит» города. При этом их молодой предводитель показывает себя не только

отчаянным храбрецом в бою, но также талантливым, расчетливым и хитрым тактиком.

Говорят, что один из южных приморских городов был захвачен благодаря тому, что Харальду удалось усыпить бдительность его жителей видом военных игрищ, которые он каждый день устраивал со своими людьми под городскими стенами. Горожане крепко заперли ворота и приготовились отражать штурм нежданных гостей. Но викинги повели себя как-то странно и непонятно. Казалось, что ощетинившийся, настороженный город, в непосредственном соседстве от которого они расположились лагерем, их вовсе не интересует, просто место это показалось им почему-то подходящим для военных состязаний. Наблюдая с утра и до позднего вечера за потными верзилами, без устали отрабатывающими боевые приемы, чтобы потом выявить из своей среды лучшего среди лучших, горожане увлеклись в конце концов интересным этим зрелищем настолько, что чувство опасности было ими потеряно. Однажды охранники допустили, что городские ворота оказались слегка приоткрытыми. Люди Харальда среагировали мгновенно и, бросив показные состязания, с ревом ворвались в город.

Другой город был взят с помощью подкопа. Неожиданно даже для самого Харальда подземный ход. проделанный викингами, вывел их прямо в пиршественный зал, где развлекались каждый вечер беззаботные отцы города.

Третий город Харальд Суровый полонил, воспользовавшись примером княгини Ольги. Викинги приманили обильным угощением городских птиц, затем наловили их и, привязав к ножкам горящую паклю, отпустили.

Четвертый город пал к его ногам благодаря тщательно разыгранному театральному представлению. Хмурые викинги сошли на берег из ладей и обратились к городской охране с просьбою увидеть их главного священнослужителя. Святому отцу они рассказали трогательную историю о своем предводителе Харальде Суровом, который якобы был недавно в бою смертельно ранен и перед самой кончиной вдруг обратился душой к Богу, раскаявшись во всех своих грехах и пожелав принять крещение. Священник с радостью согласился окрестить умирающего врага, исповедать его перед смертью и соборовать. А когда «истекающий кровью» Харальд слабым голосом попросил у служителя церкви дозволения быть похороненным на христианском кладбище его города, расчувствовавшийся пастырь даже не подумал о том, что его могут обмануть.

Хитрость и коварство предводителя викингов были оценены его противниками лишь тогда, когда гроб с телом «покойного» его

безоружные «рыдающие» соратники (разрешили сопровождать умершего лишь шестерым) стали вносить в городские ворота. Они вдруг остановились. Крышка гроба слетела. «Покойник» ожил. Викинги выхватили из гроба заранее спрятанное там оружие. Гроб быстро поставили таким образом, что он заклинил ворота. И тут же в город ринулись со всех сторон остальные воины отважного норвежца...

Слава о подвигах Харальда распространилась по всем пределам Византии. На удачливого, смелого и умного воина обратила внимание сама базилисса Зоя, развратная византийка, некогда красавица, теперь желчная стареющая особа. Она предложила Харальду свою любовь и корону базилевса, пообещав избавиться от мужа. Кстати, Зоя вполне была способна на это. Она уже отправила к праотцам, дав приказ утопить в бане, первого своего супруга, Романа III Аргира; при помощи медленнодействующего яда сжила со свету второго мужа, Михаила IV Пофлагонца, чтобы соединиться с любовником, который стал очередным базилевсом Михаилом V Калафатом. Однако очень скоро она совершенно охладела и к нему.

Как бы там ни было, но Харальд отказал Зое, объяснив, что его сердцем уже владеет другая. Зоя, вероятно, очень верила в свои женские чары, потому что о страстной любви Харальда к Елизавете Киевской было известно каждому, кому приходилось встречаться с норвежцем. Благодаря песне, сложенной им по всем правилам скальдов, древнескандинавских певцов-поэтов. В песне этой воспевались многочисленные подвиги Харальда. После каждого подвига-куплета шел рефрен: «А русская девушка с золотой гривной на шее не хочет меня». Впрочем, упрек был адресован скорее не Елизавете, которая верно ждала своего возлюбленного, а ее жестокому отцу, поставившему слишком трудные преграды на пути у их любви.

Песню Харальда по мере появления в ней куплетов с описанием новых славных деяний воины заучивали наизусть, чтобы потом, отправившись в Киев с очередными богатыми дарами своего предводителя для Ярослава и Елизаветы, будто бы невзначай спеть ее где-нибудь в пиршественной зале князя.

Базилисса Зоя попыталась заменить собою в сердце Харальда его возлюбленную. Будучи отвергнутой, она обвинила молодого норвежца в государственной измене и приказала вместе с несколькими наиболее верными товарищами посадить его в башню, под арест, чтобы таким способом заставить норвежца изменить Елизавете.

Но викинг был тверд в своей любви. Тем более, что перед самым арестом ему стало известно, что враг, завоевавший его родину, Кнут Великий, умер, и повзрослевшему сыну Олафа Святого, Магнусу,

удалось вернуть себе отцовский трон в Норвегии, попутно став также и государем Дании. Верные люди передали: коронованный племянник обещал, что по возвращении странствующего Харальда на родину, он разделит с ним власть, сделает соправителем. Это устраняло последнюю преграду на пути возлюбленного к счастью с Елизаветой.

Викинги не покинули своего предводителя в беде и устроили ему побег, передав в башню веревку. Оказавшись на свободе, Харальд со своей дружиной поспешил в Киев.

Более радостного дня столица Ярослава, принявшая груженные золотом до верху тяжелые Харальдовы лады, не знала. И более счастливой пары, чем сдержавший данную отцу невесты клятву норвежец и дождавшаяся своего возлюбленного прекрасная княжна, тут не ведали. После свадьбы, по-славянски широкой и веселой, Харальд увез милую своему сердцу Елизавету в Норвегию, где были встречены они восторженно, как настоящие герои. Нельзя лучше сказать об этом, чем это сделал в XIX веке русский поэт А. К. Толстой:

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Харальд из похода...
Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно,
В царьградском наряде, в короне златой,
С ним рядом сидит Ярославна.
И, к ней обращаясь, Харальд говорит,
С любовью в сияющем взоре
«Все, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,
Цветами убранные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И все, чем владею я ныне,
И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, —
Все то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!»

Они жили в любви и взаимопонимании. Харальд продолжал повсеместно воспевать красоту и добродетель своей возлюбленной (которую на скандинавский манер называл «госпожей Элизиф»), подарившей ему двух дочерей, Ингигерду и Марию. Хотя непоседли-

вый характер заставлял норвежца время от времени покидать Елизавету ради далеких и рискованных походов. Так он совершил своеобразную экспедицию в Винланд (колонию викингов в Северной Америке), основал город Осло, ставший позднее столицей Норвегии. В 1047 году Магнус умер, и Харальд стал единственным правителем двух держав. Но этого ему было мало.

Памятуя о могуществе Кнута Великого, задумал Харальд стать наследником его дел и возродить мощь великой империи севера, от которой после смерти Кнута откололась Англия. Одержимый этой идеей поплыл он в 1066 году со своими воинами завоевывать Англию Жена и дочери сопровождали норвежского конунга в этом походе. Но то, что началось так удачно, имело печальный конец. Шальная английская стрела впилась Харальду в горло во время битвы...

Елизавета похоронила героя и загрустила на всю жизнь. Не помогло забыть горе и второе замужество с датским конунгом Свеном Эстридсоном, который получил корону, благодаря тому, что наследнику власти Харальда не удалось удержать иод своей рукой Данию. Тоскующая Ярославна вскоре пошла за Харальдом в тот мир, откуда не возвращаются.

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

О том, как внучкака Рогнеды просвещала «диких» венгров

Шел 1046 год. Раздираемая междоусобицами Венгрия, в конце концов, получает возможность вздохнуть с облегчением. К власти приходит королевич Эндре, самый законный из претендентов, самый добрый и самый молодой из них. Двенадцать лет Эндре провел на чужбине, спасаясь от своих гонителей. Королевичу дал пристанище гостеприимный Ярослав Мудрый в своей столице Киеве. А когда Венгрия, уставшая от бездарности и жестокости правителя-тирана, свергла его и вспомнила об изгнаннике, киевский князь отдал за него свою дочь.

Празднично разодетая венгерская знать выводит к народу из собора нового коронованного монарха Эндре I. Он клянется править милосердно и торжественно представляет подданным королеву, златовласую чужеземку. На родине ее звали Анастасией. Имя это дал ей Ярослав Мудрый в честь своей матери, Рогнеды-Анастасии. Венгерские же священники, посчитав, что для мадьяров имя избранницы Эндре слишком экзотично, нарекли королеву Агмундой. Ибо это звучало, по их разумению, как вздох очарованной толпы. И действительно, красота и разум юной киевлянки были достойными восхищения. Венгерские хронисты более поздних столетий, называя королеву не иначе, как Агмунда Златокудрая, писали о ней: «Неприступная в обороне своего женского достоинства, как Сусанна, мудрая, как Эсфирь, пленительная, как царица Савская».

Из трех дочерей Ярослава Мудрого старшая, Анастасия, более всех любила науку. Ее тянуло под монастырские своды, где в тиши келейной скрипели перья монархов-переписчиков. Интересовали политические события, которые часто обсуждались в княжей гриднице. Она вбирала в себя, как губка, всю премудрость дипломатии отца, не оставляла без внимания даже вопросы тактики и стратегии ведения современной войны.

Летописи утверждают, что Ярослав искренне радовался, когда члены его семьи занимались самообразованием, что он сам «насеял книжными словесы» сердца и думы близких своих. Но кто знает, в отношении к Анастасии не возникали ли у киевского князя сомнения? Уж слишком многое для женщины хотела она знать. Будто не женой и матерью готовилась стать, а главой державы.

В 1034 году в Киеве появился вместе с братом своим Левенте молодой Эндре, сын покойного венгерского князя Ласло Рыжего и

Ярославовой сестры Прямиславы. Ласло Рыжий был двоюродным братом венгерского короля Иштвана I. У короля был сын, но он погиб еще при жизни своего отца, и потому наследником был провозглашен племянник государя, сын его родного брата, Вазул. Впрочем, некоторую часть феодалов, поддерживаемую самой вдовствующей королевой Гизеллой, не устраивало такое положение вещей. Они подготовили против нового короля заговор, в результате которого Вазул был ослеплен, а на его престол приглашен чужестранец, венецианский дож Петер Орсеола. Сторонники Вазула, среди которых были и умные, деятельные сыновья Ласло Рыжего, Эндре, Левенте и Бэла, пытались организовать борьбу с узурпатором, но у их противников было больше сил. Братья были вынуждены бежать из страны. Бэла нашел убежище в Польше, Эндре и Левенте подались в Киев, к родне своей матери, о которой так много слышали от нее.

Не чаявший когда-либо свидеться с детьми сестры, насильно увезенной Болеславом Храбрым, Ярослав был очень рад приезду племянников. В это время повсеместно уже гремела слава Харальда Сурового, совершавшего подвиг за подвигом ради Елизаветы. И Ярославу пришла в голову удачная мысль — а что, если, влюбившись, по примеру норвежца его молодой венгерский родственник Эндре, старший из детей Ласло, нашел бы в себе силы вступить в борьбу за королевскую корону? Ведь у ослепленного Вазула наследников нет. Эндре теперь — ближайший законный наследник королевской власти. Отдать дочь за венгерского короля — это почетно и выгодно в политическом отношении.

И вот Ярослав обратил внимание гостя-изгнанника на двух непросватанных еще своих дочерей, Анастасию и Анну. И был очень обрадован, заметив, что старшая из княжен действительно приглянулась молодому венгру.

В скриптории, в храме, в мастерской богомазов отыскивал Эндре Анастасию, чтобы тайком шепнуть ей несколько нежных слов. И странная девушка-книжница потянулась всей душой к изгнаннику.

В конце концов, Эндре попросил ее руки. Кажется, они были обручены на условиях расторжения договора, если в течение пяти лет Эндре не добьется своих законных прав на венгерскую корону. Эндре уладил свои дела в срок. Деньги будущего тестя сразу же привлекли на его сторону многих колеблющихся в своих политических симпатиях венгерских вельмож. А нанятое им сильное войско поддержало его притязания на престол.

Анастасия Ярославна, как и ее сестра Елизавета, вышла замуж по любви. Приехав в Венгрию, Эндре и его юная супруга поняли, что

начинать свою деятельность тут надо с просветительства. После Киева родина Эндре казалась дикой, варварской страной. Простые венгры вели полукочевой образ жизни в походных шатрах. Жилье феодалов было ненамного более цивилизованным — деревянные, грубо сколоченные дома. Деревянным был и королевский замок. Поголовная неграмотность даже среди священников ужасала. Книг было очень мало, да и те только Закон Божий на латыни. Венгерский язык, которым пользовалось все светское население страны, существовал лишь в разговорном варианте, летописи не велись.

Вот когда понадобились Анастасии все добытые в юные годы знания. Она начала с основания библиотеки при королевском замке. Книги для королевы присылали с Руси. Вдохновленный и поддержанный этой необыкновенной женщиной, нотарий короля епископ Миклош начинает писать грандиозный литературно-исторический труд «Деяния венгров». В его композиции видно влияние Несторовской «Повести временных лет».

Вместе с любимым мужем, который тоже с головой погрузился в дела просвещения, королева обсуждала возможность основания в Венгрии монастыря по образцу Киево-Печерского — обители мудрых вещих старцев, к которым время от времени за советом и помощью обращались бы государи Венгрии. Поздней Агмунда материально поддерживала две такие обители, в Вышеграде и Тормове. Это были первые каменные здания в стране.

Муж и жена не разделяют свои обязанности на мужские и женские. Вместе занимаются политикой, вместе борются, отстаивая законность своих прав на корону с теми, кто предпринимает новые попытки узурпировать власть, свергнув их с престола. Вместе воспитывают сына Шалмона. Они, как семейство ласточек, вьют на неприступном утесе уютное гнездо, по малой веточке собирая его. Всегда неразлучны, всегда рука об руку...

Их счастье длилось 14 лет. А после родной брат, младший среди наследников Прямиславы и Ласло Рыжего, Бэла, решил сам стать королем. Собрав силы, он выступил в направлении столицы. Эндре со своими воинами вышел ему навстречу. Удача отвернулась от мужа Анастасии. В этой битве он погиб.

Агмунда Златокудрая стала изгнанницей. Все последние годы своей жизни эта мужественная женщина посвятила попыткам вернуть престол сыну Шалмону. Ей это не удалось.

Анастасия была красива до глубокой старости. К ней сваталось много мужчин. Среди них были даже такие, с чьей помощью возвращение венгерского престола стало бы не таким уж и трудным

делом. Но вдова решила хранить верность погибшему мужу. Агмунда Златокудрая знала, что настоящая любовь приходит к человеку лишь однажды и, пережив ее, не хотела более искушать судьбу.

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

О тысяче и одном суеверии, связанном с рижими волосами

Эту историю современные французы рассказывают как прекрасную легенду. Тем не менее, все это происходило на самом деле в далеком одиннадцатом веке.

Однажды молодая богатая вдова охотилась в своих угодьях. Увлеченные преследованием лани, ее слуги не заметили, как госпожа отстала от всех. Когда звук охотничьих рогов замер вдали, навстречу женщине из лесу выехал всадник.

— Рауль, все пропало, — заговорила она, обращаясь к нему,— Скоро каждому будет виден наш грех. Мои подданные станут презирать меня, если я произведу на свет бастарда.

— Ничего не пропало, моя королева, — с улыбкой ответил всадник. После этого он подъехал к даме, посадил ее впереди себя в седло и, не обращая внимания на слабые протесты, пришпорил коня.

Ошеломляющая весть скоро облетела всю страну — граф Рауль Крени Валуа выкрал вдовую королеву Франции! Он увез ее, как простую пастушку, в свой замок. Мало того, этот безбожник захватил некоего причетника, которого то ли подкупил, то ли запугал настолько, что тот согласился произвести обряд венчания. Королева Франции — жена простого графа! Тем более, что первая супруга этого человека еще жива и не в монастыре. Такое могли позволить себе только безумец и настоящая варварка. И добропристойные французы вновь и вновь вспоминали о происхождении своей монархини.

Анна, средняя дочь Ярослава Мудрого, «засиделась в девках» до 25 лет. Ее сестры уже давно нашли свое счастье, а Анне все не везло из-за огненно-рыжих волос, которыми от рождения наградила ее природа.

Титулованные женихи соседних держав, которые были совсем не против породниться с киевским князем, суеверно отклоняли кандидатуру княжны, услышав о том, что она рыжая. Оказывалось, что почти у каждого из народов, соседствующих с землями восточных славян, имеется своя предвзятость относительно рыжих волос.

Венгры боялись рыжины, так как она напоминала им цвет крови. Поляки считали, что рыжие женщины обладают хитростью лисиц и в супружестве будут напропалую обманывать своих мужей. Чехи замечали, что у рыжих матерей все дети рождаются обязательно той же масти, и им не хотелось видеть ни будущих королей своих, ни влиятельных магнатов огненноголовыми. Немцы, напуганные своими

священниками, которые зловеще утверждали, что и виновница грехопадения Ева, и соблазнительница Далила, и даже сама мифическая Вавилонская блудница были рыжими, готовы были поверить, что рыжеволосая женщина отмечена сатанинским огнем преисподней.

Недоумевающий Ярослав, пожимая плечами, вычеркивал из списка возможных зятьев очередного претендента и вновь обращался к Богу с просьбой устроить все-таки как-нибудь судьбу несчастной Анны.

В один прекрасный день совершенно неожиданно для киевского правителя прибыли сваты из Франции. В далекую «варварскую страну» их завела беда. Королю Анри I необходимо было жениться, ибо его покойная супруга не оставила ему наследника. Но папа римский некстати издал закон, который запрещал монархам браки с родственницами до седьмого колена. Почившая королева Франции была дочерью германского императора Генриха II, связанного родственными отношениями со всеми правящими домами Европы. Поэтому для Анри I оказались недоступными все европейские принцессы, подходящие для брака. Анна Ярославна из далекого Киева была последней надеждой короля. Он согласился бы на брак, даже если бы она оказалась некрасивой. Какой же была радость монарха, когда его посланцы привезли в Париж привлекательную молодую женщину с богатейшим приданным! Насчет же рыжих волос, — так в них французы углядели даже особенный шарм, порешив, что огненно-рыжий — это цвет радости.

Венчание Анны Ярославны с королем Франции состоялось в 1049 году. Брак их длился 11 лет, до того времени, когда Анри I скончался, спокойный и умиротворенный, ибо «рыжеволосая русинка» исполнила свой долг наилучшим образом, подарив ему трех сыновей.

Королем после смерти Анри I объявили семилетнего сына Анны, Филиппа. Но фактически руководство державой перешло к королеве. Анна выбрала своей резиденцией старый замок в местечке Сан-Лис, недалеко от Парижа. Вокруг были живописная природа и прекрасные охотничьи угодья. В новую резиденцию перевезла королева своих сыновей. Там она занималась политикой, устраивала аудиенции, вела деловую переписку с представителями соседних государств и наиболее влиятельными своими вассалами. Но политика не занимала всего времени Анны. Она любила и умела развлекаться. Балы, турниры, охоты сменялись одно другим.

Анна прекрасно держалась в седле, совершала продолжительные конные прогулки по окрестностям Сан-Лиса. Во время одной из них вдовая королева познакомилась с графом Раулем Крепи Валуа, также

отчаянным любителем охоты и верховой езды. Свою родословную этот рыцарь без страха и упрека начинал от Карла Великого, и потому гонору у него было даже больше, чем если б он был королем.

Средневековый хронист пишет о графе Рауле, что он был «самым могущественным и самым независимым из всех магнатов Франции» и «не боялся ни армии короля, ни церковных громов». Конечно, не заметить и не выделить среди своих сторонников такую особу королеве было бы очень трудно. Постепенно увлечение Анны сильным, независимым характером Рауля перешло в любовь. Граф Крепи Валуа считал себя свободным, потому что жену свою Алиенору он давно уже прогнал, убедившись в том, что она изменяет ему. Королева же была вдовой. Что могло помешать этим двоим любить друг друга!

Очень скоро Анна почувствовала, что у нее будет дитя. И тогда Рауль совершил тот дерзкий поступок, который так взбудоражил всю Францию. Впрочем, считал он, для доказательства любви рыцаря к прекрасной даме не существует ограничений.

Обвенчавшись с графом Крепи Валуа в его замке, Анна очень скоро подарила ему сына. Взгляды французов устремились на малолетнего короля и его опекунов. Как они отреагируют на проступок бесстыдной королевы? К счастью, у них хватило ума сделать вид, что ничего страшного не произошло. В дело вмешалась и покинутая жена Рауля, Алиенора. Она поехала в Рим к папе и там пожаловалась на графа. Папа послал Крепи Валуа ультиматум: или он возвращает Алиеноре права жены и отказывается от Анны, либо обоих любовников (брак Рауля с королевой папа признал недействительным) немедленно отлучат от церкви.

Но отважный рыцарь только посмеялся. Угрозы главы католической церкви его не напугали, ибо он был лишен как суеверий, так и религиозного страха. Анна по смелости оказалась достойной своего возлюбленного. Не страшась людского суда и рассчитывая только на справедливость своего решения, они продолжали считать себя мужем и женой. У них родилось еще трое детей. За это время вырос и повзрослел настолько, чтобы понять и искренне простить мать, король Филипп. Вслед за ним с поступком королевы вынуждены были смириться и остальные. Любящих друг друга мужчину и женщину разлучила только смерть.

Средневековые авторы называют историю любви внучки Рогнеды Анны Ярославны и графа Рауля Крепи Валуа историей Тристана и Изольды со счастливым концом.

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как князь грешил и каялся, а княгиня дважды меняла вероисповедание

В последние годы правления Ярослава Мудрого Русь забыла о кровавых усобицах, братоубийстве и распрях. Понимая, что мир и спокойствие больше всего способствуют возвеличению державы, Великий князь Киевский, умирая, завещал своим сыновьям жить в дружбе, помогать друг другу во всем, не делить Русь на самостоятельные уделы, но имея каждый номинально княжение и номинально подчиняясь старшему брату Изяславу, во всех делах державных советоваться на равных и принимать такие решения, которые одобрит большинство.

И все-таки после смерти Ярослава мир продержался недолго, хотя, кажется, Ярославичи склонны были следовать во всем мудрым советам своего родителя.

Судьба ли такая была уготована Руси, или всему виной особенность неистребимой человеческой натуры, но только довелось вспоминать вновь современникам Ярославичей те времена, когда яростно делили между собой власть многочисленные сыновья почившего Владимира. Как это ни странно, но главным виновником произошедшего история называет тихого и набожного князя Изяслава Ярославича, к которому после кончины отца перешел почетный его титул, Великий князь Киевский.

До того как вокняжиться в Киеве, Изяслав по воле Ярослава учился властвовать в Турове, получив его в управление сразу же после совершеннолетия.

Казавшийся внешне спокойным и степенным, город этот на самом деле со времени покорения его Киевом таил для великих князей опасность неразорвавшегося снаряда. Туровцы мечтали о возвращении золотых времен независимого существования и по-прежнему видели главными своими союзниками поляков. Хитрые туровские бояре имели уже опыт подчинять своей воле неопытных юных удельных правителей. Неудивительно, что в скором времени Изяслав так же, как до этого и его предшественник, Святополк Окаянный, обзавелся женой-полькой.

Впрочем, брак этот был одобрен и Ярославом Мудрым, который в зрелые годы был очень увлечен налаживанием политических связей с Европой через браки с представителями правящих династий. Матримониальный союз с Польшей был тем более интересен Ярославу,

что теперь после смерти Болеслава Храброго отношения с этой державой стали понемножку налаживаться. Новый польский король, Казимир I, в знак примирения с Киевом женился в 1039 году на сводной сестре Ярослава Мудрого, дочери Анны Багрянородной, Добронеге-Марии. Тогда же он предложил выдать замуж за кого-нибудь из близких киевского князя свою сестру Гертруду. Пока Ярослав колебался, туровцы уверили Изяслава, что Гертруда — его судьба.

В 1043 году сыграли свадьбу, которая связала Польшу и Русь прочными двойными узами. Хотя брак и был династическим, Гертруда вскоре полюбила молодого мужа. Да это и неудивительно было, ведь по словам летописца «Изяслав, приятный лицем и величественный станом, не менее украшался и тихим нравом» .

Однако неглупая польская королевна отметила и оборотную сторону «тихого нрава» ее суженого. Он был нерешителен, робел, когда следовало принять то или иное решение, позволял легко убедить себя в чем бы то ни было любому более бойкому собеседнику. Гертруда поняла: во избежание зла Изяславу надо, чтобы рядом с ним постоянно находился волевой и бескорыстный человек, который направлял бы его по стезе добродетели и поддерживал в тех случаях, когда он готов был совершить что-либо во благо своим подданным. Королевская дочь и сестра чувствовала себя способной стать добрым ангелом-хранителем Изяслава, тем более, что мужу, полагала она, не придется принимать на себя тяжкое бремя великокняжеской власти, которая должна была достаться его старшему брату Владимиру.

Терпеливо и неприметно вела за собою Гертруда своего супруга, и, быть может, только сам мудрый Ярослав иногда угадывал за поступками и словами сына фигуру своей сильной и целеустремленной невестки. Сокрушался, радовался ли он? Скорее, удивлялся тому, как этой молодой женщине оказывается по силам сочетать и заботы хозяйки Изяславова терема, и его тайной наставницы, и матери — туровская княгиня рожала одного ребенка за другим: Мстислава, Святополка, Ярополка, Евдокию.

Впрочем, Ярослав, вероятно, знал, что на родине своей, в Польше, Гертруду небезосновательно считали «самой разумной и образованной» женщиной из королевской династии Пястов. Он мог только радоваться удаче, выпавшей его стеснительному и неуклюжему сыну. Еще более должен был оценить усилия своей невестки киевский князь после того, когда внезапно умер старший из его сыновей, Владимир, и Изяслав превратился в наследника великокняжеской власти, того, кто, по решению Ярослава, должен был стать в дальнейшем, после его смерти, первым среди равных, силой примиряющей и объединяющей.

С помощью волевой Гертруды Изяславу, сменившему отца на великокняжеском престоле, действительно некоторое время благополучно удавалось быть авторитетом среди братьев и не допускать обид и разногласий в большой семье Ярославичей. Вместе братья отбивают нападение балтского племени голядов, воюют против кочевников-азиатов торков, по любому поводу съезжаются в Киев на совет, вместе правят, вместе забавляются, вместе с отчаянными рыданиями провожают в последний путь скончавшихся членов семьи (до 1054 года умерли два младших Ярославича, Игорь и Вячеслав).

Появлению первой трещины в казалось бы прочно сцементированных доверительных и искренних отношениях наследников Ярослава Мудрого поспособствовали события 1067 года, когда князь Святослав Ярославич, второй по старшинству, призвал братьев и племянников объявить войну Полоцку.

В Полоцке княжил в это время сын почившего Брячислава, Всеслав, прозванный Чародеем. Племянник, почти одного возраста со своими дядьями Ярославичами, был достаточно умен и хитер, в меру осторожен, пользовался он у своих подданных большим авторитетом, который поддерживался не столько деяниями его как правителя, сколько аурой таинственности, витавшей над князем с самого его рождения.

Всеслав Чародей, постоянно помня те времена, когда отец его сидел на киевском престоле как соправитель Ярослава, мечтал вернуть себе утраченный им титул или хотя бы найти возможность заставить Ярославичей произвести раздел их владений так, чтобы Полоцкому княжеству отошли исконные земли кривичей, Псковщина и Смоленщина, а также Новгород. Это будет справедливо.

Бояре поддержали своего князя, и он начал осуществлять задуманное, совершив несколько смелых набегов на псковские и новгородские владения. Именно это и вызвало ярость Святослава Ярославича, который вынес на семейный совет предложение проучить зарвавшегося родственника, отобрав у него полоцкое княжение.

Осторожная Гертруда пыталась удержать Изяслава от принятия скоропалительных решений — ей не нравилась перспектива новой братоубийственной войны, тем более, что Ярослав, напоминала она мужу, клялся некогда полочанам не посягать на их самостоятельность. И Изяслав, действительно, долго колебался. Но под натиском более волевых своих братьев и решительно настроенных племянников не устоял...

Первой жертвой Ярославичей стал такой крупный город Полоцкого княжества как Минск. Его сожгли, а землю залили кровью

ни в чем не повинных горожан. Потом произошла жестокая сеча на Немиге, та самая, о которой средневековый писатель, автор «Слова о полку Игореве» писал: «На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харолужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега засеяны костьми русских сынов».

В завершение похода Ярославичи пошли на клятвопреступление. Они пригласили, будто бы для переговоров, к себе Всеслава Чародея, клялись на кресте, что ничего дурного ему не сделают, а после вероломно схватили своего безоружного противника и кинули вместе с двумя малолетними его сыновьями в страшную земляную тюрьму-иоруб в Киеве.

Последнее обстоятельство более всего обеспокоило Гертруду. Она была глубоко верующей женщиной и считала, что нет греха страшнее клятвопреступления. Княгиня стала умолять мужа отпустить на свободу обманутого Чародея. Или хотя бы его ни в чем не повинных детей, двенадцатилетнего Бориса и десятилетнего Глеба. Но на этот раз Изяслав упрямо не желал подчиняться супруге. Всеслав Полоцкий казался ему средоточием зла, источником постоянной опасности для Киевской державы, и он не желал быть милостивым ни к нему, ни к его детям.

Тогда возмущенная Гертруда предсказала Изяславу скорую расплату за святотатственное нарушение клятвы на кресте и за то, что уподобился он Библейскому истязателю детей, царю Ироду.

Расплата, действительно, пришла очень скоро. В следующем, 1068 году, на Киев напали половцы. Войско Ярославичей было разбито, и князья резво и дружно побежали спасаться каждый в свой город. Киевляне потребовали от Изяслава оружия, чтобы вновь выступить против врага, но он почему-то испугался и не дал им его. Тогда в городе вспыхнул мятеж. Киевляне выпустили из поруба Всеслава Чародея. Изяслав в растерянности не ведал, что предпринять. И тогда в дело активно вмешалась Гертруда. Наскоро собрав кое-что из драгоценностей, она посоветовала мужу ехать за помощью в Польшу. Сама княгиня осталась в городе.

Увидев Всеслава Полоцкого, возведенного на престол киевлянами, Гертруда с удивлением для себя отметила, что этот человек, решительный, контактный, бесстрашный, более, чем Изяслав, достоин называться Великим князем Киевским. Оказавшись на вершине власти, он был добр к ней, хотя вполне мог бы объявить ее своей заложницей или даже пленницей, и обращался к Гертруде не иначе, как произнося слово «сестра». И княгиня поклялась себе, что сделает все возможное для примирения Всеслава с Изяславом.

Тем временем в Польше Изяслава принял уже новый король Болеслав II, брат умершего Казимира I и Гертруды. Он быстро собрал войско, с которым Изяславу удалось вернуть утраченный было престол. Впрочем, если говорить честно, в решающий бой со своими противниками ему вступить не довелось. Половцев прогнал вокняжившийся в Киеве Всеслав, сам же он, выступив навстречу Изяславу, ведущему к Киеву поляков, таинственным образом исчез в ночь перед сечей из своего стана, чтобы объявиться спустя некоторое время в родном Полоцке. Следует думать, полоцкий князь, изначально не чувствовавший себя вправе занимать киевский престол, воспользовался предсказаниями вещего старца, монаха Антония, основателя Киево-Печерского монастыря, который посчитал необходимым стать тайным советчиком Всеслава в Киеве.

Лишившись Всеслава Чародея, киевляне смиренно просили Изяслава забыть все обиды. Княгиня также умоляла мужа простить подданных, и он как будто бы внял этим мольбам, но послал в Киев впереди себя старшего сына своего Мстислава, юношу жестокого и честолюбивого, который учинил кровавую расправу над приверженцами Всеслава. Были убиты 70 горожан, которые освободили полоцкого князя из поруба, еще несколько десятков Мстислав приказал ослепить, другие были замучены в ходе так называемого «расследования», производимого княжичем.

Добрая Гертруда оплакивала погибших по вине ее сына и мужа так, будто бы это были ее родственники. А может, она чувствовала уже приближение новой трагедии? В 1071 году Изяслав повел войска на Полоцк, захватил его и, прогнав Всеслава, посадил на его престол лютого Мстислава. Но княжич внезапно умер. И только тогда горестной Гертруде удалось, в конце концов, достучаться до мужнина сердца.

— Бог сделал тебя изгнанником за то, что был ты, как Каин, со своими родичами. Ты не понял его предупреждения, и он лишил тебя сына, — сказала Гертруда Изяславу.

И началось великое покаяние этого Ярославича. Он перенес в специально построенный храм останки погибших в усобице Бориса и Глеба. И сразу стал делать попытки примирения с полоцким князем Всеславом. Он даже и не задумывался о последствиях, а они тем не менее не замедлили сказаться. В 1073 году Святослав послал тайное письмо Всеволоду:

«Брат наш Изяслав, — писал он, — сговорился со Всеславом Брячиславичем и замышляет против нас. Если не опередим его, то изгонит он нас из наших отчин».

Вдвоем Святослав и Всеволод пошли на Киев и выгнали Изяслава из его столицы. Вместе с Гертрудой и сыновьями старший Ярославич вновь попадает в Польшу. Он уже совсем пал духом, и потому деятельная княгиня берет все заботы на себя. Когда Болеслав II отказывается помочь надоедливому родичу, Гертруда тащит мужа в Германию. Добивается сочувствия императора Генриха IV и саксонского маркграфа Деди. Женит младшего сына Ярополка на немецкой графине Кунигунде, чтобы заиметь тут надежных союзников. В конце концов, добивается аудиенции папы римского Григория VII, который при желании может помочь Изяславу. Встреча эта завершилась неожиданно для княгини. Папа внезапно спросил, какого она вероисповедания, православного или католического? Гертруда венчалась до окончательного раскола западной и восточной христианских церквей, поэтому ей не надо было переходить из католицизма в православие. Но в 1054 году папа Лев IX и патриарх константинопольский Михаил Керулярий навсегда разделили верующих христиан. Гертруда, жена православного князя, автоматически превратилась а православную. В связи с этим глава католической церкви настоятельно порекомендовал ей ради спасения души вновь пройти обряд крещения и вернуться в католическую веру. Гертруда соглашается, хотя и чувствует себя глубоко уязвленной. «Все для тебя, любимый», — словно бы говорит она каждым своим поступком. Она верит, что Бог даст еще Изяславу шанс показать себя достойным князем.

В 1076 году мечта Гертруды сбывается. Брат Изяслава, Святослав, воссевший на киевский престол после Изяславова изгнания, умирает под ножом неумехи-лекаря, который вздумал вскрыть ему опухоль. Гертруда помогает мужу собрать войско из поляков и направляет на Киев отвоевывать законный престол. Кстати, советует она, надо попробовать сначала уладить дело миром. Изяславу, который послушался совета жены, удается без кровопролития договориться с единственным братом, оставшимся у него, Всеволодом.

Вернувшись на Русь, Гертруда вынуждена вновь принять православие, ибо рядом с Великим князем может сидеть лишь женщина одной с ним веры. Кстати, совершая сей акт, она получает новое имя, Елизавета.

Этот год волею судьбы стал последним годом жизни Изяслава. Желая наказать детей Святослава, Великий князь Киевский лишил их уделов. Племянники объявили дяде войну, взяв в союзники половцев. Объединенное войско Изяслава и Всеволода встретилось с дикими кочевниками под Черниговом. И. М. Карамзин пишет: «Изяслав стоял

среди пехоты; неприятельский всадник ударил его копьем в плечо; Великий князь упал мертвым на землю».

По свидетельству немецких хронистов, оплакивая Изяслава, Гертруда все же благодарила небеса, которые, сжалившись над ее беспутным мужем, послали ему хотя бы смерть, достойную князя и мужчины, почетную смерть в бою.

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как вся Польша оплакивала своего короля

Шел 1085 год. Часовой на башне польского приграничного замка заметил вдали облако пыли, из которого скоро возник небольшой отряд всадников. Через несколько минут обитатели замка принимали у себя нежданных гостей. Молодой мужчина, предводитель отряда, помог сойти с коня четырнадцатилетней девушке, манерой и одеждами более похожей на юношу, и вместе с нею двинулся навстречу владельцу замка.

— Убежища. Помощи. Защиты, — прохрипел он.

По особенностям одежды и вооружения гостей поляки поняли: они из Турова. А в их высоком происхождении сомневаться вообще было невозможно — мужчина и его спутница были туровский князь Ярополк и его сестра Евдокия.

Вся Польша была уже, кажется, в курсе событий, произошедших недавно в Турове, который тут заслуженно считали самым непокорным из городов, вассалов Киева. Князь Ярополк, получивший туровский престол после смерти своего отца Изяслава Ярославича в 1078 году, как до этого и его предшественники, оказался жертвой интриг туровского боярства, желающего любой ценой отделить свое княжество от Киевской державы. На протяжении многих десятилетий Туров поддерживал дружеские связи с Польшей, которую видел своей союзницей в борьбе за независимость. Неслучайно и неоднажды уже польские королевны становились женами туровских удельных князей.

Хотя связать браком с польским королевским домом Ярополка Изяславича оказалось уже невозможно, так как еще раньше его супругой стала немецкая графиня Кунигунда, агитацию за союз с Польшей и отделение Турова от Великого княжества Киевского вести было кому. Сразу же после вокняжения в Турове Ярополка сюда приехала его мать, польская королевна Гертруда. Семена непокорности скоро взросли. Возможно, Ярополку и удалось бы осуществить замысел, разработанный совместно с матерью и туровскими боярами, если бы в союзной Польше не случилось непредвиденное — в результате заговора феодалов погиб король Болеслав II. Его наследник, Мешко III, был еще совсем ребенком. Он не мог продолжать дело отца, ибо по молодости лет во всем должен был подчиняться опекуну, венгерскому королю Ласло.

Использовав замешательство Ярополка, Киев решил раз и навсегда покончить с «туровской угрозой». Великий князь Киевский

Всеволод, дядя Ярополка, послал на Туров с войском своего сына, Владимира Мономаха. Силы были явно неравными, и туровцы, не желая, вероятно, губить без пользы в бою своих лучших людей, посоветовали Ярополку спасаться бегством в Польшу и там ждать. Судьбу изгнанника решилась разделить с братом юная Евдокия, девушка сильная, выносливая, воспитанная туровцами в духе независимости и свободолюбия. Она была уверена, что, оставшись в Турове с матерью и Кунигундой, попадет в плен, унижений которого может не вынести, и потому выбрала неизвестность.

Брат и сестра прибыли в Польшу в тот момент, когда там не было ни юного Мешко, ни его опекуна Ласло Венгерского. Изгнанников принимали у себя самые влиятельные магнаты. Кто-то из них в своем послании в Венгрию помянул о красоте Евдокии и ее жизнерадостном, смелом характере, подходящем скорее юноше ее лет, чем девушке. Венгерского короля это заинтересовало и он тут же выехал в Краков.

Встретившись с Ярополком, он вежливо отказал ему в помощи. Как опекун он де не может самостоятельно принимать столь серьезного политического решения. Но обратил самое пристальное внимание на Евдокию. И остался доволен. Туровская княжна, веселая и бойкая, могла б стать прекрасным дополнением к по-женски мягкому, деликатному Мешко, которого из-за этих черт характера начинают искушать знатные девушки Польши и Венгрии. Брак с Евдокией Туровской имел бы для Польши также и политические выгоды. Позднее можно было бы оспорить у Киева туровские земли, объявив их приданым или, может быть, даже наследством польской королевы.

Мешко сразу же был вызван из Венгрии, где находился в гостях у семьи опекуна, в Польшу. Ненамного старше, чем Евдокия, и даже более красивый, чем она, он заинтересовал туровскую княжну. Венценосные подростки скоро подружились, а позднее и полюбили друг друга первой чистой юношеской любовью. Их поспешили обвенчать и назначили день коронации, ибо Мешко скоро должно было исполниться шестнадцать лет.

Но Ярополку не суждено было увидеть торжественную церемонию провозглашения Евдокии польской королевой. Из Киева прибыл гонец с тайным сообщением — дядя Всеволод и его сын Владимир Мономах готовы простить туровского князя. Если он приедет с повинной, ему вернут престол. И Ярополк решился.

В Киеве его встретили с холодной вежливостью. И после необходимых по ритуалу покаянных слов объявили, что он может

вернуться в Туров вместе с матерью и женой, которых все это время держали в плену.

А через несколько дней на пути в Туров Ярополк был убит подкупленным негодяем из его собственной дружины.

Евдокия не могла отомстить за любимого брата. Ее счастье и величие в Польше оказались недолговечными. Мешко III, который, приняв власть, по словам средневекового хрониста Галла Анонима, «так мудро и разумно повел себя, так придерживался старинных обычаев предков, что вызвал восхищение всей родины», узнал из достоверных источников, кто убил его отца, Болеслава II. Опасаясь расплаты, убийцы-феодалы решили устранить и юного Мешко.

На одном из пиров заговорщики подсыпали отраву в любимое вино короля. Яд начал действовать почти сразу же. И веселый праздник окончился слезами и стонами.

Короля Мешко III оплакивала вся Польша. Хроники свидетельствуют, что «ни одна кончина ни одного государя, даже у варварских народов, не оплакивалась так долго и с такой печалью, ни одно погребение, даже величайших правителей, не сопровождалось таким горестным пением».

Евдокия скорбно шла за гробом мужа. Она не плакала, но несколько раз теряла сознание. Ее горе было неподдельным и глубоким. Как сложилась жизнь этой девочки-королевы в дальнейшем — неизвестно.

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

О том, что самими большими несчастьями для родителей являются несчастья их детей

Особо из всех своих сыновей Ярослав Мудрый выделял Всеволода, неглупого, более мягкого и гибкого в принятии решений и охочего до книжных наук. Киевский князь считал, что он более других наследников перенял его черты и характер. Всеволод, действительно, с годами много в чем стал напоминать отца. И прежде всего своим великим чадолюбием.

От первой своей супруги, византийской царевны Марии, очень рано умершей, у Всеволода остался лишь один сын, Владимир, к имени которого князь не без гордости, хотя абсолютно без всякого основания, добавил императорскую фамилию его матери, Мономах.

Во второй раз Всеволод Ярославич женился в 1069 году на красивой дочери половецкого хана Белуша, которую звали Ланка.

Говорят, однажды половцы предприняли далекий и опасный поход на Восток, к берегам Индийского океана. И оттуда вместе с военными трофеями привезли они несколько необыкновенно привлекательных девушек, уверив соотечественников, не участвовавших в их экспедиции, что все они — представительницы знатных семейств. Последнее обстоятельство заинтересовало всех. И полоцкие ханы поспешили разобрать девушек в свои гаремы. Ланка была дочерью одной из этих высокородных пленниц.

В православии ее окрестили Анной. Она оказалась смышленой женщиной, очень скоро в совершенстве овладела языком своего мужа и сумела завоевать симпатии и уважение Всеволодовых бояр и воевод. Ее доброта к юному пасынку Владимиру Мономаху привела к тому, что княжич стал почитать ее «аки родную мать» и относился к детям Анны с любовью. Навряд ли это была лицемерная хитрость княгини. Половчанка Анна была действительно добра и мила.

В браке со Всеволодом Анна родила четырех детей, старшим из которых был сын Ростислав. Трех младших девочек счастливая княжеская чета нарекла Евпраксией, Иоанной и Екатериной. Отдавая большую часть своего душевного тепла детям, княгиня высоко поднимала себя в глазах Всеволода, который в любой женщине прежде всего ценил материнские чувства. Князь и княгиня подолгу беседовали о будущем своих детей, которое видели безоблачным, богатым, счастливым. Они поклялись сделать все возможное, чтобы устроить судьбу каждой из дочерей и подготовить все для мирного

вокняжения после Всеволода в его вотчине сыновей (Всеволод после Ярое лавовой кончины владел третью всех земель, собранных Ярославом и Владимиром в единую державу, самыми большими его городами были Переяславль, Ростов, Суздаль, а в 1078 году, когда его братья умерли, стал Великим князем Киевским).

Первые печали принесла отцу и матери дочь Екатерина. В отроческом возрасте она упала и ушибла спину, отчего у нее стал расти горб. О ее замужестве нечего было и думать, и Всеволод с грустью должен был согласиться на пострижение своей младшенькой в монахини. Екатерина приняла иноческий сан с именем Ирина. В монастыре она жила по-княжески, ни в чем не нуждаясь. Сокрушаясь о том, что дочери не суждено будет никогда изведать ни радости любви, ни сладкого бремени материнства, княгиня Анна не переставала ронять по ней слезы.

Зато старшей княжне, Евпраксии, казалось бы, сразу же улыбнулась судьба. Вдова Всеволодова брата Святослава, немка Ода, которая после смерти мужа вернулась на свою родину, нашла для юной племянницы блестящую партию, сосватав ее молоденькому саксонскому маркграфу Генриху. Единственное, что настораживало польщенных родителей, это то, что девочка к моменту приезда сватов была еще несовершеннолетней, ей едва пошел двенадцатый год. И хотя в те времена браки и в таком возрасте были не редкостью, все же Анна, умудренная житейским опытом, категорически противилась столь раннему началу семейной жизни. И только когда сваты успокоили княгиню, пообещав, что фактический брак княжны Евпраксии состоится лишь по достижению ею пятнадцатилетнего возраста, дала свое материнское благословение.

Маленькая невеста въехала в столицу своего жениха в середине 1083 года в окружении пышной свиты, одетой в шелка и бархат. Позади тяжело катились, громыхая по булыжной мостовой, нагруженные доверху огромные возы с необыкновенно богатым приданым. Но более всего поразили саксонцев верблюды, которых шло в свадебном караване два десятка. На самом большом, серебристо-белом, восседала сама невеста, и убранство ее сверкало на солнце сотнями драгоценных камней.

Верблюды были идеей половчанки Анны, которая специально для того, чтобы заставить Европу, восторженно ахнув, запомнить приезд новой госпожи Саксонии на долгие времена, выпросила этих экзотических животных у своих родственников-кочевников.

Саксонцы сдержали слово, данное родителям невесты, и после торжественной церемонии церковного обручения отделили ее от му-

жа, поместив на три года в самый удобный для проживания столь знатной особы монастырь в городе Кведлинбурге. Там княжну приветливо приняла аббатиса Адельгейда, которая была настоящей принцессой крови и приходилась родной сестрой германскому государю Генриху IV, носившему наивысочайший в Западной Европе титул императора Священной Римской империи. Аббатиса позаботилась о том, чтобы Евпраксия провела эти годы в монастыре с пользой, изучая немецкий язык и основы католического вероучения. В стенах обители Евпраксия и приняла веру своего мужа, крестившись, в знак уважения к своей наставнице, именем Адельгейда.

Когда обусловленный срок воссоединения супругов приблизился, маркграф Генрих в нетерпении сам приехал за Евпраксией. Он увез ее из монастыря, посадив впереди себя на коня и крепко обнимая за талию. Казалось, двое молодых людей должны наконец изведать настоящее счастье, ибо все для этого у них было. Но судьба распорядилась иначе. Генрих умер всего через год. Евпраксия-Адельгейда овдовела.

Есть много достойных способов для вдовы устроить дальнейшую жизнь без ущерба для собственной чести и имени. К сожалению, неопытная юная княжна не выбрала ни одного из них. После смерти Генриха по настоянию его брата Людигерда, занявшего саксонский престол, Евпраксия вновь переселилась в Кведлинбургский монастырь. Там в отчаянии она позволила аббатисе Адельгейде уговорить себя выйти замуж повторно за ее венценосного брата, Генриха IV, который недавно развелся со своей женой. Император несколько раз навещал сестру и, по словам последней, увидев Евпраксию, воспылал к ней «страстью неудержимой и глубокой». Испугавшись печальной участи всю оставшуюся жизнь уныло провести в монастыре и ободренная перспективой стать императрицей, содержать блистательный двор, предаваться тонким и изысканным светским удовольствиям и развлечениям, Евпраксия закрыла глаза на то, что германский монарх и с первого, и со второго, и даже с третьего взгляда показался ей человеком необаятельным и неискренним.

Обручение в 1088 году Евпраксии с Генрихом IV, который был старше ее на двадцать один год, было поспешным, не были соблюдены даже элементарные нормы приличия. Получив известия о нем, Всеволод и Анна были шокированы. И даже не столько возмутительной скоропалительностью решения дочери, сколько ее выбором. Киевский князь слышал о Генрихе IV очень много нелестного. Например, уже всем европейским государям довелось испытать на себе тяжелый, склочный характер германского монарха, который то и

дело ссорился с ближними и дальними соседями. Этот человек, занимающий положение столь высокое в европейском сообществе, был постоянной головной болью даже папы римского, которого Генрих IV то высокомерно, с позиций императора Священной Римской империи, объявлял низложенным, то каялся и трое суток во власянице простаивал на коленях перед его домом в Каноссе. Мало того, те, кто имел доступ ко двору императора, свидетельствовали о его крайней распущенности и жестокости. Всеволод с трудом мог представить себе, чтобы такой человек мог дать счастье его неиспорченной и доброй девочке. В историю внезапно вспыхнувшей страсти Генриха к Евпраксии он не поверил, небезосновательно полагая, что германскому императору выгодно было породниться с сильным и богатым Киевом из чисто политических соображений. Но становиться союзником такой особы, даже учитывая, что Генрих IV нежданно стал его зятем, Всеволод не собирался. Он передал дочери, что поступка ее не одобряет и брака не благословит никогда.

Отвернувшись от дочери, Всеволод, видимо, надеялся что она в самую последнюю минуту испугается его гнева и пересмотрит свое решение, ведь она была так молода, хороша собой, богата и могла рассчитывать на самую лучшую судьбу. И отец готов был устроить ее Евпраксии, выдав замуж, например, в Византию.

Как раз в 1088 году собиралась ехать туда в качестве невесты царевича Константина Дуки средняя дочь Всеволода и Анны, княжна Иоанна, которую родители ласково называли Янкой. Девушка умная, образованная, хорошо воспитанная, она имела все шансы стать в скором времени базилиссой, и, конечно же, ей не составило бы труда найти достойную партию для овдовевшей сестры.

Увы, судьбы обеих дочерей, вопреки надеждам Всеволода, оказались печальными. Евпраксия, несмотря на требование родителей, обвенчалась с Генрихом IV, а Янка через несколько месяцев со слезами вернулась в Киев. Пока невеста добиралась к своему жениху, политическая обстановка в Царьграде круто изменилась, и жених был насильственно пострижен своими противниками в монахи.

Янка приехала домой не одна, но привезла с собой странного утешителя — книжника и скопца Иоанна, который был так тощ и страшен из-за бесконечных постов, которыми себя добровольно изнурял, что киевляне о нем при встрече говорили: «Вон идет мертвец». Тем не менее, этот строгий пастырь успел так заморочить голову бедной девушке, что она после пережитого потрясения ни о чем более не думала, кроме как о том, чтобы тоже стать монахиней.

Родители не смогли ее отговорить. Янка постриглась, приняв в качестве духовного имени имя своей матери, Анна.

В дальнейшем княжна прославилась делами просветительства и первыми школами для девочек-горожанок, где учили их «чтению, пению и швению». И хотя казалось, что она была довольна своей участью, весела и улыбчива, но родители не переставали скорбить о ее загубленной молодости.

Плача о Янке, Всеволод не желал, чтобы при нем упоминали имя Евпраксии, хотя кое-какие вести из Германии до него все-таки доходили. Предчувствия отца не обманули. Всего через три года после заключения брака жизнь княжны с Генрихом IV уже превратилась в кошмар. Понимая, что союзником его киевский князь никогда не станет, германский монарх чувствовал себя обманутым в лучших своих надеждах.

Отказав жене в любви, муж не оказывал Евпраксии даже и элементарного уважения, подобающего императрице. Одержимому необузданными развратными фантазиями Генриху IV непременно захотелось увидеть жену униженной, раздавленной, опозоренной.

Началось с того, что он подослал к ней некоего барона с четко поставленной целью — добиться от императрицы согласия на любовное свидание. Генрих IV предполагал заявиться в спальню Евпраксии вместо барона и насмеяться над нею. Но этот замысел не удался. Императрица долго прогоняла от себя пристающего к ней барона, но в конце концов, когда преследования его стали уже нестерпимыми, назначила ему встречу. Явившись на свидание вместо барона, император оказался в западне. На него напали двенадцать переодетых в женское платье слуг и немилосердно избили.

Никаких претензий от мужа по этому поводу Евпраксия не приняла, заявив, что побои предназначались хаму-барону. Происшествие это привело Генриха IV в ярость. Он казнил не справившегося с поручением барона, а жену раздел донага и заставил в таком виде предстать перед своими вельможами. Пожелавшая немедленно после такого унижения покинуть дворец мужа Евпраксия была заперта им в своих покоях. Через некоторое время среди ночи к ней пришли люди, одетые в черное и с закрытыми лицами, и силой привели ее в некий тайный зал. Там испуганная императрица увидела странно разряженных придворных и самого императора, который объявил ей, что является приверженцем секты николаитов, одного из ответвлений иудаизма, верует в Бога по-своему и желает приобщить к тайным обрядам секты свою жену. Евпраксию силой возложили на алтарь и совершили жертвоприношение, обезглавив нескольких животных на

ее обнаженном теле. Затем рыдающей женщине сообщили о том, что николаиты не считают грехом прелюбодеяние и имеют общих жен. И Генрих IV заставил супругу вступить в сожительство с несколькими своими друзьями.

После этого император со спокойной совестью подал на развод, мотивируя свое решение тем, что жена его вела «нецеломудренный образ жизни». Точно под таким же предлогом, вспомнила Евпраксия, незадолго до брака с нею Генрих IV развелся с первой своей супругой.

Но она не собиралась быть покорной жертвой и терпеть все те чудовищные оскорбления, которым ее подвергли. Союзником в борьбе против мужа-насильника она избрала своего пасынка, сына Генриха IV от первой жены, Конрада. Евпраксия известила молодого человека, что непредсказуемый отец желает лишить его права наследства.

Узнав об этом, взбешенный император приказал заточить Евпраксию в своем замке в итальянской Вероне. Но Конрад, узнавший от мачехи обо всех мерзостях, творимых его отцом, и представив, что то же самое, видимо, доводилось терпеть от венценосного безумца и его матери, опозоренной им и разведенной «за разврат», сделал все, чтобы вызволить несчастную женщину. Конраду согласилась помогать и тосканская герцогиня Матильда, люто ненавидящая Генриха IV. И вот отряд рыцарей, возглавляемых мужем Матильды, баварским герцогом Вельфом, напал на замок-темницу и вызволил Евпраксию.

В это время из Киева пришла весть о смерти князя Всеволода. Чуть позже погиб старший брат Евпраксии, Ростислав, которому едва минуло двадцать три года. Его смерть была еще ужасна и потому, что довелось принять ее молодому князю в бою против ближайших родичей, половецких ханов. Занявший престол после смерти Всеволода его племянник Святополк Изяславич умудрился в первые же месяцы правления рассориться с половцами, бывшими до этого в результате женитьбы Всеволода на Анне в союзнических отношениях с Киевом. Когда половцы с большими силами двинулись на столицу княжества, Святополк призвал сыновей Всеволода на помощь. И Владимир Мономах с Ростиславом не могли не откликнуться на призыв Великого князя.

Рассказывая о роковой битве на реке Стугне, состоявшейся в мае 1093 года, Н. Карамзин пишет: «Святополк вел правое крыло, Владимир левое. Ростислав находился в середине. Они поставили знамена между земляными укреплениями Трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и замешались. Великий князь оказал примерную неустрашимость, бился

долго, упорно и последний оставил место сражения. Средина и левое крыло, не умев искусным, быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля. Земля дымилась кровию. Россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стругне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многих Бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов»...

Поседевшая после похорон Ростислава мать могла не выдержать двойного горя, узнав подробности злоключений дочери, тем более, что в этой ситуации она ничем не могла бы ей помочь. Поэтому Евпраксия решила сама стать мстительницей. Она заявила, что добьется низложения коронованного чудовища, пускай даже ценою безвозвратно загубленной своей репутации. И она обратилась к папе римскому, в подробностях и без утайки поведав обо всех унижениях, которым подверг ее, венчанную жену, императрицу, христианку, муж.

Глава католической церкви был ошеломлен. После таких свидетельств было бы просто недопустимым, чтобы самый высший и почетный монарший титул в Европе — император Священной Римской империи — оставался за особой столь преступной. 1 апреля 1095 года был созван церковный собор, на котором Евпраксии пришлось выступить как жертве гнуснейшего разврата перед самыми высочайшими церковными иерархами из Германии, Франции, Италии, Бургундии, которых собралось 4 тысячи, а также перед 30 тысячами знатных и влиятельных дворян разных национальностей. Пораженные услышанным епископы и кардиналы единодушно осудили мучителя Евпраксии, отняв у него корону, отлучив от церкви и предав имя его анафеме. Престол отца по праву занял молодой Конрад, отношение к матери которого после выступления Евпраксии тоже было пересмотрено.

Евпраксия же, переступившая через собственную стыдливость, обнажившая душу перед тысячами мужчин ради восстановления справедливости, стала героиней-мученицей для многих своих современников. Сам папа отпустил ей все грехи, как истинные, так и невольные, и ее с уважением и почтением приняла Италия, где жила она два года.

Но Генрих, желая отомстить виновнице своего позора, стал подсылать к ней наемных убийц. Опасаясь за свою жизнь, Евпраксия вынуждена была бежать в Венгрию. Там она получила письмо из Киева. Слишком поздно узнав о несчастьях дочери, мать посылала

Евпраксии свое прощение, благословение и звала вернуться домой, где все ее любят, и куда никак не добраться палачам Генриха.

Евпраксия послушалась. В Киеве несколько лет она жила в тереме матери под ее нежной опекой.

Отпраздновав возвращение несчастной своей дочери, старая княгиня будто бы воспрянула душой, на время позабыв обо всех своих горестях. Она даже вернулась к делам политики, от которых отошла со смертью Всеволода.

Но судьба готовила ей уже новое потрясение. В 1098 году князь Владимирский Давыд, сын рано умершего Игоря Ярославича, оболгал перед Святополком Владимира Мономаха и одного из двух внуков княгини Анны, Васильку Ростиславича, князя Теребовльского. Давыд утверждал, что эти двое желают свергнуть Святополка, чтобы великокняжеский престол занял Мономах. Давыдов город Владимир в таком случае, а также Туров и Пинск, где жила в это время старая мать Святополка Гертруда, достанутся Васильке. Святополк дал обмануть себя. Вместе с Давыдом они заманили в Киев Васильку и ослепили его. Узнав об этом злодеянии, негодующий Мономах выступил походом на Киев. Уже готова была начаться новая братоубийственная война, уже в ужасе готов был бежать из своей столицы Святополк, когда киевляне решили прибегнуть к помощи печальной Анны. Они попросили ее возглавить киевское мирное посольство к приблизившемуся к городу Мономаху. Она согласилась.

Вместе с митрополитом явилась княгиня Анна в стан пасынка и, рыдая, молила его остановиться и не губить зря души русичей. Увидев, как смиренно и по-христиански мачеха его простила злодейское преступление, совершенное против ее внука, Мономах согласился на переговоры.

Впрочем, вскоре угроза войны вновь нависла над Русью. Слепой Василько и его брат Володарь выступили против своего оскорбителя Святополка. Тот послал своего сына в Венгрию к королю Коломану за военной помощью. Коломан привел на Русь огромное войско. Внуки княгини Анны, Ростиславичи, призвали в союзники половцев, но все равно силы были неравны. Тогда Анна отправилась в лагерь венгерского государя и, упав перед ним на колени, со слезами просила быть милосердным к ее народу. Она уверяла Коломана, что ее внуки не будут сражаться с ним. Венгерский король ничего не обещал княгине, но успокоенный тем, что сопротивления не предвидится, позволил своим воинам расслабиться и забыться в последующую ночь крепким сном. А посреди нее внезапно налетели дружинники Ростиславичей и союзники-половцы. Венгерская армия была наголову разбита.

Дважды выступив спасительницей Руси, княгиня Анна возжелала удалиться на покой и всерьез заняться устройством судьбы Евпраксии. В 1106 году пришло известие о смерти ненавистного Генриха IV, и Евпраксия, развод которой с ним был папой римским признан недействительным, наконец, официально стала свободной. Но неожиданно для матери дочь высказала решительное нежелание еще раз связывать свою судьбу с мужчиной. Она просила разрешения у старой княгини стать, как и ее сестры, монахиней. Мать посчитала, что не в праве отказывать дочери в этом. Но сердце ее не выдержало последнего удара и разорвалось от горя, когда одна за другой в монастыре скончались Екатерина (в 1108 году) и Евпраксия (в 1109 году).

В 1111 году скорбная Иоанна-Янка перевезла тело матери в монастырь, туда, где были погребены ее сестры. А в 1113 году по воле Божьей сама почила подле них...

РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

О мужестве и преданности - важнейших добродетелях супружества

В отличие от киевских государей, традицией которых со времен Святослава Игоревича было дробление владений на уделы для повзрослевших сыновей, Полоцкое княжество еще и при Всеславе Чародее оставалось единым и неделимым. В семье этого правителя росло шесть наследников, Борис-Рогволод, Давыд, Глеб, Георгий-Святослав, Ростислав и Роман, но все они по воле своего отца продолжали жить при нем в Полоцке даже и тогда, когда становились совершеннолетними и женились.

Сам Всеслав очень ревностно относился к выбору спутниц жизни для своих сыновей, отдавая предпочтение девушкам добрым, кротким и преданным. И более всех гордился брачным союзом, заключенным его третьим сыном Глебом с туровской княжной Анастасией. Отзывчивая и милая, эта невестка была как ясный свет Божьей свечи, зажженной чьей-то заботливой рукой, чтобы привлекать к себе взоры уставших, заблудившихся во мраке подозрительности и недоверия путников. Побывавший вместе с отцом и братом Борисом в страшной, похожей на могилу, земляной тюрьме-порубе, в самом юном возрасте уже переживший глубокое разочарование в людях после того, как отец его был предан родственниками, нарушившими святую клятву на кресте, всю молодость свою потрясенно отдалявшийся от шумной и суетливой жизни сверстников, Глеб, по мнению Всеслава, как никто иной заслуживал такой жены.

Двенадцатилетнюю Анастасию отдавали замуж ее мать Кунигунда и бабка Гертруда, две женщины-чужеземки, которые волей судьбы стали туровскими княгинями. Происходило это через год после смерти мятежного отца Анастасии, Ярополка, который выказал неподчинение Киеву и за это погиб от руки наемного убийцы. Брачный союз Глеба и Анастасии должен был связать два княжеских рода, которые имели единый корень и, тем не менее, никак не могли придти к миру и согласию.

Но в 1088 году в Турове обосновался родной брат погибшего Ярополка, Святополк. В свое время они с Всеславом Полоцким нанесли друг другу множество обид, да и сейчас Святополк испытывал к Чародею неприязнь. Многоопытной Гертруде не удалось склонить своего сына к союзу с Полоцком. А на бедную вдову Ярополка вообще обрушилась ярость деверя из-за того, что Анастасию отдали замуж в

Полоцк. В конце концов, гордая Кунигунда посчитала за лучшее вернуться на родину, в Германию, чем выносить постоянные упреки и издевательства. Она покинула Туров не одна, а с младшей сестрой Анастасии, которую позднее выдала замуж в Германии.

Потерявшая отца, простившаяся навсегда с матерью, юная Анастасия могла искать утешения и ласки только у своего мужа. Глеб был лет на пятнадцать старше жены. Она чувствовала с его стороны заступническую силу, доброту, восхищалась целомудрием его отношений к браку и семье. И платила за все это монетой равного достоинства — дарила мужу свою молодость, нежность и понимание. Наверное, последнее особенно ценилось, ибо судьбою Глебу была предназначена неспокойная жизнь воина и правителя.

В 1101 году, похоронив отца, сыновья Всеслава, все уже зрелые мужчины, поделили между собой города княжества. Старшему, Борису, достался Полоцк, другому, Давыду — Минск. Какой город первоначально получил Глеб, мы не знаем. Но уже в 1104 году он стал минским князем вместо Давыда, который начал заигрывать с Киевом и за это был лишен братьями престола. Так началась летопись воинской славы Глеба.

Даже первый год правления этого князя стал годом ратных дел. На Минск напало объединенное войско южнорусских князей, ведомое Святополком. Святополк до этого времени покинул уже Туров, где и сидел-то лишь пять лет. Он стал Великим князем Киевским. К врагам полоцкой династии присоединился и член семьи Всеслава Брячиславича, обиженный на братьев Давыд. Глебу удалось отбить нападение, стены Минска выдержали натиск противника.

В 1106 году обстоятельства заставили Глеба предпринять поход на балтское племя земгалов, а в 1116 году выступить против соседей, дреговичей, которые в то время враждебно относились к жителям Минского княжества. И — вновь стычка с Киевом. Уже новый киевский князь, Владимир Мономах, в союзе с князьями смоленским, черниговским и переяславским идет на Глеба. Он захватывает на пути союзные Минску города Оршу, Копыль, Друцк. Двухмесячная героическая защита осажденного Минска, которая окончилась переговорами воюющих сторон, произвела огромное впечатление на современников Глеба. Интересно, что в ней принимала участие и Анастасия.

Но передышка, данная Минску южнорусскими князьями, была короткой. В 1117 году вспыхнул новый военный конфликт с Мономахом из-за смоленских и новгородских земель. Удача на этот раз изменила Глебу Минскому — он потерпел поражение, был захвачен в плен и в цепях отправлен в Киев. Анастасия добровольно

разделила с ним его судьбу. Муж и жена ожидали от своих врагов самого худшего: смерти, ослепления, заточения в порубе, мучений. Судьба оказалась к ним более милостивой. Мономах решил, что уже довольно немолодой минский князь, побежденный и униженный, не может более представлять для него опасности. С Глеба сняли цепи и позволили свободно передвигаться в пределах города.

Имевший многое и утративший все, Глеб Минский невольно потянулся к религии. День и ночь проводил он в кельях печерских монахов, постигая божественную истину. Неволя тяготила, а Бог звал к себе. Славный герой, минский князь Глеб, умер в 1119 году, через два года после своего пленения. Анастасии исполнилось в то время сорок четыре года. Она была еще довольно хороша собой, богата, ибо победители не отобрали ее имений и могла бы снова выйти замуж.

Но Анастасия рассудила иначе. Она передала все, что имела, Киево-Печерскому монастырю и до самой смерти жила одиноко при этой святой обители. Смерть соединила ее с мужем только через сорок лет. Их останки и сейчас покоятся в лавре среди останков многих русских святых и праведников.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

О том, как две сестры искали в Польше любовь и счастье

Великий князь Святополк Изяславич, прежде чем в 1093 году сесть на киевский престол, пять лет правил в Турове. Здесь умерла его первая супруга, набожная византийка Варвара, построившая в Турове женский монастырь, для которого по ее просьбе из Царьграда даже прислали частицу мощей святой великомученицы Варвары. Сюда после смерти его отца Изяслава перебралась на постоянное жительство его престарелая мать Гертруда. Жалея передать Туров кому-нибудь из своих родичей, Святополк оставил его за собой, объявив «киевской вотчиной». А вскоре в Туров вернулись и две дочери Святополка, Сбыслава и Мария. Княгиня Гертруда убедила Великого князя Киевского отдать их ей на воспитание. Для этого были существенные причины.

Непрестанно воюя с кочевниками, Святослав Изяславич однажды среди плененных своими воинами половецких женщин увидел красивую дочь злейшего врага, хана Тугорхана. Он потребовал девушку себе и сделал ее своей наложницей. Но половчанка оказалась достаточно умной и хитрой, чтобы долго оставаться на столь непочетном положении. Нежными ласками она так околдовала своего пленителя, что тот в конце концов женился на ней и объявил Великой княгиней Киевской. Этот поступок Святополка с одной стороны принес пользу его державе, потому что польщенный Тугорхан поспешил замириться с человеком, который стал его зятем. Но с другой — отдалил от него многих его соратников, потому что Святополк свою новую жену «так любил, что без слез на малое время разлучиться с нею не мог, и, много ее слушая, терпел поношения» .

Не желая, чтобы внучки были свидетельницами таких «унижений» отца, а также опасаясь, что мачеха, возымевшая власть над Святополком, станет их обижать, Гертруда решила, что лучше всего будет взять их под свою опеку.

Скучая о родной Польше, бабушка часто рассказывала внучкам о днях своей молодости, о пышном Кракове, галантных кавалерах, веселых праздниках, которые часто устраивались при дворе короля.

Рассказы эти возбудили сначала сильнейший интерес юных княжен, а после неодолимое желание хотя бы на короткое время увидеть все это великолепие. Сбыслава и Мария стали мечтать о Польше. А Гертруда — писать письма родным и близким, которые остались в Кракове, о том, как хороши собой и умны туровские

княжны, что обучены они всему необходимому для того, чтобы стать женами монархов либо славнейших из рыцарей, что обе уже свободно владеют польским языком.

Прочитав одно из посланий старой родственницы, польский король Владислав задумался о возможности брака своего сына, юного королевича Болеслава (в будущем короля Болеслава Кривоустого). Польскому монарху нужен был союз с сильным соседом, поскольку и его завистливые родичи и некоторые польские магнаты покушались на вожделенную корону. К тому же много зла стране наносили набеги половцев, с которыми князь Святополк так кстати вступил в родство.

После недолгих колебаний Владислав встретился со Святополком в Бресте, где и произошло обручение. Для королевича выбрали княжну Сбыславу, чья нежная, «прозрачная» красота покорила послов короля, которые тайно съездили в Туров. За малолетством жениха и невесты свадьбу решено было сыграть через пять лет. Святополк захотел, чтобы эти годы дочь провела рядом с ним в Киеве. Так сестер, до того неразлучных, разлучили.

Вновь они увиделись лишь в 1108 году. Поляки приехали в Киев за невестой молодого короля Болеслава (Владислав к этому времени умер). После роскошного пиршества в Киеве они повезли Сбыславу в Краков. По желанию молодой свадебный поезд завернул в Туров. Сестры с трудом узнали друг друга — за пять лет обе превратились из хорошеньких девочек в ослепительных красавиц. Причем Мария, которая ранее уступала в красоте Сбыславе, теперь выглядела гораздо интереснее невесты короля.

Среди знатных поляков, которые сопровождали Сбыславу в Краков, был молодой рыцарь Петр В ласт, мужественный и отважный. Он сразу же страстно влюбился в Марию.

Очень скоро после свадьбы Сбыславы в Польше сыграли еще одну, почти такую же богатую, как и королевская. Петр Власт, близкий родственник молодого короля, женился на красавице Марии Туровской.

Сестры вновь встретились и никогда больше не разлучались. На всех праздниках Мария занимала место рядом с королевой. Сбыслава даже завидовала сестре, чей брак был не династическим, но союзом по любви. Король Болеслав был вежлив и добр к своей жене, Петр же Власт любил Марию со всем пылом мужской страсти.

«Прозрачная» красота Сбыславы, которая когда-то покорила поляков, оказалась недолговечной, — королева не прожила после венчания и десяти лет. Перед смертью она попросила любимую сестру позаботиться о ее детях. Петр и Мария взяли двух сыновей и дочь

Сбыславы в свой замок, где воспитывали их вместе со своими детьми. Король Болеслав женился второй раз и больше интересовался детьми от этого брака. Тем не менее, наследником престола оставался первенец Сбыславы, Владислав, и его добрые воспитатели стремились как можно лучше подготовить его к служению Польше.

Однажды король Болеслав, вспомнив о своем сыне, послал за ним и был недоволен воспитанием, полученным мальчиком в семье Властов. Впрочем, с некоторых пор независимые и богатые Власты вообще стали раздражать польского государя. Он нашел повод, чтобы лишить Петра всех своих милостей и отправить в изгнание. Мария как любящая жена разделила с мужем опалу. Власты поехали на Русь, где жили «в бедности и забытье». Несколько раз Марии давали возможность одной вернуться в Польшу, но она неизменно отклоняла такие предложения.

Опала длилась несколько лет. Петр Власт вместе с Марией смогли вернуться на родину только после смерти короля Болеслава и прихода к власти его сына и их воспитанника королевича Владислава.

Время и житейские невзгоды наложили свой отпечаток на Марию Туровскую — былая красота ее поблекла. Но любовь, которая согревала супругов в изгнании, не исчезла.

На родине Власт и его жена занялись делами благотворительности. Они активно поддерживали возведение почти 70 монастырей и соборов. Все, построенное по их желанию, восхищало величественной простотой и необыкновенной гармоничностью. С храмов Петра Власта и его жены Марии начал свое существование в польской архитектуре романский стиль. В работе одного из польских исследователей есть метафора: «Романские храмы Петра Власта породила зрелая, прошедшая все испытания человеческая любовь».

Но судьбой не дано было Петру и Марии вместе встретить спокойную, тихую старость. Однажды Власт был приглашен королем Владиславом на охоту. Уставшие за день участники охоты расположились на отдых. Во время обильной трапезы в кругу магнатов и своих придворных королю вдруг захотелось пошутить над своим седым воспитателем.

— А что Петр, — спросил он, улыбаясь,— должно быть часто бывало в дни твоей молодости, когда ты ночевал в лесу на жесткой земле, а пани твоя — на мягких перинах нежилась с другими мужчинами! Ведь она была хороша собой.

— Может, когда и бывало такое, — невозмутимо ответил Власт, — но только уж теперь-то мне некого бояться. Пани моя давно немолода. А вот ты бы, король, лучше за своей пани смотрел. Ей лет вдвое

меньше, чем моей, и доводилось мне видеть, как она улыбалась коекому из твоих рыцарей.

После такого ответа настроение у Владислава сразу испортилось и он, свернув охоту, поспешил вернуться в замок. Заподозрив, что слова Власта были сказаны неспроста, король устроил королеве бурную сцену.

Итогом этой супружеской разборки стала жестокая расправа с магнатом, который посмел проявить такое непочтение к своему сюзерену, высмеяв его в глазах многих достойных мужей Польши. Седовласому рыцарю вырвали язык и затем его ослепили. Петру, Марии и их детям было запрещено появляться при дворе. Они затворились в одном из своих замков. Очень скоро, не вынеся позора, Мария умерла. Изувеченный Петр ненадолго пережил свою любимую. Без Марии смысл жизни для него был утрачен.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

О том, что иногда монашеский клобук бывает предпочтительнее брачного венца

Та ночь была грозовой. Раскаты грома заглуглушали все иные звуки, молнии беспрестанно полосовали небо. Потоки дождя невольно заставляли горожан, укрывшихся в своих домах, вспоминать о всемирном потопе.

Кто бы мог в такую непогоду оказаться у ворот Полоцкого женского монастыря? Вышедшая на стук монахиня-превратница долго вглядывалась в лицо нежданной посетительницы прежде чем отодвинуть тяжелый засов. Хрупкая девичья фигурка в тяжелом плаще последовала за престарелой инокиней. Через несколько минут гостья уже обнимала ноги игуменьи, почтенной вдовы князя Романа Всеславича.

— Зачем пришла в такое время, княжна Предслава? — в недоумении спрашивает мать-настоятельница у своей племянницы.

— Молить тебя, чтобы дозволила мне принять ангельское обличие, присоединиться к твоим инокиням. Спаси меня, святая мать, ибо уже приехали за мною сваты. Завтра будет поздно.

Со страхом и непониманием глядит пожилая игуменья на свою собеседницу, двенадцатилетнюю невесту, которая сбежала практически из-под венца...

После смерти Всеслава Чародея полоцкий престол занял его старший сын Борис-Рогволод. Младшие получили в управление иные города Полоцкого княжества: Минск, Друцк, Витебск. Одним из этих князей был Георгий-Святослав, отец Предславы. Маленькая княжна, разумная и хорошенькая, вместе со своей матерью Софьей подолгу гостила в Полоцке. Тут, по соседству с пышным Софийским собором, Преде лава училась книжной премудрости и любви к Богу. Тут она получила и первое признание своей красоты. В 11 лет облик ее был столь совершенен, что к ней начали свататься многие достойные и знатные люди.

Но юную Предславу не влекли земные радости. Она полагала, что чем выходить замуж за грешного человека, лучше посвятить себя Богу, как это сделали ее любимые героини, святые мученицы Евпраксия и Феврония.

«И женились, и выходили замуж, и княжили, но не вечно жили, — рассуждала княжна о женщинах из рода Всеслава Полоцкого, — жизнь их мимо протекала, и сгинула их слава, будто прах или

паутина. Зато женщины, которые взявши мужскую силу, пошли следом за своим женихом — Христом, духовным мечом отсекли от себя плотские радости, отдав тело свое на пост и бдение, и на коленные поклонения, и земельные лежания, — те памятны на земле, их имена написаны на небесах, и они там с ангелами Бога славят».

А в это время князь Георгий среди многих претендентов уже приглядел себе зятя.

Автор средневекового жизнеописания Предславы рассказывает об этом так: «...один из князей, наиболее славный княжением своим и богатством, послав к отцу ее, попросил выдать ее за сына своего. И когда исполнилось девушке двенадцать лет, стал говорить отец ее своей княгине: «Следует отдать уже за князя Предславу». Княгиня же ответила: «Пускай исполнится воля Божья и твоя, княже».

Был назначен день свадьбы, в Полоцк прибыл уже молодой и пригожий жених. И именно той летней ночью 1122 года княжна убежала в монастырь к своей гетке-игуменье. Та, как могла, пробовала отговорить племянницу от поспешного решения. Ей было жаль молодости и красоты Предславы. К тому ж настоятельница опасалась гнева князя Георгия. Но княжне удалось уверить тетку, что быть Христовой невестой — ее предназначение. Князь-отец появился в монастыре слишком поздно. Пострижение Предславы Георгий оплакивал так же, как оплакивал бы ее смерть. Переживал и жених полоцкой красавицы, долго и с печалью вспоминая о своей несостоявшейся свадьбе.

Но, видимо, ничто на свете этом не случается напрасно, ни то, свершения чего мы ждем радостно и с нетерпением, ни то, что в ужасе отгоняем от себя, не желая ни принимать, ни признавать. Судьба полоцкой княжны Предславы, получившей при пострижении имя Ефросинья, сложилась так, что еще при жизни своей прославилась она как великая просветительница Руси, мудрая женщина, достойная преклонения, святая книжница, а после смерти стала гордостью Полоцкой земли, святой ее заступницей и примером для многих поколений славянских женщин.

В первые же годы своей монашеской жизни Ефросинья «восприняла наиподвижнейший подвиг поста, и начала писать книги своими руками». Это была трудная и кропотливая работа. Юная княжна, поселившись в маленькой келье-голубнице Полоцкого Софийского собора, почти на одном уровне с колокольней, и днем и ночью созерцая окружающий суетный мир из окна ее с высоты птичьего полета и выходя из убежища своего лишь по крайней нужде, проводила долгие часы в переписывании толстых фолиантов, редких

книг византийских, болгарских, моравских: бесконечных пастырских поучений, житий святых подвижников, богословских трактатов. Переписанные книги такие были очень дороги, и купить их могли лишь самые богатые люди: кроме членов княжеской семьи бояре и немногие горожане, в основном из купеческой среды. Деньги, вырученные от продажи этих высокодуховных книг, Ефросинья раздавала бедным. И они, целуя руки доброй девочки-монахини, благословляли ее.

Однажды, задумавшись над нужностью, важностью и необходимостью летописания и с досадою отметив, что в Полоцке, богатом своими традициями и историей, летописи до сих пор никем не ведутся, Ефросинья решила принять на себя миссию летописца. Начатое ею дело в дальнейшем продолжили последовательницы княжны-просветительницы. Говорят, полоцкая летопись была уникальна уже потому, что в ней кроме скрупулезных описаний княжеских распрей и войн было много сведений об обстоятельствах мирной жизни Полоцкого княжества, о человеческих взаимоотношениях важнейших фигур истории Полоцка и содержались наравне с подробными биографиями князей, воевод и бояр сведения о не менее, оказывается, деятельных княгинях, боярынях, дворянках. Но в XVIII столетии ценная рукопись, хранимая в частной библиотеке, погибла во время пожара. Возможно, когда-то с нее были сделаны списки, и хотя бы один из них уцелел, осев глубоко в недрах какого-нибудь государственного или частного архива. Но пока таких данных, к сожалению, нет.

Девочка Ефросинья была натурой утонченной и восторженной. Став Христовой невестой и приобщившись к великому подвигу просветительства, она начала видеть странные сны, которые современниками ее были расценены как божественные видения. Однажды, например, во сне таком явился ей ангел, который посоветовал покинуть келью-голубницу и основать свой монастырь при церкви святого Спаса в Сельце, в окрестностях Полоцка. Епископ полоцкий Илья с энтузиазмом отнесся к намерению княжны-монахини и дал ей дозволение на строительство новой обители. Ночью в сопровождении всего лишь одной черницы, искренне преданной Ефросинье служанки, принявшей постриг вскоре после княжны, Ефросинья пешком отправилась в Сельцо. Из вещей с нею было лишь самое необходимое. А таковым девочка считала книги — пищу для алчущей знаний души. Ночь была беззвездная и безлунная — такую выбрала Ефросинья, чтобы скрыть свой уход от заботливых родных и близких, которые не преминули бы устроить ей пышные, княжеские,

совсем не подобающие скромной монахине проводы. Тем не менее, дорога была ясно и четко видна путницам. Они не заблудились и ни разу не свернули с пути. Современники с благоговением утверждают, что сама княжна Ефросинья с ее добрым, горящим любовью к людям сердцем, с ее стремлением к знаниям была «аки луча солнечная». Могла ли она сбиться с пути?

Монастырь в Сельце был построен быстро, и многие молодые пол очанки, сокрушенные жизненными обстоятельствами и разочарованные, стремящиеся к независимости и знаниям, просто те, кого родня их, не понимая высоких духовных устремлений, считала «не от мира сего», пришли к Ефросинье за утешением и с просьбами о пострижении.

Не всех принимала в свой монастырь Ефросинья. Говорят, ей был дан свыше дар предвиденья, и, побеседовав с девушкой всего лишь раз, могла княжна уже определить, является ли действительно ее предназначением монашество. Иные уходили из Сельца, рыдая и сокрушаясь, потому что юная настоятельница прогоняла их «в мир». Но они же нередко спустя всего несколько месяцев приходили уже к Ефросинье со словами искренней благодарности и, сияющие, приводили к княжне-монахине своих суженых, женихов и мужей, доказавших им на деле, что лучшая судьба для них — семья, супружество.

А вот сестер своих, родную Гордиславу и двоюродную Звениславу, Ефросинья безоговорочно постригла в монахини. Чувствуя, что робкая Гордислава, хотя и имеет склонности к наукам, хотя и тянется больше всего к книгам и Божественным знаниям, хотя и завидует доле Ефросиньиной, но не найдет в себе силы отказать родителям, желающим хотя бы ее выдать замуж, юная настоятельница Спасского монастыря упросила отца и мать разрешить Гордиславе приехать к ней в гости. И во время этого визита уговорила сестру не противиться уготованной ей Небесами доле и стать Христовой невестой.

Князь Георгий долго не мог простить Ефросинье ее поступка, но Гордислава, принявшая монашеское имя Евдокия, была отныне счастлива.

Звенислава, красивая дочь князя Бориса Всеславича, пришла в монастырь по собственному решению и безо всяких уговоров. Но и причина тут была иной.

В 1127 году на Полоцкое княжество повел свои войска Великий князь Киевский Мстислав, сын Владимира Мономаха. Ему удалось сделать то, чего в свое время не смогли его предшественники на киевском престоле — а именно поодиночке захватить и покорить все города Полоцкой земли. Князей полоцкой династии он решил сослать

в Византию. Остаться на родине имели право лишь те из них, кто примет постриг. Звенислава предпочла чужбине монашество. С печалью душевной возложила Ефросинья на голову гордой княжны черный клобук. Но пожалеть о содеянном, к счастью, не пришлось ни настоятельнице, ни Звениславе, которая, увлеченная идеями духовного просветительства, стала первой помощницей и последовательницей Ефросиньи.

Кроме трех сестер-монахинь в Сельце изо всей семьи остались на родине еще лишь две женщины, настоятельница Полоцкого монастыря Романова и княгиня Софья, мать Ефросиньи, которая, номинально став черницей, продолжала жить в своем тереме в Полоцке и даже хранила у себя державную печать полоцких князей, по образцу которой заказала мастеру сделать свою именную, а также другую, с именем дочери Ефросиньи. Печати эти мать и дочь использовали при переписке со своими родными в Византии и с князьями других земель, что дало позднее исследователям право говорить о возможном участии Софьи и Ефросиньи в управлении Полоцком. Это поспособствовало возникновению исторического термина «Полоцкий матриархат», который должен был бы означать, что Полоцк в это время управлялся женщинами. Но это было не так. Ибо по воле Мстислава в Полоцк был прислан княжить сын Великого князя Киевского, Изяслав. Занимаясь больше делами управления княжеством, новый князь сквозь пальцы смотрел на нахождение подле себя печальных монахинь из рода Всеслава Чародея. Это давало возможность Ефросинье не прозябать в своей обители, думая каждый день лишь о куске хлеба насущного, но развернуть активную деятельность, направленную на просвещение соотечественников.

Переписки и распространения книг одержимой княжне казалось уже недостаточно. По примеру киевской княжны Иоанны-Янки она организовала при монастыре своем школу для девочек-горожанок. Благодаря Ефросинье десятки святых сестер и братьев были привлечены к благородному делу спасения редких рукописей, которые разыскивались через связи с другими монастырями, в библиотеках и переписывались в Полоцке.

Когда вынужденная ссылка полоцких князей закончилась, изгнанники, вернувшиеся на родину, нашли монастырь Ефросиньи «украшенным и полным всяческих благ». Он превратился в крупный центр культуры и науки. Центр, в котором,женщина выглядела равной мужчине во всем том, что позволяет утверждать, будто человек был создан по образу и подобию Божьему.

При новом князе, своем двоюродном брате Рогволоде Борисовиче, Ефросинья содействовала основанию в Полоцке мужского монастыря, при котором открылисьшколы для мальчиков-горожан. Впрочем, это славное деяние принесло княжне в дальнейшем немало разочарований. Игуменом нового монастыря стал монах Дионисий. Он очень скоро приобрел большой авторитет у князя и превратился в его первого советчика, а позднее стал и епископом Полоцким. Так вот в лице этого самого Дионисия Ефросинья неожиданно получила серьезного идейного противника. Ей приходилось сталкиваться с ним по самым разным вопросам морали и политики. Ибо «не хотела она видеть, чтобы кто-нибудь враждовал: ни князь с князем, ни боярин с боярином, ни из простых кто со своим товарищем, но всех желала видеть единодушными».

Максималист в вопросах религии, Дионисий более всего не сходился мнением с Ефросиньей в вопросах распространения христианства. Там, где настоятельница Спасского монастыря считала нужным на личном примере или путем убеждения склонять людей к признанию преимуществ христианского образа жизни, морали, ценностей, Дионисий непоколебимо считал, что следует добиваться победы христианства над язычеством, которое было еще очень сильно в народе, любыми методами и даже «огнем и мечом». Такое отношение к людям могло привести и к вспышке мятежа, и к войне, и к низложению черныю князя. И в любом случае вело к обилию крови. С большим трудом удалось хрупкой женщине Ефросинье переубедить князя Рогволода Борисовича, набожного, как и его отец, отказаться от насаждения идей миролюбивого, зовущего к человечности и всепрощению Христа , силой оружия. Князь ограничился лишь несколькими экспедициями, во время которых его люди нашли около двух десятков «священных камней», которым поклонялись язычники, и выбили на них христианские символы. В этом Рогволод выступил последователем своего отца, который тоже однажды «освятил крестом» ряд языческих святынь.

В 1150 году переступившая уже сорокалетний рубеж жизни Ефросинья духовно подготовила себя для самого, наверное, значительного из своих деяний — возведения величественной Спасской церкви в Полоцке и церкви Пресвятой Богородицы при опекаемом ею мужском монастыре. Для строительства первого княжна пригласила выдающегося зодчего-монаха Иоанна, которого, как и ее саму, неотступно преследовали Божественные видения. Для церкви Богородицы выписала святыню из самой Византии, где полоцкие князья, находясь в изгнании, заимели родственные связи, — икону

Богородицы Одигитрии, которую по преданию писал сам евангелист Лука.

Лука, собирая исторические сведения о жизни и деятельности Христа от его последователей и учеников, говорят, видел живой его печальную мать, Деву Марию, и успел бегло запечатлеть во время недолгой беседы ее истинные черты углем на доске. Потом, находясь в состоянии Божественного вдохновения и восторга, этот эрудит древнего мира — историк, врач, философ — стал создателем четырех икон Богородицы, вдвойне святых от того, что были писаны они с живой матери Христа.

Вот одну из этих редкостных святынь и получил Полоцк стараниями Ефросиньи. Вместе с иконой Одигитрии из Византии в Полоцк прибыли также мощи многих святых, а еще кусочек древесины, отщепившийся некогда от креста, на котором был распят Иисус Христос. Эти святыни, решила Ефросинья, следует хранить вместе в одном ковчеге, который находился бы в храме у алтаря. Княжне увиделось, что ковчег этот должен иметь форму большого, богато изукрашенного креста. Изготовление этого креста Ефросинья поручила лучшему из полоцких ювелиров, Лазарю Богше. Из рук этого мастера вышел настоящий шедевр ювелирного искусства, который стал новой святыней и символом духовности Полоцка.

Украсив полоцкую землю «храмами аки цветами», в 1173 году немолодая и больная уже Ефросинья, задумавшись о том, что для истинной Христовой невесты нет кончины более благой, чем у гроба своего небесного жениха, решает совершить далекий путь в Иерусалим, в котором сопровождать ее взялись двоюродная сестра и родной брат, Звенислава и Давыд.

Путешествие полоцкой просветительницы, добрая слава о которой уже гремела по всей Европе, было похоже на триумфальное шествие царицы. Во всех городах и странах ее встречали с цветами и улыбками, а провожали со слезами и добрыми напутствиями. Европейцы, приученные своей историей к недоверию и скептицизму, даже не сомневались, что видят перед собою настоящую святую, и умоляли ее о благословении.

В самом Иерусалиме княжна-монахиня пробыла недолго. Она сразу же поспешила к главной святыне этого города — Гробу Господню и долго лежала перед ним, целуя прах. Еще через день Ефросинья почувствовала себя плохо и, предугадав близкую кончину, просила своих спутников найти возможность похоронить ее в святом граде...

Звенислава и Давыд вернулись в Полоцк без Ефросиньи. Однако они привезли на родину просветительницы ее благословение и последние слова, наполненные любовью и заботой ко всему живому.

Узнав о том, как закончила свой земной путь женщина, деяниями которой так восхищались ее современники, христианская церковь тут же канонизировала ее как святую. Причем автономно друг от друга это сделали и Византия, и Рим, уже разделенные окончательно, уже враждующие. Так и смертью своей княжна Ефросинья Полоцкая призвала людей к любви и единению. С тех далеких времен и до наших дней святая Ефросинья — главная небесная заступница Белой Руси, первая в пантеоне наших святых.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

О том, как княжна просила своего отца отправить ее в изгнание

В 1127 году сын и преемник киевского князя Владимира Мономаха Мстислав, обратив взор на по-прежнему независимое княжество Полоцкое и его смелых, ничего не боящихся князей, стал замышлять грандиозный военный поход. Поводом послужил ряд мелких вооруженных стычек между удельными князьями Киевской державы и потомками Всеслава Чародея, в которых, кстати говоря, обе стороны были виновны абсолютно в одинаковой мере. Первоначально в планы Мстислава входило дать несколько сражений полоцкой родне, доказать ей свою силу и превосходство и заставить уважительно относиться к Киеву. Привлекая для похода на Полоцк своих сыновей, братьев, племянников и зятьев, киевский князь вспомнил, что один из Всеславовых внуков, Брячислав Борисович, женат на его дочери Ксении. Брячислав княжил в Изяславле, городе ссылки и монашества гордой Рогнеды. Отец его, князь Борис-Рогволод, старший из сыновей Чародея, некоторое время был полоцким князем, но потом недовольные излишней его мягкостью полочане прогнали его, пригласив к себе в правители второго сына Всеслава, Давыда. Это обстоятельство казалось Мстиславу Киевскому достаточным, чтобы Брячислав выступил в походе вместе с ним. Но к удивлению тестя, зять наотрез отказался. Оказывается, среди понятий, священных для молодого князя Изяславля, была независимость и свобода Полоцка.

Уязвленный Мстислав решил, что первый удар будет им нанесен по владениям непослушного зятя. Итак, по воле Мстислава маленький город Изяславль обступило со всех сторон огромное объединенное войско князей Андрея Владимирского, Вячеслава Туровского, Изяслава Курского, Ростислава Смоленского, Всеволода Гродненского и Вячеслава Клецкого. Нападение было внезапным. Брячислав оказался один на один с противником, во много раз сильнейшим, чем он. Сражаться в этих условиях было безумством. Князь посоветовался с изяславльскими боярами, и те предложили ему тайно покинуть город, чтобы потом, запросив военной помощи у отца и братьев, Рогволода-Василия и Ивана, вернуться. Горожане же тем временем постараются добиться от осаждающих клятвенного обещания, что Изяславль не будет предан разграблению, и откроют ворота.

Через тайный подземный ход Брячислав выбрался за пределы города, но был вскоре схвачен одним из сыновей Мстислава, Изяславом. Зная, что это — муж его сестры, тот не унизил своего пленника, но постарался, чтобы Брячислав был полностью лишен возможности бежать. И так несчастный князь, не сумевший предупредить своих родных о нападении, стал свидетелем падения своего Изяславля. Поверив обещаниям вероломного союзника Мстислава, Вячеслава Туровского, бояре открыли врагам ворота. А те тут же кинулись по подворьям грабить горожан. Погибло много невинных людей. В опасности оказалась даже жизнь княгини Ксении, которую буквально вырвали из рук озверевших своих воинов ее братья. Вместе с Брячиславом Ксению отправили в Киев к отцу.

Мстислав раскрыл для «несчастной дочери» объятия, но княгиня внезапно оттолкнула от себя родителя. Свидетельница убийств и надругательств Мстиславовых воинов в ее Изяславле, Ксения не хотела прощать киевского князя. С негодованием она отвергла предложение отца избавить ее от «недостойного» Брячислава ради счастья с другим мужем, который будет более угоден и послушен Киеву. Опасаясь за жизнь супруга, Ксения требовала не разлучать ее с ним ни на минуту, даже в темнице.

Находясь в заточении, зять и дочь киевского князя узнали о том, что Полоцк тоже сдался Мстиславу. По требованию победителя полочане изгнали своего князя Давыда и вновь приняли Бориса. Удерживая Брячислава в Киеве, Мстислав, видимо, полагал, что Борис ради сохранения жизни сыну станет послушным правителем в его руках. И действительно, престарелый полоцкий князь лишь плакал и молился о Брячиславе. В конце концов сердце отца не выдержало, и он умер, а законно пришедший в Полоцке к власти его младший брат, отец Ефросиньи Полоцкой, Георгий, сразу же проявил непокорность по отношению к Киеву.

Собираясь в очередной поход на половцев, Мстислав прислал в Полоцк распоряжение выслать ему на подмогу свою дружину. Георгий проигнорировал приказ человека, которого не считал своим государем.

Это стало поводом для нового нападения Мстислава на Полоцк. Полоцкие князья были разбиты и пленены. Их доставили в Киев, трех престарелых сыновей Всеслава Чародея: Георгия-Святослава, Давыда и Ростислава, а также двух родных братьев Брячислава Борисовича: Рогволода-Василия и Ивана. Желая раз и навсегда покончить с опасными соперниками, но не желая при этом прослыть Каином-братоубийцей, Мстислав долго колебался перед принятием решения.

Наконец, он придумал выход, прямо скажем, нетрадиционный. Списался с византийским базилевсом Иоанном II Комниным и предложил ему плененных князей в качестве воевод. Если потомков Всеслава Чародея вооружить, дать под командование небольшие отряды византийских воинов и направить против сарацин, их боевое мастерство принесет немалую пользу Царьграду.

Поразмыслив, Иоанн принял предложение. Во-первых, сарацины и в самом деле своими дерзкими нападениями вконец извели его. Во-вторых, базилевсу не хотелось отказом портить взаимоотношения с таким близким родичем, как киевский князь, ведь два царевича, родной и двоюродный братья Комнина, были уже женаты на русских княжнах, дочери и племяннице Мстислава Киевского.

И вот весной 1129 года пленные полоцкие князья со своими женами и детьми были посажены в три ладьи и отправлены в Царьград. Узнав о решении сослать вместе с иными и ее Брячислава, Ксения умолила отца позволить ей не разлучаться с супругом и в изгнании. Тогда Мстислав отрекся от дочери. Впрочем, верную Ксению это не расстроило. Она была искренне счастлива, находясь рядом с любимым человеком, и весь долгий путь до Царьграда пыталась утешить и подбодрить Брячислава.

Вопреки самым мрачным предчувствиям, полоцких изгнанников очень хорошо приняли в Византии, предоставили достойное князей жилище, жены Всеславичей разговаривали на равных с самыми знатными византийками. Иоанн Комнин возвеличил по заслугам и приблизил к себе униженных в Киеве князей. Не рабским трудом, а долгом вежливых гостей перед сердечным хозяином было служение потомков Чародея византийскому базилевсу. Но чужбина оставалась чужбиной. И один за другим умирали вдалеке от родины благородные изгнанники.

Всего три года спустя, после смерти своего гонителя Мстислава Киевского, полоцкие князья получили возможность вернуться на родину. Но из тех, кто взрослыми людьми покинул когда-то родной Полоцк, в живых остался лишь князь Рогволод-Василий. В чужой земле похоронен и Брячислав со своей верной Ксенией. Обстоятельства их смерти неизвестны.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, как византийский царевич женился на колдунье

Когда в один из знойных дней лета 1129 года в царьградский порт прибыли три расписных славянских ладьи, толпы любопытствующих ромеев сбежались поглазеть на невиданное зрелище. Из уст в уста передавали дивную весть — на ладьях этих приплыли пять полоцких князей со всеми своими домочадцами, которых Великий князь Киевский, осерчав, отправил в Византию в ссылку. Странный князь! Ужели Византия, их цветущая страна, похожа на некий суровый край, куда можно ссылать непослушных вассалов в наказание? Скорее, такая ссылка будет похожа на вознаграждение, тем более, что князья проведут тут время не в оковах, не на положении бесправных рабов, а как гости самого базилевса! Еще более удивили царьградцев слезы на глазах сходящих на сушу князей. Особенно убивалась статная высокая женщина в темном безрадостном одеянии, которую вели под руки двое пожилых мужчин, как выяснилось, ее братья.

Эта женщина, воплощение отчаяния и скорби, сразу же привлекла к себе внимание царевича Алексия Комнина, старшего из племянников базилевса, который вместе с другими членами правящей семьи в тот день вышел встречать знатных изгнанников. Не скрывающая своих слез чужеземка показалась ему похожей на некую языческую богиню, таинственную и прекрасную. Статуи таких богинь нередко доводилось созерцать Алексию Комнину на руинах заброшенных храмов во время своих далеких путешествий. Царевич подолгу рассматривал эти произведения неизвестных мастеров, восторгался ими. Теперь же он видел перед собою словно ожившую статую. И, сам не понимая, зачем он это делает, Алексий вышел навстречу прекрасному видению и подал плачущей женщине руку. Она подняла голову, ее серые, как затуманенное небо, глаза остановились на мужественном лице византийца, и последние слезинки испуганно испарились с ее щек, согретые жарким солнцем страны ромеев и теплым взглядом молодого мужчины...

Она родилась в последние годы жизни своего прославленного отца, Всеслава Чародея, и в крещении получила такое же имя, как у самого главного полоцкого храма — София, что в переводе с греческого означает «мудрость». Мы почти ничего не знаем о детстве и юности Софьи Всеславны, кроме того, что живо интересовалась она всеми возможными способами и методами лечения болезней человека.

Собирая в лесах под наблюдением опытных травников лекарственные растения и приготовляя из них настои, отвары, порошки и мази, жадно прочитывала княжна также медицинские работы великих врачевателей древности, которые стараниями монахинь Ефросиньи попадали в Полоцк и тут же тщательно переписывались. Видимо, не гнушалась Софья перенимать опыт и знания у целителей-волхвов, которые при случае охотно пользовали простой люд, тайно приходящий на языческие капища поклоняться богам предков. И так же щедро, как ее племянница Ефросинья делилась с богатыми полочанами книжными знаниями, а с бедными — деньгами, княжна Софья лечила своих земляков, как нельзя лучше оправдывая этим свое прежнее, языческое имя Добродея.

В год высылки полоцких князей в Византию Софье-Добродее было почти тридцать лет. И оставила она на родине многое: свое детство и юность, свою первую любовь, свои мечты и воспоминания, любимое дело...

Но в Византии ожидало ее то, на что она никогда не надеялась. Дочь Всеслава Чародея так приглянулась племяннику императора, что он решительно предложил ей стать его венчаной женой. Алексий Комнин был на четыре года моложе Софьи Всеславны. Но рядом с ним, рослым, мужественным, сильным, умным, она чувствовала себя юной и неопытной девушкой. Софья открыла нежданному жениху таинственный мир своих увлечений. И он был в восторге от того, что его «языческая богиня» оказалась к тому же богиней врачевания — всесильной Панацеей. Он обещал, что не только не будет препятствовать заниматься медициной, но и специально оборудует помещение, где будет она принимать и лечить своих больных.

Влюбленные были обвенчаны в главном царьградском соборе всего через месяц после прибытия в Византию полоцких изгнанников. С точки зрения ромеев, Всеславне была оказана наивеличайшая честь. Она, отвергнутая, насильственно лишенная родины, стала женой того, кто после смерти бездетного Иоанна Комнина должен был занять его престол.

Имя, более всего подходящее для будущей базилиссы — Зоя, что значит «жизнь», ведь ей предстоит исполнить свой долг перед страной и дать жизнь наследнику императорской власти. И красивое имя Софья превратилось в Царьграде в похожее по звучанию, но совсем иное по значению — Зоя. Ах, не все ли равно, как называют тебя окружающие, когда в сердце твоем цветет весна! С каждым днем все более и более сильной становилась внезапно вспыхнувшая в царьградском порту любовь византийского царевича и Всеславны.

Первым плодом этой любви стала хорошенькая здоровая девочка, маленькая царевна. Вторым, поклялась себе Софья, непременно будет сын, наследник.

Вспомнив все, что удалось ей постичь за свои почти тридцать лет из рассказов народных лекарей и медицинских книг, она пыталась вычислить по положению небесных светил самое лучшее время для зачатия сына и деятельно занялась составлением специальных гастрономических рецептов, которые должны были бы поспособствовать рождению у них с Алексием именно мальчика.

Увы, судьба иной раз оказывается непонятно жестокой к людям. Внезапно заболел и умер Алексий Комнин. И короткое счастье Всеславны окончилось. Она навсегда облачилась в траур. Люди, которые знали ее, удивлялись, почему Софья Всеславна не стрижется в монахини, ведь образ жизни, который вела теперь безутешная вдова, мало чем отличался от монашеского. Но дочь Чародея знала, что в случае пострижения ей придется распроститься с последней радостью, которая еще оставалась у нее — радостью исцеления людей. Лишившись семейного счастья, Всеславна с головой окунулась в дело врачевания, присоединяя к своим великим уже знаниям также опыт ромейских лекарей, с которыми она имела возможность познакомиться в Царьграде. Впрочем, последние с опаской относились к медицинским опытам Софьи, ибо это много в чем противоречило их практике.

Огромный успех своей новой конкурентки они объясняли «манией к колдовству и знахарству», которую, будто бы, получила Софья в наследство от своих предков. С недоверием и даже страхом отнеслись в Византии и к появлению медицинского трактата «Мази», написанного Софьей-Добродеей. А это, тем не менее, была выдающаяся для того времени работа. Достаточно уже сказать, что это был первый в Европе медицинский трактат, написанный женщиной. В нем было использовано учение известного в те времена врача Феофракта и достижения древнерусской народной медицины.

Состоял трактат из пяти частей, в которых рассматривались вопросы общей гигиены, имелись краткие сведения о микропедиатрии, дерматологии, внутренних заболеваниях, диетологии. Также в книге было положено начало учению о темпераментах (впервые разграничены четыре основных их типа: холерический, сангвический, флегматический и меланхолический), которое позднее приобрело большую популярность в средневековой Европе. Большая же часть трактата была посвящена гигиене брака, беременности, акушерству и уходу за новорожденными. Приводились в книге и рецепты мазей, и методика

массажа при лечении ряда болезней, в том числе при зубной, сердечной и желудочной болях.

В ужасе от того, как много вдова царевича Алексия пишет такого, о чем они и понятия не имеют, ученые мужи Византии назвали ее колдуньей.

Когда однажды Всеславна тяжело заболела, все медики Царьграда отказались помочь «чародейке». Едва не теряя сознание, сотрясаемая жестокими приступами лихорадки, Софья вынуждена была сама лечить себя. И, конечно, в таком состоянии ей не удалось выиграть битвы со смертью.

Священники-ромеи попытались было очернить ее имя, объявив, что колдунья заслуженно наказана за свои деяния Богом. Но люди, которые помнили с каким самоотвержением Софья-Добродея боролась за их жизнь и здоровье, не поверили злым поклепам. Похоронив Всеславну рядом с горячо любимым мужем, они превратили ее могилу в место паломничества и поклонения. Благодаря бывшим пациентам дочери Чародея, сохранился до наших дней и трактат « Мази», который и сегодня не утратил своего значения, им пользуются в своей практике медики разных стран.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

О том, как мачеха приняла на себя грех падчерицы

Великий князь Киевский Мстислав, который печально прославился тем, что в 1129 году сослал в Византию всех представителей полоцкого княжеского рода, очень скоро в полной мере почувствовал, что ни одно недоброе деяние не остается безнаказанным. Удар судьбы пришелся по самому святому, по его семье.

Российский историк XVIII столетия В. Н. Татищев, один из немногих, кому посчастливилось держать в руках Полоцкую летопись, пересказывает удивительную историю, взятую, видимо, из нее, поскольку в иных летописных источниках она не приводится. Вот о чем этот рассказ.

В 1131 году, возвратившись в Киев после очередного похода — на этот раз на Литву — Мстислав был поставлен в известность одним из «доброжелателей», неким евнухом, живущем при княжеском дворе, что его молодая супруга княгиня Любава ему неверна. И изменяет, подлая, даже не с человеком благородной крови, воеводой или боярином, а со смердом, волею судьбы возвышенным некогда самим Мстиславом до положения княжеского тиуна (судьи) — Прохором Васильевичем.

— Княже, — сказал евнух, — ты вот земли чужие воюешь и неприятелей всюду побеждаешь, когда же в доме своем находишься, то все в суде пребываешь и о благополучии государства печешься, а иногда с приятелями твоими, веселясь, время препровождаешь, но не ведаешь, что у княгини твоей делается. А Прохор Васильевич часто с княгинею наедине бывает; если ныне пойдешь, то можешь сам увидеть, яко правду тебе доношу.

Удивительно, но, выслушав все это, Мстислав лишь усмехнулся и подобно некоему античному философу ответствовал:

— О раб, не помнишь ли, как княгиня Кристина, первая моя жена, меня любила? И жили мы с нею в совершенной любви. И хотя я тогда как молодой человек не скупо чужих жен посещал, но она, ведая то, немало не оскорблялась, и тем еще более меня к своей любви и почтению обязывала. Ныне же я состарился, и многие труды и попечения о государстве мне уже о том думать не позволяют, а княгиня как человек молодой хочет веселиться и может при том учинить что и непристойное. Мне устеречь уже неудобно, но довольно того, когда о том никто не ведает и не говорит, и тебе лучше молчать,

если не хочешь безумным казаться. И впредь никому о том не говори, чтоб княгиня не уведала и тебя не погубила.

Многие последователи Татищева сомневались в истинности этой истории, ибо, действительно, и странно, и неестественно выглядит в контексте строгих семейных законов Древней Руси то, что Великий князь Киевский мог бы не только оставить безнаказанным, но и оправдать столь грязное распутство матери своих детей. Подобный диалог правителя и его слуги мог бы состояться в действительности лишь в том случае, если бы Великий князь во-первых, точно знал, что его княгиня невиновна (именно потому он был так спокоен и не спешил казнить либо постричь в монахини распутницу), и во-вторых, сам принимал участие в инсценировке мнимой измены супруги, распространить слухи о которой по какой-то причине ему стало необходимо.

Но в какой же ситуации могла возникнуть такая необходимость? Житейский опыт подсказывает, что пожертвовать добрым именем жены мужчина может лишь тогда, когда нужно спасти честь дочери. Истина раскрылась, превращая фарс с распутной женой и смирившимся мужем-рогоносцем в настоящую семейную драму.

Мстислав Киевский был отцом пяти сыновей и восьми дочерей. Из них три сына и семь дочерей были рождены первой его супругой, шведской королевной Кристиной, которая умерла в 1121 году. Не желая и не умея жить в одиночестве, сразу же по окончании срока траура Мстислав повел к алтарю другую женщину, ровесницу своих дочерей, боярышню Любаву, которая пленила его своей яркой красотой, живым умом и добротой.

Любава была дочерью новгородского посадника Дмитрия, сына полоцкого боярина Давыда. Неизвестно, по каким причинам этот самый Давыд покинул родину и обосновался в Новгороде, можно лишь предполагать, что стал он в Полоцке безвинной жертвой завистников, ибо новгородцы называли беглого боярина не иначе, как Завид. И сам Давыд-Завид, а еще более его сын Дмитрий, языческое имя которого звучало так, будто бы был он сыном самого князя — Владислав, оказались людьми смышлеными и инициативными. Они быстро привлекли к себе внимание Владимира Мономаха, который, испытав их преданность, назначил Дмитрия Завидича новгородским посадником. Кроме Любавы у Дмитрия был еще один сын, названный в честь деда Давыдом и сменивший позднее отца на должности посадника.

Семья не могла нарадоваться неожиданному возвышению Любавы и, дорожа своей честной репутацией, строго наставляла

новоиспеченную Великую княгиню Киевскую «оберегать добро и честь» мужа.

Но судьбою было предрешено, чтобы Любава в глазах своих современников превратилась в легкомысленную особу, не дорожащую добрым именем государя, поднявшего ее столь высоко. И произошло это в самый год отправки полоцких князей в византийскую ссылку. Неожиданно для себя Любава обнаружила, что ее юную падчерицу Ефросинью, самую младшую и по тому времени единственную незамужнюю из дочерей Мстислава, тайно посещает красивый тиун Прохор Васильевич. Постыдность связи была налицо. Опасаясь, что свидетелями падения княжны могли бы стать иные, не столь доброжелательные к девушке люди, Любава не замедлила сообщить открытое мужу. Мстислав пришел в ужас. Ефросинья была просватана за венгерского короля Гезу I, вот-вот за невестой должно было явиться посольство. А что, как сватам станет все известно? Ведь не забыто еще то, что произошло шестнадцать лет назад, когда венгерский король Коломан с позором выгнал из страны свою беременную жену, Мстиславову сестру Евфимию, объявив, что она изменяла ему. А в 1119 году старшую сестру Ефросиньи, Евдокию, постигла та же участь — от нее отказался ее супруг, владимиро-волынский князь Ярослав. Тогда Владимир Мономах и Мстислав наказали обидчика своей внучки и дочери, пошли на него войной, разбили и заставили искать спасения в Польше. Но бедной брошенной Евдокии, к которой прицепилась кличка «волочайка», что значит «потаскушка», пришлось постричься в монахини. Неужели доведется еще раз пережить подобный позор из-за Ефросиньи?

До этого времени Мстиславу удавалось объяснить несчастья сестры и дочери Евдокии политическими интригами зятьев. Но ежели постыдно будет отвергнута своим женихом и Ефросинья, никто уже более не пожелает слушать оправданий и заверений киевского государя. И быть может, усомнятся в порядочности и остальных его дочерей их мужья? И вышлют тогда возмущенные византийцы от себя княжну Евпраксию Мстиславну, норвежцы — Малфриду Мстиславну, датчане — Ингеборгу Мстиславну. И даже родич, князь Всеволод Ольгович, сын черниговского князя, прогонит от себя Агафью Мстиславну...

Надо было срочно что-то предпринимать. Прикинув, что в княжеском тереме живут лишь две женщины, княжна Ефросинья и княгиня Любава, Мстислав не нашел ничего иного, как попытаться переубедить тех, кто, возможно, наблюдал, как Прохор Васильевич, крадучись, пробирается на женскую половину, что посещает он отнюдь не

невесту венгерского короля, честную девушку Ефросинью, но страдающую от невнимания стареющего мужа Любаву. Добрая княгиня согласилась принять на себя удар и играла свою роль так хорошо, что у досужих сплетников не оставалось и тени сомнения в ее неверности.

Тем временем, за княжной приехали венгерские сваты, и Мстислав поспешил отправить ее в далекий путь. И только после того, как из Венгрии пришло успокоившее его письмо дочери, заверившей, что ее брак состоялся, и принята она была мужем доброжелательно и снисходительно, Великий князь Киевский расправился с оскорбителем Прохором. Он отдал дерзкого тиуна под суд, обвинив во взяточничестве и грабежах. И осудив, отправил из Киева в Полоцк, где возмущенные полочане посадили соблазнителя их землячки княгини Любавы в темницу, где и уморили голодом.

Переживания тем не менее настолько подорвали здоровье Мстислава, что он разболелся и умер 14 апреля 1132 года. Было ему в то время 56 лет.

Поняв, что репутацию ее как честной вдовы восстановить уже невозможно, двадцатишестилетняя Любава Дмитриевна не стала подвергать себя ни монашеским аскезам, ни затворничеству в пределах вдовьего удела, но разрешила себе жить так, как подсказывала ей ее природа, благо это не бросало тени на доброе имя ее детей, рожденных до скандальной истории с тиуном Прохором: первенца Ростислава и близнецов Владимира и Рогнеды. В их происхождении никто не смел усомниться.

Из Киева Любава с интересом продолжала наблюдать за опорочившей ее репутацию Ефросиньей Мстиславной, которая оказалась личностью незаурядной. Став королевой венгров и подарив мужу своему двух сыновей, Бэлу и Иштвана, она стремилась управлять державой наравне с королем. Кокетничая с могущественными государями Запада, увлекая их своим умом и женским обаянием, она умело превращала их в надежных союзников Венгрии. Людовик VII Французский, Владислав II Чешский были буквально околдованы Ефросиньей. И первый стал крестным отцом ее младшего сына, а второй — верным другом.

В 1155 году, уже зрелая женщина, Ефросинья пригласила почти пятидесятилетнюю свою мачеху к себе в гости. Королева Венгрии принимала вдовую киевскую княгиню так, как будто та была ее родной матерью, благодаря за то добро, которое Любава Дмитриевна сделала ей. А король Геза II, который, конечно же, так и пребывал в неведении относительно тайны своей супруги, видя любовь Ефросиньи к мачехе, проникся глубоким уважением к Мстиславовой

вдове и, провожая ее, «дал много имения». Впрочем, внимательный взгляд Любавы не мог не заметить уже намечающегося в венгерской королевской семье рокового разлада, который во многом подготавливался кипучей деятельностью ее падчерицы, не желающей оставаться просто женой и матерью. И действительно, Венгрию ожидали события драматические.

После смерти короля Ефросинья Мстиславна пожелала короновать непременно своего любимца, младшего сына Иштвана. Обиженный старший, Бэла, призвал на помощь византийцев, и сумел добиться восстановления своих законных прав. Мать и брат Иштван бежали в Австрию, откуда продолжали некоторое время борьбу с Бэлой.

В 1186 году Бэле удалось захватить свою мать и заточить ее в крепость Браничев, откуда вскоре была Ефросинья Мстиславна препровождена в один из греческих монастырей. Там бывшая королева Венгрии находилась до самой своей смерти.

Но дожить до этого доброй ее мачехе не довелось. Любава Дмитриевна скончалась в 1168 году в Чернигове, изгнанная туда из Киева очередным Великим князем, Мстиславом Изяславичем, которого отказались признать своим государем сын Любавы Владимир и ее внуки, Ростиславичи.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

О том, как полоцкий князь спасал русскую землю от погибели

Как только далекой Византии достигла весть о смерти Великого князя Киевского Мстислава, полоцкие изгнанники засобирались в дорогу. Более всех спешил оставить чужбину сын Бориса-Рогволода, Рогволод-Василий. Царьградская ссылка отняла у него супругу, которая зачахла в одночасье, разлучившись со всем, что было ей мило и дорого. И теперь печальный вдовец торопился вернуть в Полоцк хотя бы малолетних своих детей, Всеслава, Володшу и Марию.

Вместе со старшим братом собрался в путь также князь Иван Борисович, но он был уже болен и, не перенеся трудностей пути, скончался, едва родной берег замаячил вдали.

Похоронив князя Ивана, Рогволод Борисович задумался о будущем, которое отнюдь не обещало быть радужным, ибо в Полоцке, как казалось ему, никто уже его с детьми не ждал. Полоцкий престол был занят. Посаженного тут княжить Мстиславом его старшего сына Изяслава теперь сменил младший, Святополк.

Но к счастью для себя, Рогволод Борисович ошибся. Едва только полочане узнали о его возвращении, как тут же поспешили лишить престола Мстиславича и радостно приняли изгнанника в город его отца. Понимая, что в одиночестве ему трудно будет противостоять многочисленной родне покойного Мстислава, Рогволод-Василий сделал все возможное для того, чтобы Византия поскорее отпустила и остальных представителей династии Всеслава Чародея. Но старые князья, его дядья Давыд, Георгий и Ростислав, так же как и его старший брат Брячислав, к тому времени навсегда закрыли свои глаза. Умерли и погибли на чужбине также сыновья Давыда и Ростислава. И только юные племянники Рогволода-Василия, дети Георгия Вячеслав и Давыд, а также три повзрослевших сына Глеба Минского, Ростислав, Володарь и Изяслав, откликнулись на призыв дяди. Рогволод Борисович раздал им города Полоцкого княжества, которые не были заняты родичами Мстислава, и принялся укреплять свою власть, готовить Полоцк к возможному противоборству с Киевом.

К удивлению полоцкого князя, родственники Мстислава и не подумали связываться с ним. Оказалось, что все они: братья, сыновья и племянники почившего увлечены сверх меры внезапно вспыхнувшими семейными разногласиями. После отпевания Великого князя Киевского Мстислава престол по старшинству достался его брату, бездетному Ярополку. Разделив так, как он считал справедливым,

уделы между многочисленными своими родичами, Ярополк особо отличил сыновей Мстислава. И это не понравилось его собственным братьям, Вячеславу, Андрею и Юрию. Дядья стали систематически нападать на владения племянников, намереваясь присоединить к своим землям как можно больше чужих территорий. Племянники отчаянно оборонялись, время от времени нанося захватчикам чувствительные удары.

В усобицу вмешалась также дальняя родня враждующих, троюродные братья Мстислава, черниговские князья Ольговичи. Теперь каждый воевал за себя и все против всех. Конечно, Полоцк с его внезапно восстановленной независимостью был для них не той целью, ради которой следовало бы в этих условиях рисковать. Но Рогволод Борисович был настороже. Все свои силы направил он на то, чтобы создать сильное боеспособное войско.

В тревожном ожидании чего-то неизбежного подрастали дети полоцкого князя. Мужали, готовясь к будущим битвам и походам сыновья, хорошела, превращаясь из застенчивой неловкой девочки в красивую молодую женщину, дочь Мария. И любуясь ею, неоднажды с печалью задумывался отец над тем, какую же участь уготовил Бог нежному созданию в этом жестоком и беспощадном мире.

И вот в 1137 году Рогволоду Борисовичу пришло известие, что к границам его княжества приближается сын Мстислава, Всеволод. Намерения его неизвестны. Рогволод-Василий тут же исполнил свое воинство и выслал лазутчиков, задачей которых было узнать причины, побудившие этого Мстиславича, одного из младших наследников заклятого врага князей полоцкой ди настии, направиться к их землям. Лазутчикам не составило особого труда разобраться в обстановке. Они скоро вернулись, и Рогволод Борисович узнал, что в планы Мстиславича отнюдь не входит война с полочанами. Да он и не готов к ней. Со своим небольшим отрядом он спешит в Псков, куда пригласили его горожане княжить.

Судьба обделила Всеволода счастьем. Еще при жизни отца достался ему в управление своенравный Новгород. Но когда Великим князем Киевским стал его дядя Ярополк, надумал он наградить племянника более престижным и спокойным княжением, предложив ему Переяславль. Всеволод, измученный капризами новгородских бояр да купцов, с радостью согласился. Но не успел он въехать в пожалованный ему удел, как другой дядя его, Юрий, за амбициозность свою и жадность до чужих земель и богатств прозванный современниками Долгоруким, напал на Переяславль и выгнал Всеволода из города. Великий князь Киевский не нашел сил для того,

чтобы вступиться за обиженного, и Всеволоду пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться в Новгород.

Но новгородцы, посчитав себя уязвленными, внезапно заявили князю, что не желают более повиноваться ему. «Забыв клятву умереть с нами, — говорили они, — ты искал другого княжения: иди же, куда тебе угодно!»

Вдоволь покуражившись над несчастным Всеволодом, новгородцы потом все же смилостивились и, сильно ограничив его власть, разрешили занять свое место в княжеском тереме. Но уже через четыре года, в 1136 году вновь созвали вече и торжественно лишили Мстиславича новгородского княжения. Однако и это не было еще пределом унижений. Всеволода и всю его семью взяли под стражу и заключили в епископском доме, где и пробыл он как преступник семь недель, пока в Новгород не прибыл избранный своевольными горожанами новый князь, двоюродный брат тестя Всеволода Мстиславича, Святослав Ольгович. Только тогда новгородцы отпустили низложенного своего правителя на все четыре стороны, позволив увезти из недружелюбного города жену, тещу и маленькую дочку Верху славу. Сын же Всеволода, юный Владимир, по требованию новгородских бояр остался у них заложником.

Целый год, томясь и терзаясь в разлуке со своим наследником, провел Всеволод у гостеприимного Великого князя Киевского, когда вдруг к нему явились послы от псковичей. Они рассказали о том, что Всеволодовы приверженцы все покинули Новгород и перебрались во Псков, и теперь вместе с приязненно настроенными местными жителями ждут его к себе. С их помощью можно попытаться восстановить справедливость и вызволить малолетнего княжича Владимира.

Полоцкий князь Рогволод Борисович тоже был отцом прежде, нежели правителем. Боль Всеволода Мстиславича отозвалась в душе его чувством глубокого сострадания. Уже с самыми добрыми намерениями выехал он навстречу сыну своего врага. И когда Всеволод в замешательстве остановился, увидев себя окруженным полоцкими воинами, Рогволод Борисович вышел вперед, раскрывая руки свои для дружеских объятий.

Полоцкий князь проводил пораженного его благородством Мстиславича через свои владения до самых границ Псковского княжества. На прощание они побратались и дали клятву не оставлять друг друга в беде и не забывать в радости.

Очень скоро Рогволод Борисович доказал свою верность этой клятве, выступив на стороне Всеволода, начавшего борьбу с Новгородом. Хорошо обученные воины полоцкого князя объединились с

псковской дружиной. Самое же главное было в другом. Полоцк присоединился к русским городам, объявившим Новгороду экономический бойкот. Снабжение города продовольствием прекратилось, и новгородцы стали испытывать серьезные трудности. Цены на хлеб возросли настолько, что оголодавшие и озлобленные горожане, в конце концов, прогнали от себя и Святослава Ольговича. Сразу же после этого они поспешили примириться с Псковом и, хотя и не выразили желания вновь принять к себе князем Всеволода Мстиславича, но сына ему вернули.

Высоко ценя дружбу Рогволода Борисовича, Всеволод поспешил стать посредником в деле примирения его со своими братьями, Изяславом, Святополком, Ростиславом и Владимиром.

Не зная, как склонить Мстиславичей к прекращению усобиц и примирению с другими князьями, Рогволод Борисович решил первым показать им пример миролюбия. И действиями, и убедительными речами своими скоро снискал симпатии черниговских князей Ольговичей. А между тем сложное для Древней Руси «время перемен» все не кончалось.

В 1139 году умер Великий князь Киевский Ярополк, но престол его, который по праву должен был бы принадлежать теперь его младшему брату Вячеславу, занял пришедший в Киев с оружием Всеволод Ольгович. Новый взрыв враждебности и отчуждения грозил разрушить Русь изнутри, привести ее к гибели. Но очередная война родственников нежданно завершилась периодом удивленного затишья. Потому что Рогволод-Василий, отдав свою дочь Марию замуж за сына Всеволода Ольговича, Святослава, сам просил руки другой Марии, дочери Изяслава Мстиславича. Этой двойной свадьбой полоцкий князь невольно привел Ольговичей и Мстиславичей к единению. Лучшего способа, хотя бы на время примирить агрессивных князей, найти было трудно.

Две юные Марии оказались достойными восприемницами дела, начатого полоцким князем. Та, что стала супругой Рогволода Борисовича, родила этому самому тихому из героев своей эпохи еще трех сыновей: Брячислава, Изяслава и Глеба, которые, подрастая, стали ревностными поборниками примирения всех князей Древней Руси. А та, которую полоцкий князь называл дочерью, прожив с мужем своим Святославом пятьдесят один год, употребила всю свою энергию на то, чтобы постепенно сплотить вокруг супруга князей, уставших от непрерывных войн друг с другом, возвести его на киевский великокняжеский престол и помочь войти в историю древнерусским миротворцем, чье «злато слово, со слезами смешанное», убедительнее

всех иных звучало в XII столетии, осуждая тех соотечественников, кто, не радея о благе родной земли, заботился лишь о личной славе да приобретении новых богатств и владений.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

О том, что имели в виду сочинители пословицы про Юпитера и быка

начнем издалека. Произошло это в 1080 году. На греческий остров Родос под охраной был доставлен человек, которому по решению базилевса Византии Никифора III Вотаниата предстояло провести здесь в ссылке всю оставшуюся жизнь. Ссылка не тюрьма, ссыльным не запрещаются встречи и беседы с местными жителями. И вскоре весь Родос уже знал печальную историю новоприбывшего. Этот молодой и красивый человек был русским князем, и звали его Олег Святославич. Но на родине, сопереживая его несчастьям, современники называли князя Гориславичем.

Несчастья благородных героев как нельзя более привлекают к себе сердца прекрасной половины человечества. Нашел на Родосе и Олег Гориславич душу, готовую искренне сопереживать. Дочь знатных родителей, аристократка Феофано Музалони готова была без устали, затаив дыхание, слушать печальные рассказы изгнанника о его далекой родине и превратностях судьбы.

Олег был внуком прославленного Ярослава Мудрого, одним из пяти сыновей черниговского князя Святослава Ярославича. Отец его умер на престоле Великого князя Киевского, но престол этот захвачен им был незаконно, ибо для вокняжения вступил он в сговор с младшим своим братом Всеволодом, и они низложили и изгнали из страны старшего брата, Изяслава. Впрочем, Изяслав сразу же после смерти узурпатора Святослава вернулся на Русь, ведя с собой войска союзников-поляков. Всеволод не противился, дал возможность брату вновь надеть на голову великокняжескую шапку, за что тут же был прощен.

А вот сыновья Святослава, не захотевшие признать Изяслава Ярославича своим государем, попали в немилость. У них отобрали все города, которыми они владели. Мало того, Олег, самый бойкий из них на язык и потому, видимо, показавшийся дядьям наиболее опасным из всех Святославичей, был насильственно привезен в Киев, где должен был жить отныне под строгим надзором. Это не могло не уязвить гордую душу. Олег бежал из Киева и, обратившись за помощью к половецким ханам, попытался отстоять свои права. В битве, данной им своим дядьям, Великий князь Киевский Изяслав погиб, но Всеволоду удалось обратить половцев в бегство. Через год вокняжившемуся в Киеве Всеволоду выдали Олега Гориславича пленившие его под Тьмутараканью хазары.

Опасаясь держать молодого и сильного противника в столице, Всеволод решил отправить его подальше, к своему союзнику, базилевсу Никифору, с просьбой придержать «любимого племянника» у себя в качестве гостя и как можно дольше.

Но в планы киевского дядюшки, видимо, не входило оставлять Олега в живых. Однажды пленник проснулся, разбуженный громкими криками и звоном оружия. В Царьграде на военной службе находилось немало русских наемников, и вот они теперь, пьяные и буйные, ломились в покои базилевса, осыпая все вокруг стрелами и пытаясь выломать плечами двери. Наемники грозно требовали у Никифора немедленного освобождения князя Олега, которого, как им стало известно, здесь намереваются извести ядом. Византийские воины сдержали натиск буянов, сбили с лестниц и не без труда оттеснили и заблокировали в какой-то крепостнице. Спустя некоторое время протрезвевшие русские повинились перед обиженным ими базилевсом, и тот простил их. Однако не решился держать наемников вместе в одном отряде, а разослал их по разным гарнизонам. А Олега после этого случая приказал вывезти из Царьграда от греха подальше. Так Гориславич попал на Родос.

Раздумывая о судьбе красивого русского князя, Феофано однажды глубокомысленно изрекла:

— Некоторые высокомерно полагают, что дозволенное Юпитеру недозволено быку, и потому, осуждая ближних своих слишком сурово, себе разрешают все. Но еще не известно, кто в твоей истории, князь, Юпитер, а кто бык. Поверь моему слову, ты еще вернешься на родину и заставишь трепетать своих обидчиков. Ты, мой Юпитер, займешь подобающий тебе великокняжеский престол, и дети твои будут государями, равными по могуществу базилевсам.

Хотя Гориславич и не поверил словам молодой византийки, но они вызвали в душе его необыкновенную к ней нежность. И он тут же предложил девушке все, чем владел сейчас. А была у него лишь его жизнь да имя. Не испугавшись трудностей, Феофано Музалони согласилась стать женой изгнанника. Впрочем, быть может, византийской аристократке уже было что-то ведомо? Потому что всего через несколько месяцев после ее венчания с Олегом Гориславичем в Царьграде произошел государственный переворот, в результате которого базилевс Никифор был свергнут с престола. А новый государь Алексий Комнин, хотя и не сразу, но удовлетворил страстное прощение Феофано о свободе родосскому узнику.

В 1083 году князь Олег вместе со своей молодой супругой и малолетним сыном Всеволодом вернулся на родину. Он сразу же смог

найти достаточное количество сторонников, чтобы отомстить предателям-хазарам, выдавшим некогда его Киеву. Гориславич обосновался в Тьмутаракани, выгнав оттуда ставленников дяди Всеволода. И сразу же начал собирать вокруг себя союзников для дальнейшей борьбы уже за великокняжеский престол.

Казалось бы, счастливая звезда уже замерцала над головою невезучего Олега, и энергичная Феофано своими советами, умением располагать к себе окружающих и привлекать на свою сторону действительно влиятельных союзников поможет супругу стать «Юпитером среди иных русских князей».

Но случилось непредвиденное. Его смелая и энергичная жена-византийка вдруг заболела и умерла. Опечаленный Олег пытался бороться в одиночку, вновь прибегнул к помощи половцев, из среды которых, спустя много лет после смерти Феофано, выбрал себе вторую супругу. Иногда его действия бывали успешными, но неудачи все чаще заявляли о себе. На каком-то этапе борьбы он понял, что все его усилия и стремления к великокняжеской власти тщетны. Поэтому, приехав в 1097 году, во время объявленного враждующими родственниками перемирия на княжеский съезд, согласился прекратить борьбу и сложить оружие, если будут узаконены его права на Тьмутаракань и Муром.

Олег Гориславич умер в 1115 году, почти совсем смирившись со своим положением. Но к этому времени уже превратились в зрелых мужчин его старшие сыновья от Феофано, Всеволод и Игорь, стал совершеннолетним сын от половецкой жены, Святослав. И они никак не соглашались считать себя потомками «быка, а не Юпитера». В память об отце Ольговичи задумали претворить в жизнь самые дерзкие его мечтания. Но прежде чем говорить всерьез о Киеве, они решили заполучить вотчину их деда Черниговское княжество, которое, хотя и имело столицу на территории будущей Украины, тем не менее включало в себя много земель нынешней Беларуси. Их манили прекрасные и уютные города Черниговщины Гомель, Рогачев, Чарторийск, Клецк, плодородные черноземные угодья старинных земель северян и радимичей. Обладая смелостью и энергичностью своей покойной матери, Феофано, Всеволод в 1127 году решился воевать за Черниговское княжество с родным дядей, младшим братом Олега Гориславича, Ярославом, и, победив его, вокняжился в Чернигове, «иссече и разграби» дружину своего противника.

Но напрасно младшие братья просили Всеволода поделиться с ними городами черниговской земли. Всеволод пожадничал. Конечно, младшие Ольговичи обиделись. В отместку за его жадность острые на

язык братья придумали Всеволоду обидную кличку, переделав его христианское имя Кирилл на Чурилу. О Чуриле, кстати, можно было действительно позубоскалить. Рано пополневший и облысевший, он тем не менее считал себя очень привлекательным мужчиной и, питая слабость к женскому полу, пытался нравиться, выдумывая для себя невероятные и пестрые одеяния. И самое удивительное то, что он имел успех, женщины действительно обращали на него пристальное внимание. У него было много «любимиц» и наложниц. Память о любвеобильном смешном Чу риле сохранилась в русских народных былинах. Не в пример ему младший брат его, Святослав, вошел в историю как настоящий романтический герой, способный во всяком случае на высокие чувства.

В 1137 году неожиданно Святослава пригласили к себе править новгородцы. Терять князю было нечего, ибо он ничего и не имел, и потому немедленно засобирался в дорогу. У ворот города его встречали хлебом-солью, который поднесла красивая девушка, оказавшаяся дочерью посадника Петрилы, Катериной. Святослав Ольгович в то время был вдов, а значит, свободен. Потому решил сделать Катерину своей женой.

Но неожиданному браку князя с неровней решительно воспротивилось высшее духовенство Новгорода. В свое оправдание Святослав тут же привел пример, ведь недавно почивший Великий князь Киевский Мстислав женился-таки на дочери посадника Завидича. «Но она очень скоро доказала, — возразили новгородские попы, — сколь высока и незаслуженна была сказанная ей честь, связавшись с княжеским тиуном. Мы не желаем повторения этой истории.»

Однако запрет только еще более укрепил Святослава в его решении. Не найдя в Новгороде священника, готового соединить его перед Богом с любезной Катериной, он заставил провести обряд венчания своему личному духовнику, скромному попику, прибывшему вместе с ним в «вольный город» и старавшемуся вести себя здесь как можно тише и незаметнее, ибо духовенство в Новгороде не уступало купцам и боярам — было также крикливо и злопамятно.

Ослушание Святослава не понравилось новгородцам и они не преминули вспомнить об этом, когда прежний их князь, Всеволод Мстиславич, из Пскова повел борьбу против них. Строптивые новгородцы обвинили во всех своих несчастьях ни в чем не повинного Святослава Ольговича и прогнали его от себя. Молодой жене его, Катерине, запрещено было следовать за мужем, ее насильно заперли в монастырь святой Варвары и стали готовить к пострижению. Святослав кинулся за помощью в Чернигов, к Чуриле, но не доехал.

Перехваченный своими противниками под Смоленском, он также попал в монастырь в местечке Смядынь.

Узнав об этом, Чурило-Всеволод, объединив свои силы с силами младшего брата Игоря, объявил войну всем, кто имел хоть малейшую причастность к обидам Святослава. Доказав еще раз, что несмотря на смешную внешность и странные привычки, он обладает сердцем отважным и характером отчаянным, добился не только освобождения брата и его супруги, но и великокняжеского титула для себя, ибо в разгар объявленной им войны в Киеве умер Великий князь Ярополк.

Впрочем, даже заполучив в 1139 году киевский престол, Чурило не смог побороть своей жадной натуры. Скрепя сердце утвердив уделы за своими потенциальными противниками, чтобы хоть какое-то время пожить мирно, он все не решался отжалеть что-нибудь для родных братьев. Только в 1142 году чуть ли не на грани семейного скандала Игорь и Святослав Ольговичи получили, наконец-то, четыре черниговских города, на которые уже очень давно положили глаз. Игорь как старший из них стал владельцем Гомеля и Рогачева, Святослав поселил свою возлюбленную Катерину в Клецке, обустроив для себя, с учетом чисто мужских вкусов и пристрастий, Чарторийск. Однако насладиться покоем в прекрасных своих уделах Игорю и Святославу было не суждено. Княжеские распри на Руси, которые, казалось, притихли благодаря миротворческим подвигам полоцкого князя Рогволода Борисовича, то и дело вспыхивали вновь, и Ольговичам как братьям Великого князя Киевского приходилось постоянно принимать участие во все новых разборках.

А в 1146 году Чурило-Всеволод заболел и умер, передав все наследство свое брату Игорю. Но вступление на великокняжеский престол для второго из сыновей Феофано оказалось печальным. Его невзлюбило киевское боярство, и даже всемерная поддержка брата Святослава не помогла Игорю усидеть на престоле. Он пробыл Великим князем Киевским лишь тринадцать дней, а потом под городом появился с сильным войском Изяслав Мстиславич, тайно вызванный боярами. Киевское воинство, выведенное навстречу новому претенденту, тут же перешло на его сторону. Готовые сразиться с противником силами одних гомельчан и рогачевцев, братья двинулись на Изяслава. Но внезапно в тыл им ударили союзники Мстиславича, кочевники Черные Клобуки. Исход битвы был предрешен. С остатками разбитого воинства Святославу удалось уйти, а Игорь, спасаясь бегством, попал в болото, где заблудился и завяз. Его нашли чуть живого на четвертые сутки и привезли в Киев на суд победителю, который приказал кинуть соперника в поруб. В темнице несчастный

Игорь серьезно заболел и, страшась близкой смерти, упрашивал своих пленителей позволить ему принять монашество и переселиться в тихую святую обитель. Ему не отказали в этом.

Тем временем брат его, верный Святослав, ничего не ведая про судьбу Игоря, искал возможность освободить его. Изяслав Мстиславич послал к нему своих людей, чтобы те передали его предложение: Великий князь киевский прощает Святослава и дозволяет ему спокойно княжить в Гомеле и Рогачеве, но он должен отречься от Игоря. Со слезами на глазах Святослав проговорил: «Возьмите все, что имею, освободите лишь брата». Молчание было ему ответом.

Тогда Святослав Ольгович, скрепя сердце, решился обратиться за помощью к самому злейшему врагу Мстиславичей, их родному дяде Юрию Долгорукому, который обосновался в Суздале. Долгорукий был крайне несимпатичным человеком, к тому же отличался беспринципностью, жестокостью и коварством. Но иного союзника в то время Святослав на Руси не видел.

— Иди в Киев, — стал умолять Долгорукого Святослав, — спаси несчастного Игоря и властвуй в земле Русской. Бог помогает тому, кто вступается за утесненных.»

Юрий Долгорукий обещал помочь. Собрали небольшое, — три сотни — но хорошо обученное войско для Святослава и ханы половецкие, братья его матери. Послали на помощь князю младших своих сыновей (ибо старшие уже погибли, защищая Игоря и Святослава под Киевом) также гомельчане и рогачевцы, собрали дружину Новгород-Северский и Путивль, города, дарованные Игорем в первые дни своего правления брату.

Узнав, что Святослав собирается воевать, Великий князь Киевский решил нанести упреждающий удар, не дав ему соединиться с Юрием Долгоруким. Изяслав послал на города Святослава большие силы. Ему удалось захватить их один за другим. Из последней своей цитадели, хорошо укрепленного Новгород-Северского, Святослав вынужден был бежать вместе со своей княгиней Катериной, тремя маленькими дочками и женой Игоря, не подозревавшей о том, что муж никогда уже не вернется к ней, так как стал монахом.

На пути в лесную, дремучую Карачевскую землю, где Святослав мыслил укрыть свою семью, его настигло великокняжеское войско, численностью в три тысячи всадников. Хотя силы и были неравны, отчаянный Святослав решил принять бой. Мужество и смелость дружинников Святослава, а также отвага всадников-половцев спасли его. Трехтысячное войско киевского государя было разбито.

После этого Святослав воссоединился с сыном своим от первого брака, юным Олегом, и вместе они подались в Суздаль под защиту Юрия Долгорукого, который вступил, наконец, в борьбу и сильно пограбил волости Великого князя и его сподвижников. Жене Святослава удалось спасти во время бегства из Новгорода-Северского большой ларь с сокровищами, а Олег чудом сохранил диковинного для Руси того времени зверя, охотничьего гепарда, одного из нескольких, составлявших гордость Святослава. И ларь с сокровищами, и гепарда семья решила подарить Юрию Долгорукому в знак дружбы и признательности.

Желая как можно лучше принять Святослава, обычно мрачный суздальский князь устроил грандиозный пир в живописном месте на берегу реки Медведицы, или иначе, реки Москвы (именно так звучало название Медведица на языке исконно живших тут угро-финских племен). Здесь было богатое имение боярина Кучки, которое тоже называлось Москвою.

Юрий Долгорукий улыбался, был щедр и предупредителен. Но когда вино ударило уже ему в голову, он вдруг заметил, что за столом отсутствует красивая жена Кучки. Желая узнать, в чем дело, Долгорукий услышал, что хозяйка была заперта своим ревнивым супругом в тереме, ибо Кучка подозревал (видимо, не напрасно), что она состоит в любовных отношениях с князем Юрием. Рассвирипевший Долгорукий приказал своим людям немедленно схватить своевольного боярина и предать его смерти. Но превратившийся из дружеского и веселого в кровавый пир этот, к ужасу присутствующих, закончился еще более жутким происшествием. Увидев рыдающую над телом казненного отца боярышню Улиту Кучковну, Долгорукий отметил про себя, что она хороша гораздо более матери своей. И, желая заполучить себе в терем это живое сокровище, тут же приказал обвенчать заливающуюся слезами девушку со своим сыном Андреем.

Пораженный Святослав долго ужасался тому, какое чудовище он выбрал себе в союзники. Он твердо решил порвать с этим злым и алчным человеком. Но обстоятельства помешали ему сделать это сразу. В Киеве разъяренная толпа горожан ворвалась в монастырь, где обитал теперь несчастный брат Святослава Игорь, схватила его прямо во время литургии и растерзала.

Мстя за брата, Святослав со своими союзниками действовал так отчаянно и нашел среди многих из своих бывших неприятелей, русских князей, столько участия, что в 1150 году окончательно потерявший популярность Изяслав Мстиславнч вынужден был от-

казаться от великокняжеского престола, который был тут же занят Юрием Долгоруким.

Новый киевский князь вернул Святославу Ольговичу все его города, добавив к ним Слуцк, Снов и Курск. А желая привязать князя к себе еще больше, Долгорукий выдал свою дочь за его сына Олега. Святослав не смел отказаться. Но казался печальным. И предчувствия его не обманули.

Жестокий нравом Юрий Долгорукий не продержался у власти долго. Его возненавидели подданные, чем не замедлил воспользоваться Изяслав Мстиславич, вновь заявивший о своих правах на великокняжеский престол. С помощью союзников-венгров он вернул себе Киев. Опасаясь обвинений в узурпаторстве, на этот раз он решил действовать более осторожно и поделил власть со своим дядей, бездетным старцем Вячеславом. Долгорукий не смирился с утратой Киева и еще около двух лет воевал с Изяславом Мстиславичем, привлекая к войнам этим как ближайшего родича Святослава Ольговича. Но Изяслав, прикрываясь как щитом добрым именем и авторитетом своего дяди Вячеслава, которого многие уважали и считали законным правителем Киева, был непобедим.

Только в 1153 году Святослав, окончательно порвал с Долгоруким, примирился с киевскими властителями, которые, впрочем, вскоре умерли, один в 1154-м, а другой в 1155 году.

Святославу Ольговичу оставалось жить еще десять лет. Он почил глубоким старцем, пережив и еще одно возвышение Юрия Долгорукого; и его странную смерть на пиру у Святоелавова тестя Петрилы, где тот сильно переел и перепил; и княжение очередного киевского государя Изяслава Давыдовича, который,отдал ему по владение города Мозырь и Чечерск, но отобрал почти все остальные. В самом конце жизни Святослав сумел вокняжиться в Чернигове и вернуть себе практически все утраченные города.

Именно его столицу выбрала для себя в качестве убежища престарелая вдова Любава Дмитриевна, дочь Завидича, которую изгнали из Киева противники ее детей. Судьбе было угодно, чтобы две новгородки, дочери посадников, Любава и Катерина, изведавшие в жизни и взлеты, и падения, доживали свой век в одном тереме как родные сестры и умерли одна вслед за другой — Катерина в 1166-м, а Любава в 1168 году. Но еще раньше, в 1164 году, отошел в небытие Святослав Ольгович.

На смертном одре этому многомудрому и многоопытному князю, говорят, опять пришло на ум изречение о быке и Юпитере, но он тут же с негодованием отогнал его. Ибо, оканчивая жизнь, далекий от

пустого бахвальства и славолюбия, повидавший множество разных правителей, твердо уяснил: бывают вещи, которые недозволено творить с ближними своими даже Юпитерам, дабы не войти в историю с именем извергов, предателей и злодеев.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

О том, как сын, потерявший по вине отца право бить Волынским князем, с помощью матери добивался права, стать князем Туровским

В те давние времена, о которых мы ведем рассказ, единственным надежным прибежищем женщины, которую постигло горе, становился монастырь. Туда уходили доживать век печальные вдовы, безутешные невесты, потерявшие своих женихов на поле брани. В монастыре искали покоя, забвения и лекарства от душевных ран и покинутые жены.

В 1120 году в одном из киевских женских монастырей появилась новая черница, сестра Елена. Эта женщина, тихая и печальная, стала Христовой невестой после того, как, опозорив ее на весь свет, назвав блудницей, от нее с презрением отказался супруг. В миру ее знали как княжну Евдокию.

Юная Евдокия, дочь новгородского князя Мстислава Владимировича, была выдана замуж в 1112 году за троюродного брата своего отца, Ярослава Святополковича, князя Владимиро-Волынского. Жених был солиден годами, дважды уже успел он ко времени венчания с Евдокией жениться и дважды становился вдовцом. Обе его прежние жены были чужеземными королевнами. Но ни гордая дочь венгерского государя Ласло, ни прекрасная полька, одна из многочисленных дочерей короля ляхов Владислава-Германа не дали ему наследников мужского пола, Ярослав надеялся, что с этой почетной женской миссией достойно справится третья супруга, соотечественница и родственница. Навряд ли кто спрашивал у самой Евдокией, имеет ли она в сердце своем хотя бы долю симпатии к человеку, навязанному ей в мужья. Отцу девушки партия эта казалась достойной, ибо отец Ярослава, Святополк, был в то время Великим князем Киевским.

Но уже в следующем 1113 году свекор Евдокии умер, и киевский престол по старшинству перешел к его двоюродному брату, деду Евдокии Владимиру Мономаху. Политические ветры подули в иную сторону, и Ярослав Волынский, ранее с доброжелательной снисходительностью относящийся к деду и отцу своей супруги, стал выказывать теперь им злобную гордость и непочтительность. Считая, видимо, что имеет право на расширение своих владений, он обратил взоры нового Великого князя Киевского на земли Туровского княжества, которыми владел некогда его отец. Но Владимир Мономах, узнав, как серьезно обогащала Киевскую казну при его предшественнике Святополке Изяславиче Туровщина, подтвердил указ своего

предшественника, объявившего ее «киевской вотчиной». Тогда Ярослав стал искать реальной возможности силой отторгнуть хотя бы часть туровских земель от Мономаха. Для этого он обратился за помощью к венграм и полякам, напоминая им, что через прежних своих жен он по-прежнему родственник их королям.

Вовремя предупрежденный Евдокией, старый Мономах решился призвать изменника к ответу ив 1117 году уведомил князя Владимиро-Волынского, что намерен судить его пред всеми князьями русской земли в Киеве, дабы честно определить степень вины его и примерно наказать.

В назначенное время Ярослав на суд не явился. Тогда дед Евдокии, собрав немалое войско, осадил непокорного в его столице, Владимире-Волынском. «Не желая губить без вины русских людей», два месяца рать Великого князя Киевского стояла под городом, не начиная приступа, но и не давая возможности осажденным каким-либо образом послать за помощью либо пополнить свои продовольственные припасы. Начавшийся в городе голод заставил гордого Ярослава открыть ворота и униженно просить о прощении. Благодаря заступничеству кроткой Евдокии, Мономах только слегка пожурил родственника за неповиновение и, заключив с ним мир, вернулся в Киев.

Но смирение Ярослава было показным. Не желая сдаваться, он мыслил вновь возобновить тайную переписку с Венгрией и Польшей и не желал в этой ситуации иметь возле себя женщину, уже однажды выдавшую его планы противникам. В 1118 году он с позором выгнал княгиню из Владимира-Волынского, вырвав у нее из рук пятилетнего их сына Юрия. Всему свету было объявлено, что внучка Мономаха — «волочайка», не достойная ни того, чтобы делить ложе с законным своим мужем, ни того, чтобы ей дозволили воспитывать ребенка.

Пытаясь заставить Ярослава принять назад невинно опороченную жену, Великий князь Киевский выступил против него со своей дружиной. Ярослав бежал в Польшу, увозя из Владимира-Волынского маленького Юрия.

Разлученный с матерью, пять лет провел княжич в Польше, живя то в Кракове, в королевском дворце, то в замке Силезского магната Петра Власта, женатога на Ярославовой сестре Марии, то в имениях старшей дочери Ярослава и своей сводной сестры Пребыславы, которая была замужем за поморским князем Ратибором. Дважды, собрав войска, приходил на Русь мятежный Ярослав, чтобы вернуть себе княжение, но дважды терпел поражение. Во время второго похода в

1123 году он пал от рук наемных убийц, после чего поляки сочли за лучшее отослать десятилетнего Юрия на Русь, к горюющей Евдокии.

Летописи не сохранили сведений о том, как произошла эта встреча разлученных матери и сына. Мы знаем лишь, что юный Юрий остался жить подле родительницы, будучи долгие годы единственной отрадой несчастной княгини-монахини.

Через два года после возвращения Юрия умер Мономах, и на семь лет в Киеве вокняжился отец Евдокии — Елены, Мстислав. Но напрасно ожидала печальная монахиня, что он отметит своим вниманием внука, выделив ему какой-нибудь удел. Мстислав поосторожничал и, опасаясь подвоха со стороны поляков, которые, кто знает, чему уж там могли научить Юрия, отказал ему, сославшись на то, что сын князя-изгоя по законам должен лишаться прав на княжение. Однако он милостиво и довольно радушно принимал юношу у себя в тереме, окружил его вниманием и почетом и все обещал высватать для него иноземную принцессу.

Впрочем, это обещание никак не могло обмануть Юрия. Он прекрасно понимал, что никакой король не согласится отдать свою дочь замуж за бедного родственника Великого князя Киевского, безземельного, живущего на чужих хлебах человека.

Подолгу разговаривая с матерью о своем будущем, Юрий впервые всерьез задумался о нелепости и бессмысленности некоторых законов, согласно которым на Руси передается княжеская власть. В Польше он был еще ребенком, но отлично помнил, как обстояли дела с властью там. И ему казалось гораздо более естественным такое положение дел, когда после смерти короля престол занимает его старший сын, а после смерти удельного князя княжение переходит в руки его законного наследника. Наблюдательный Юрий подметил, как в ожидании очередной смены власти и переделов земель русские князья проводят жизнь в постыдных забавах, не радея о вверенных им княжествах, как год от года все более беднеют и приходят в запустение некогда богатые города и зажиточные села. Единственное, видел он, что может интересовать князей-временщиков, это — новые усобицы. Они намеренно выискивают и вспоминают всевозможные обиды, чтобы иметь повод выступить против соседей. Ведь в усобных войнах кто-то всегда погибает, освобождая при этом свой княжеский престол для жадных претендентов.

Юрий мечтал об ином положении дел. Он хотел подобно западноевропейскому князю получить в руки свои удел от сюзерена, чтобы неустанно украшая и возвеличивая свое княжество, превратить его, в конце концов, в преуспевающий край ремесел, наук и искусств и

передать таким сыну своему, чтобы после достался он еще более прославленным внуку и правнуку.

Живо принимая участие во всех делах сына, черница Елена тут же подсказала ему, какого удела в таком случае ему следует добиваться для себя всеми силами — Туровского княжества. Пускай отец его, Ярослав, не смог ни миром, ни оружием получить эти земли в свое владение, но в Турове сидел отец Ярослава, Святополк, и отец Святополка, Изяслав. Этот город должен стать городом Юрия! Но мыслить и рассуждать было гораздо легче, чем действовать. Потому что у молодого сына монахини Елены не было ни союзников, ни дружины, ни денег, чтобы заиметь тех и других.

В 1132 году умер Великий князь Киевский Мстислав Владимирович, престол занял его младший брат Ярополк Владимирович, чтобы так же, как и его предшественник, прокняжить семь лет. Его сменил Всеволод О льгович, и тоже — мистическое совпадение — княжил в Киеве семь лет.

Положение Юрия при них практически не изменилось, но именно в это время он среди огромного количества родственников различил фигуру того, кто мог бы в дальнейшем стать помощником в исполнении его честолюбивых, но не лишенных благородства планов. Это был его тезка, младший из дядьев его матери, Юрий Владимирович Долгорукий. Энергично оспаривая права то одних, то других своих братьев и племянников на их уделы, он казался достаточно независимым и дерзким, чтобы понять Юрия Ярославича. И двадцатипятилетний сын черницы Елены начал искать дружбы Долгорукого.

Сама же Елена приближала свое дитя к заветной цели иным путем. Она связалась с туровским боярством и постепенно нашла тут понимание и поддержку. Идея заполучить собственную княжескую династию «на веки вечные» была как нельзя более привлекательна для туровцев. Они стали всерьез приглядываться к Юрию Ярославичу. Симпатии их к нему еще более усилились после того, как в 1144 году он женился на сестре князя Давыд-Городокского Бориса Всеволодовича. Ведь давыд-городокские правители были вассалами Турова. Породнившись с этой династией, Юрий стал в глазах туровцев уже почти своим.

Тем не менее, до исполнения заветной мечты его было еще очень далеко. Киев, где вокняжился в 1146 году Изяслав Мстиславич, попрежнему не слышал прошений монахини Елены о милости к ее сыну. Туровский престол был занят — там сидел престарелый дядя Елены, Вячеслав Владимирович. Время от времени, когда державу потрясала весть о смерти очередного Великого князя, Вячеслав покидал Туров и

устремлялся в Киев, так как по старшинству давно уже имел право венчать себя великокняжеской шапкой. Но всегда находился более шустрый родич, и он неизменно возвращался в Туров. Попытки сблизить Юрия с Вячеславом Туровским оказались для Елены безрезультатными.

Казалось бы, только безумец мог еще продолжать верить в свою судьбу и надеяться на чудо. Но в 1149 году неожиданно для многих, изгнав с киевского престола Изяслава Мстиславича, там вокняжился Юрий Долгорукий. Мать и сын решили, что их час настал. Юрий Ярославич стал первым, кто присягнул на верность Долгорукому. И ему тут же пришлось встать с оружием в ряды защитников прав киевского государя.

Впрочем, многие соратники Долгорукого, понимая, что у узурпатора недостаточно сил, чтобы долго противостоять своим противникам, предлагали ему сразу и миром уступить престол Вячеславу Туровскому, и тот вроде бы даже согласился на это, удовлетворившись значительным расширением своих владений. Но потом вдруг передумал и просто отдал Вячеславу самое, наверное, по тем временам престижное после Киевского Переяславское княжество. В опустевший Туров Долгорукий посадил своего сына Андрея, хотя он, готов был просить отца за Юрия Ярославича, с которым очень сблизился и подружился.

Увы, фортуна опять выскользнула из рук злосчастного сына монахини Елены.

Изгнанный Долгоруким из Киева Изяслав Мстиславич привел огромное войско из Венгрии, отвоевал свой престол и, дабы никто более не смел оспаривать законность его прав, пригласил в соправители старца Вячеслава. Их совместное правление не было спокойным. Долгорукий и его приверженцы то и дело предпринимали попытки вновь овладеть Киевом. А в 1154 году Изяслав Мстиславич внезапно умер. Старый Вячеслав пережил его всего лишь на год.

В 1155 году Долгорукий вновь торжественно въехал в Киев, чтобы теперь, заняв главный престол державы, не покидать уже его до самой смерти. Раздавая уделы в первую очередь ближайшим родственникам своим, на этот раз Туров он решил передать в управление сыну Борису. Несмотря на ходатайство сына Андрея за Юрия Ярославича, Великий князь выделил этому своему соратнику всего несколько деревень и какой-то городок на Белорусском Полесье, настолько незначительный, что летописцы даже не называют его. Но это все-таки уже был удел! Юрий Ярославич был счастлив.

А в 1157 году нежданно произошло событие, которое привело князя к осуществлению его заветной мечты.

Веселясь на пиру у бывшего новгородского посадника боярина Петрилы, которого Долгорукий приблизил к себе, Великий князь вдруг почувствовал себя очень плохо. Вызванный лекарь попенял киевскому правителю на то, что он слишком уж переусердствовал «в питие и ядении», и дал некий порошок. Но лучше Долгорукому не стало, и через пять дней он скончался в Киеве. В числе тех, кто добился дозволения посетить умирающего Великого князя, оказалась и монахиня Елена. Узнав, что своим преемником на великокняжеском престоле Долгорукий видит сына Бориса, она умолила его распорядиться о том, чтобы Туров перешел во владение ее сыну. Долгорукий согласился, взяв с монахини слово, что она будет в дальнейшем неустанно молить Бога о его грешной душе.

Так в 1157 году Юрий Ярославич стал именовать себя князем Туровским.

Однако полученную власть нужно было удержать. Благодаря многолетним стараниям сорокачетырехлетний Юрий мог не опасаться предательства со стороны туровцев — они ему симпатизировали. Но было бы наивно полагать, что предсмертную волю Долгорукого свято будут чтить те, кто сменит его на великокняжеском престоле. И действительно. Усевшийся после смерти Долгорукого на киевский престол Изяслав Давыд ович, распоряжаясь русскими землями по-своему, тут же обратил внимание на Туров. Он послал к Юрию Ярославичу гонца с требованием немедленно покинуть город, который он предназначил другому князю. Юрий попытался договориться миром и ответствовал Великому князю словами: «Брат, прими меня к себе с любовью!» Любви и понимания не предвиделось, и тогда туровский правитель начал усиленно готовиться к обороне.

Для наказания дерзкого вассала Великий князь Киевский собрал огромное войско, призвав присоединиться к себе князей Волынского, Галицкого, Смоленского, Полоцкого, Луцкого... Туров был окружен со всех сторон. Неоднократно осаждавшие шли на приступ, но их атаки умело отбивались горожанами. В ночи верные подданные Юрия совершали смелые вылазки из-за городских стен, нанося этим ощутимый урон нападавшим. Великий князь Киевский не мог понять, почему обычно безразличные к вопросам смены власти туровцы так отчаянно защищают своего князя. Сам Юрий время от времени посылал из города ему письма, в которых, неизменно называя его братом, просил лишь одного — оставить Туров за ним и его потомками.

Десять недель осады завершились постыдным отступлением огромного войска, в котором внезапно начался падеж лошадей.

При преемнике Изяслава Давыдовича на великокняжеском престоле, Ростиславе Мстиславиче, в 1161 году Юрию Туровскому довелось выдержать в своем городе еще одну серьезную осаду. На этот раз на его права посягали волынские князья.

Летописец сообщает: «Тою же зимою ходил Мстислав Изяславич и Ярослав, брат его; Ярополк Андреевич; Владимир; брат его Ярополк к Турову на Юрия на Ярославича и стояв в поле три недели и не сумев ему ничего сотворить, вернулись». А Н. М. Карамзин комментирует: «Отверженный от союза двух тогда господствующих домов княжеских, Мономахова и Черниговского, он (Юрий. — Авт.) держался единственно своим мужеством и счастливо отразил приступ соединенных князей волынских, хотевших, подобно Изяславу Давыдовичу, изгнать его из Турова. Великий князь, любя справедливость, заключил с ним мир».

Это, последнее событие, произошло в 1162 году. Туровское княжество получило, наконец, официально независимость от Киева и право на собственную династию правителей. Туров ликовал, превознося доблести князя Юрия, ибо чехарда сменяемых, незаинтересованных в процветании этого края удельных владетелей надоела туровцам «паче комаров и оводов».

Юрий же, будучи к тому времени отцом пятерых сыновей и двух дочерей, гарантировал своим подданным непрерывность династии во всяком случае в ближайшее столетие.

Со времен получения Туровом независимости летописи более не упоминают о деяниях князя Юрия. Да и о чем было упоминать! В княжестве царил мир и покой. Господин, как это и положено было ему, судил да рядил подданных, стараясь всячески обезопасить свои владения от нападений соседей, а подданные мирно трудились, зарабатывая «себе на пропитание и князю на содержание».

Быть правителем добрым и мирным — кажется делом нехитрым. На самом деле, это — великий и тяжкий труд, не приносящий князю ни славы потомков, ни больших богатств, ни даже минуты отдохновения. Впрочем, у Юрия в Турове нашелся достойный наставник, который и словом, и делом поддерживал князя во всех его начинаниях.

Еще в 1158 году, едва успев занять престол в Турове, обратил внимание князь Юрий на необыкновенную личность. Один из местных монахов, именем Кирилл, от большой учености своей и великой веры попросил святых братьев замуровать его в столпе, дабы иметь возможность вдали от людской суеты беседовать один на один с

Богом. Заточенный в этом столпе, Кирилл писал дивные по красоте слога и силе убеждения «Слова» — проповеди для верующих, в которых учил их доброте и любви, трудолюбию и радению, жить в гармонии с природой и в страхе перед грехом.

Изумленные земляки почитали Кирилла как святого. Но это был вовсе не мрачный, аскетичный старец, как представлялось Юрию до того времени, когда он смог увидеть затворника. Кирилл Туровский оказался ровесником князя, взгляд его был молод и мечтателен, сам он был радостен и жизнелюбив. Юрий стал спрашивать у монаха советов в делах державных, и тот непременно находил ответы на самые сложные вопросы в Священном Писании, богословских книгах и просто в ярких примерах из жизни. По настоянию Кирилла князь сосредоточил свои мысли на постижении книжной мудрости, постоянно сверял свои поступки и помыслы с понятиями добра и человеколюбия, учил своих детей следовать во всем примеру лучших подвижников христианства.

А в 1158 году Кирилл Туровский «молением князя Юрья Ярославля и людей того града возведен был на еиисковский престол и митрополитом поставлен был епископом граду Турову»...

Кирилл Туровский, второй на Беларуси после Ефросиньи Полоцкой великий просветитель, являлся духовным учителем князя Юрия до самой его смерти, последовавшей в 1166 году. А после продолжал наставлять на добрые дела и трех старших сыновей его, князей Ивана Туровского, Ярополка Пинского и Глеба Дубровицкого, которые по кончине отца разделили между собою его наследие, взяв каждый по большому городу в управление.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

О том, как киязь хотел научить гордую пальму склонить перед ним крону

Всего лишь год, 1150-1151, туровским князем был старший сын Долгорукого Андрей. Да и в это время в Турове его редко видели. Отстаивая права отца на великокняжеский престол, он почти всегда находился в походах. В княжеском тереме одиноко жила грустная жена его, Улита Кучковна. Княгиня была беременна, и потому в ожидании своего срока пряталась от глаз любопытных туровцев, выходя лишь в церковь к обедне, да иногда раскрывая двери горницы для местных монахинь. Она вообще была необщительна. Выданная три года назад замуж против воли за сына человека, который опорочил ее мать и убил ее отца, она беспрестанно плакала да молилась в тиши своих покоев.

Ребенок Улиты появился на свет в отсутствии князя Андрея, но на крещение младенца его родитель поспел в самый раз. В честь воинственного деда Долгорукого мальчика нарекли Юрием, окончательно разбив этим сердце его матери, ненавидевшей свекра и не желающей слышать даже его имени.

Судьба этого Юрия, которая почему-то так мало интересовала русских летописцев, сложилась удивительно и драматично. Ему едва исполнилось одиннадцать лет, когда умерла княгиня Улита, женщина, так никогда и не приласкавшая его и ни разу не назвавшая по имени крещеному, предпочитая языческое, Изяслав.

В 1164 году отец, по тем временам могущественный князь Суздальско-Владнмирской земли, женился вторично на молодой осетинской княжне, надменной и себялюбивой. Отношения с мачехой не могли сложиться приязненно. И Юрий, и второй сын Улиты Кучковны, Мстислав-Глеб, замечали, как ласково смотрит новая жена их отца на своего земляка, кавказца Амбала, пришедшего на Русь вместе с нею. Князь Андрей был настолько беспечен, что не только приблизил его к себе, но и доверил ему свою казну.

Однажды Глеб Андреевич пригрозил мачехе и Амбалу обратить отцово внимание на их поведение. Не прошло и месяца, как в ночь языческого праздника Купалья слуги Андрея нашли недалеко от городских стен мертвое тело Глеба. Впрочем, хотя Юрий и пытался указать отцу на истинных виновников, тот почему-то решил, что убийца — один из братьев покойной Улиты. Несчастного казнили. Тогда второй брат княгини Улиты Кучковны, Яким, вспомнив кстати

и смерть своего отца от рук Долгорукого, и несчастливую судьбу сестры, решился отомстить Андрею за все обиды своей семьи. Он собрал заговорщиков, к которым не преминули примкнуть вторая жена Андрея и Амбал. Всего набралось двадцать человек. В ночь с 28 на 29 июня 1174 года они напали на имение князя в селе Боголюбове и зверски его убили. В еще горячей крови мертвого мужа омочила руки и княгиня. После чего она поспешила скрыться за пределами княжества вместе с Якимом Кучковичем и своим любовником Амбалом, успевшим вырядиться в самые лучшие княжеские одежды.

Только через год после трагедии в Боголюбове, потрясшей Русь, удалось найти злодеев. Их утопили в водах озера, находящегося на территории городка Москвы, бывшего имения боярина Кучки, с тех пор озеро получило название Поганого (в XIX веке его очистили, облагородили и стали именовать Чистыми Прудами). Саму же княгиню повесили на воротах и расстреляли из луков.

Потрясение Юрия Андреевича было настолько сильным, что с момента убийства отца в душе его возникло и стало неуклонно развиваться стойкое отвращение и к женитьбе, и к женщинам вообще. Зато молодой человек чувствовал себя как нельзя более уютно в седле с мечом в руках среди сильных и мужественных воинов. Князь Андрей, умелый и опытный в ратных делах, старался и в сыне своем с сызмальства воспитывать высокий боевой дух и всячески развивать его воинские способности. Впрочем, проявить их на Руси Юрию не довелось.

Еще при жизни отца призванный новгородцами поправить у них, Юрий в 1175 году лишился своего княжения, изгнанный своевольными местными боярами. Он вернулся в Суздальско-Владимирское княжество, в котором после смерти его отца княжил родной дядя, Михаил Юрьевич, и был принят там доброжелательно. Но князь Михаил вскоре умер, и бояре, руководствуясь принципами перехода власти по старшинству, пригласили к себе другого дядю, Всеволода. А Всеволод не захотел терпеть при себе молодого и энергичного племянника и прогнал его, не дав даже малого удела.

Юрий подался в Чернигов, где, по одной версии, прозябал на положении бедного родственника почти десять лет. Другая утверждает, что обиженный сын князя Андрея уехал к половцам, в среде которых искал себе союзников для борьбы с дядей. Как бы там ни было, но в 1185 году Всеволод Суздальско-Владимирский решил от греха подальше смягчить обиду, нанесенную им племяннику устройством роскошного брака Юрия. Высватать для него он задумал двадцатилетнюю грузинскую царицу Тамару.

Дочь прославленного правителя Грузии Георгия III, она была возведена на престол отцом своим еще при его жизни. Этот государь не имел сына и боялся, что с приходом к власти человека другой династии Грузия утратит все те достижения, которых удалось ему добиться напряженным многолетним созидательным трудом. Имя Тамара, что в переводе на русский означает «пальма», как нельзя лучше подходило царице. Она была стройна, гибка, прекрасна лицом и горделива нравом. В Грузии о ней мечтали сотни мужчин. Утратив в 1185 году отца, Тамара была поставлена своими подданными перед необходимостью выбора мужа, ибо неприличным считали грузины нахождение на их престоле женщины, свободной от супружеских обязательств и беззащитной перед вожделенными помыслами претендентов. Естественно, мужем должен был стать единоверец царицы — православный христианин, человек высокого происхождения, но необремененный на родине своей делами правления. Ведь иначе он не смог бы покинуть своих подданных, чтобы уехать к Тамаре в Грузию.

В Византии подобной кандидатуры не нашлось. Тогда грузины обратили свои взоры на Русь. И Всеволод Суздальско-Владимирский тут же предложил им пригласить к себе его племянника Юрия. Более всего устроило грузин то, что все, у кого ни справлялись они о Юрии, в один голос хвалили его как воина. А Грузия хотела иметь мужем своей царицы человека, способного при необходимости дать отпор врагам царства, и готового при случае расширить его территории за счет соседей. В общем, посланцы Тамары явились к Юрию, прельщая его самыми прекрасными перспективами.

Безудельному князю терять было нечего. Он с радостью согласился.

Казалось, что Грузия не ошиблась в своем выборе. Энергичный и отчаянный, тридцатишестилетний Юрий начал свое правление с нескольких военных подвигов. Быть может, настораживало лишь чрезмерное пристрастие мужа царицы к крепким напиткам. Впрочем, грузины готовы были простить своему правителю этот порок за его смелость и отвагу на полях сражений.

И тут, как гром с ясного неба прозвучало заявление их прекрасной царицы Тамары. Оказывается, муж пренебрегает ею и не соглашается разделять с нею ложе даже ради того, чтобы дать Грузии наследника. Вельможи стали доискиваться причин, предполагая, что в деле, не иначе, как замешана другая женщина. И с омерзением раскрыли для себя, что их государь предпочитает проводить время в обществе мальчиков. Подданные Тамары почувствовали себя оскорб-

ленными. Горячие головы тут же стали настаивать на немедленном разводе красавицы-царицы с порочным ее супругом.

Но Тамара, почитая венчание в церкви величайшим из таинств, не могла решиться сразу. Она долго терпела, увещевая Юрия, умоляя его исправиться, не позорить ни ее, ни Грузию. От имени царицы с государем вели долгие беседы особы духовного звания. Но все было напрасно. Тогда Тамара со слезами на глазах вынуждена была исполнить волю своего Совета. Так и не согласившись на развод, она тем не менее выдворила злосчастного Юрия из Грузии. Не желая прослыть жестокосердной, царица повелела выдать беспутному мужу золота, серебра и драгоценностей столько, чтобы хватило ему на безбедную жизнь на долгие годы и предложила поселиться в Царьграде.

И Юрий действительно подался в Византию. Но полученных богатств, которыми намеревалась откупиться от него жена, хватило ненадолго, так как отверженный князь швырял их в щедром на развлечения Царьграде направо и налево горстями и безбожно пьянствовал. Оставшись же без средств к существованию, Юрий решился вновь вернуться в Грузию и побороться за свои права.

И что удивительно, ему удалось возбудить своими пылкими речами и склонить к мятежу чуть ли не полдержавы. Грузинская знать западных областей, вооружившись, встала под его знамена. Идя во главе этого воинства к столице Грузии Тифлису, Юрий философствовал: «Тамара, жена моя, горда и величава, как пальма. Но мы заставим эту пальму склонить перед нами свою крону.»

Сведения, имеющиеся у нас, довольно противоречило излагают последующие события. Кажется, мятежнику удалось на время даже захватить престол. Но красавица и умница Тамара так и не склонила перед ним голову, не покорилась судьбе и нашла силы для дальнейшей борьбы. Призвав на помощь жителей верных ей провинций, она смогла разбить войско мятежников и вернуть себе корону. Грузинские князья, сторонники Юрия, согласились уладить дело с царицей на переговорах, во время которых сдали в ее руки того, кого еще совсем недавно так упрямо поддерживали.

На этот раз Тамара уже не колебалась, принимая решение о разводе. После этого царица приказала отправить своего бывшего супруга на Русь со строгим наказом никогда более не появляться в пределах Грузии.

Юрий подался было в Суздальско-Владимирское княжество, но там он был никому не нужен. Князя вновь ожидало жалкое прозябание на положении безудельного, бедного, а теперь еще и отверженного человека. Не желая этого, Юрий выехал в половецкие

степи, где его благосклонно приняли кочевники, и где он вторично женился.

Впрочем, смертельная обида на Тамару и сладкие воспоминания о том времени, когда он был властным правителем Грузии, не оставляли его. В 1193 году он вновь предпринял попытку вернуть себе Грузинское царство. Царица к тому времени имела уже иного супруга — им стал осетинский царевич Давид Сослани — и успела родить ему двоих детей, мальчика Георгия и девочку Русудан. Мудрым правлением своим, благодаря которому Грузия значительно расширила свои пределы и которое поспособствовало развитию в стране наук и искусств, Тамара снискала всеобщую любовь и уважение. Поэтому на этот раз никто из влиятельных грузин не встал на сторону князя-изгоя. Войско Юрия было разбито, а сам он, как говорят исторические источники, исчез неведомо куда. Исчез? Но в Грузии из уст в уста передается предание о том, как, созвав самых верных и отважных из своих витязей, числом девять, прекрасная царица Тамара поделилась с ними опасениями за будущее своих детей. «Как христианка я должна простить любую обиду своему врагу и лишь молить Бога наставить на путь истинный заблудшую душу. Но как мать я не могу не трепетать и не плакать. Посмотрите, как упорен в своем желании мстить и как зол мой враг. Дважды я отпускала его с миром, взяв слово, что он более не посягнет на нас своим мечом, и дважды он с мечом же возвращался к нам. Посоветуйте, что делать мне, чтобы не утратить и Царства Небесного, и царства земного для моих детей».

И девять витязей, переглянувшись, твердо ответствовали своей царице: «Живи, госпожа, теми же добрыми помыслами, что и жила. Всевидящий Бог защитит тебя нашими мечами». И они ушли из Тифлиса. А через несколько дней вернулись, неся в мешке страшную ношу, голову князя Юрия. И увидев ее, заплакала царица Тамара, а витязи сказали: «Божий суд свершился, госпожа. Похорони эту голову по-христиански, пусть монахи молятся о носившем ее неустанно и прилежно три года, а потом да будет с ним воля Творца. Мы же клянемся, что никто и никогда не узнает о том, что и как произошло с этим человеком» .

Наверное, один из витязей все-таки не сумел сохранить этой тайны, иначе она не дошла бы до наших времен.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

О самом прекрасном памятнике любви, который когда-либо был воздвигнут в честь русской женщины

В 1170 году престарелая игуменья Полоцкого Спасского монастыря матушка Ефросинья почувствовала, что дни ее жизни подходят к концу. И тогда решила она достойно завершить свой крестный путь, совершить паломничество в Иерусалим, ко гробу Господню.

Со слезами искренней печали восприняли жители Полоцкого княжества решение этой удивительной женщины, которую почитали как святую, ибо украшала она родную землю храмами, как цветами, учила детей их добру, звала людей к миру и справедливости.

Но перед тем как покинуть Полоцк, великой просветительнице довелось стать крестной матерью двум девочкам, новорожденным княжнам. Одна из них была поздним ребенком доброго князя Рогволода Борисовича, который, уступив на склоне лет своих полоцкое княжение самому старшему из сыновей, Всеславу, удалился с княгиней Марией в тихий городок Друцк. В честь крестной-игуменьи девочке дали имя Ефросинья. Другая новорожденная — дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла — получила такое же имя вместе с благословением полоцкой просветительницы, которая предсказала девочке беспокойную юность и жизнь, полную духовных преодолений. Эта крестница Ефросиньи Полоцкой вошла в историю под именем Ярославны, героини «Слова о полку Игореве». С нею связана величайшая тайна неизвестного поэта, автора самого искреннего и страстного произведения древнерусской литературы.

Полоцкая святая не ошиблась в своих предсказаниях. Уже самое раннее детство Ярославны проходило на фоне драматических событий, произошедших в ее семье. Девочке едва исполнилось три года, когда случился разлад между родителями, и мать ее, княгиня Ольга Юрьевна, вместе со старшим братом княжны, Владимиром, и верными боярами покинула Галич и уехала в Польшу. Князь Ярослав не препятствовал этому, но маленькую дочь оставил при себе. Причиной разъезда супругов стало возмутительное с точки зрения их современников поведение галицкого правителя, который нарушил клятву верности, данную им Ольге Юрьевне перед алтарем, и завел себе новую возлюбленную, женщину из простых. Разлучницу звали Настасьей, она была очень хороша собой и безумно смела в своей любви. Родив сына Олега, она добилась от Ярослава признания его в равных правах с законным наследником, Владимиром. После отъезда из

Галича Ольги Юрьевны князь взял Настасью к себе в терем, где и жил с нею уже как с супругой. Изумленные галичане объявили дерзкую колдуньей, опоившей их господина приворотным зельем.

Восемь месяцев женщина «подлого сословия» занимала место законной княгини. И эти восемь месяцев остались в памяти девочки Ярославны как время искреннего непонимания и каждодневной обиды на ту, что отобрала у нее мать.

Впрочем, горожане не собирались долго терпеть такой позор. Они сговорились против ошалевшего от любви князя и однажды, обезоружив его и силой заперев в гриднице, схватили «наглую Настаску». На требование под страхом смерти подписать грамоту, где говорилось, что сын ее был прижит вовсе не от князя, но от неизвестного отца низкого происхождения, галичане получили гордое и решительное «нет». И тогда они кинули смелую женщину в костер.

Избавившись от «ведьмы», галичане тут лее послали за княгиней Ольгой Юрьевной. Князю Ярославу вернули свободу, однако сначала заставили торжественно пообещать впредь жить с женой по совести. Но это вовсе не значило, что «колдовские чары Настаски слетали с глаз князя». Просто Ярослав Осмомысл опасался за жизнь сына Олега и потому смирил свою гордыню перед подданными и нелюбимой супругой. Конечно, после таких событий он был фактически отстранен боярами от правления, которое перешло в руки княгини. Впрочем, судьбу своих детей, Владимира и Ефросиньи, Ольге Юрьевне решать не довелось. Она умерла в 1181 году.

Ярославну отдавал замуж по своему разумению отец. Под венец княжна пошла в 1184 году, четырнадцатилетней. Мужем крестницы Ефросиньи Полоцкой стал князь Новгород-Северский, владетель Гомельский Игорь, сын Святослава Ольговича Черниговского и новгородки Катерины Петриловны. Впрочем, к моменту своего сватовства ни матери, ни отца у него в живых уже не было. Сам же жених достиг тридцатичетырехлетнего возраста, был вдовцом и имел взрослого сына от первого брака. Сын этот, княжич Владимир, на целый год был старше самой Ефросиньи.

Династические браки редко приносили счастье людям. Юная Ефросинья еще только училась любить и настоящего чувства не знала. Быть может, на печальном примере судьбы родителей отождествляла она в уме своем любовь с благопристойностью семейных отношений. Страсти истинной, нежности и обожания, пылких признаний она от мужа не ожидала и не требовала в силу своей неопытности. Игорь в свою очередь тоже не мог серьезно относиться к своей жене-девочке. Он целиком посвятил себя делам княжения, то есть политическим и

военным интригам. Будучи настоящим сыном своей эпохи, Игорь Новгород-Северский еще и до женитьбы на Ярославне принимал участие во многих междоусобных выступлениях, внося еще большую путаницу и неразбериху в и без того сложные взаимоотношения русских князей. И неприятно удивил и Киев, и Чернигов своей дружбой с хитрым и энергичным половецким ханом Кончаком, с которым неоднажды ходил он в походы в качестве союзника.

Хан Кончак был неординарной исторической личностью с интересной судьбой. Легенда повествует, как разбитые Владимиром Мономахом половцы были вынуждены покинуть славянские степи и спасаться за Доном. Судьба загнала одного из них, по имени Отрок, аж в Грузию. Спустя годы из русских земель прибыл к нему посланный его родным братом, ханом Сырчаном, бродячий певец и передал послание, где были такие слова: «Владимир умер уже, пойди, брат, в землю свою».

Но не захотел Отрок возвращаться, ибо обжился уже на новом месте. Напрасно посланец пел для него самые прекрасные из песен половецких, пересказывал самые чудные предания, хан Отрок лишь головой печально покачивал. Тогда певец достал из своей походной сумки засушенную траву-полынь, принесенную им из славянских степей. И вдохнув ее горький аромат, заплакал хан Отрок и сказал: «Лучше в своей земле костьми лечь, нежели в чужой славным быть». И вернувшись на родину, родил тут сына и назвал его Кончаком, образовав имя это от славянского слова «конец» — ибо в славянских степях был истинный конец пути для хана Отрока.

А Кончак, повзрослев, стал мстить Киеву за обиды отца. И презирал он русских князей за то, что нет между ними дружбы и согласия, и лишь Игоря Новгород-Северского называл другом, считая, что тот близок ему духовно и так же, как он сам, смел и независим. Эти двое однажды решили, что породнятся. И стала дочь Кончака, Свобода, нареченной сына Игоря, Владимира.

Кончак был частым гостем в тереме Новгород-Северского князя ив 1184 году, когда Игорь ввел туда молодую хозяйку Ярославну. Тем большее недоумение должно было вызвать у Ефросиньи событие, произошедшее вскоре. В 1185 году Игорь вместе со своим младшим братом Всеволодом Курским и юным сыном Владимиром идет в поход на Кончака.

С причинами этого похода действительно до сих пор не все ясно. Официальные источники, то есть летописи, утверждают, что сначала на половцев двинулся со своей дружиной и при поддержке воинства многочисленных вассалов сам Великий князь Киевский Святослав

Всеволодович. Игорь и его ближайшая родня от участия в походе отказались, что было, впрочем, вполне объяснимо, учитывая дружбу Новгород-Северского князя с Кончаком. Но когда Святослав вернулся из похода с победой и богатой добычей, Игорь в разговоре с братом Всеволодом, якобы, стал жалеть о своем отказе.

— Разве мы уже не князья? — закончил внезапно он свои речи. — Добудем и мы себе такой же чести.

На самом деле трудно представить себе ситуацию, когда нормальный человек, узнав о том, что его лучшего друга и почти что родственника разбили и ограбили другие, начинает горевать о том, что сам он не участвовал в этом ограблении. И скорее всего между Кончаком и Игорем именно в это время произошло какое-то досадное недоразумение, о котором умалчивают и летописцы, и они сами.

Как бы там ни было, но 23 апреля 1185 года Игорь повел своих ратников на смертельный бой с Кончаком. Перед самым выходом войска за стены города случилось солнечное затмение. Среди бела дня на землю опустилась кромешная мгла, а потом на небе воссияло сразу четыре (!) солнца. Зловещее предзнаменование, сулящее неудачу, однако князь Новгород-Северский не отменил похода. А зря. Половцы наголову разбили его войско. Сам Игорь, его брат Всеволод и сын Владимир оказались в плену у Кончака.

Когда весть о пленении Игоря доходит до Ярославны, страх и растерянность овладевают этой девочкой-княгиней. Она так и не разобралась в своих чувствах к мужу, а ему, возможно, уже угрожала смерть. Кто знает, что задумают сделать со своим пленником половцы?

И вот тут в судьбы Игоря и Ярославны вплетается судьба еще одного человека, имени которого время, к сожалению, не сохранило. Неизвестный поэт в возрасте от тридцати до сорока лет, высокообразованный, умеющий тонко чувствовать и сопереживать, оказался в эти тяжкие для Ярославны дни рядом с нею. Он описал отчаяние и слезы юной княгини в поэме, признанной потомками шедевром XII столетия. Впервые в древнерусской литературе было уделено такое пристальное внимание женщине. Впервые с таким обаянием и тактом читателю был показан духовный мир княгини нежной, доброй, страдающей. Трудно не понять то, что за строками хрестоматийного «Плача Ярославны» скрыто глубокое и сильное чувство мужчины к той, кого он выбрал героиней своего произведения. Чувство, которое он таит от всех и в первую очередь от нее.

«Взлелей, господине, ладу мою ко мне!» — эти слова, вложенные автором «Слова о полку Игореве» в уста Ярославны — не ее слова. Ибо

Ярославна пока еще не умеет любить, она лишь глубоко сочувствует Игорю и жалеет его. Это — страстная молитва самого поэта, который просит высшие силы о любимой женщине. И как-то даже не поддается сомнению мысль о том, что именно этот безымянный для нас, но добрый, сильный и страстный человек стал тем, кто поддержал в тяжелое время хрупкую юную княгиню Новгород-Северскую.

Многие поколения исследователей пытались разгадать загадку: кем же на самом деле был этот человек, подаривший миру бессмертное творение? Откуда он взялся? В какой земле родился? В Киевской? Владимирской? Галицкой?

П. Семенов, исследователь XIX столетия, в своей книге «Живописная Россия» отмечает, что автор «Слова о полку Игореве» как ни одно иное княжество знает Полоцкое. Его историю и географию. «Поэт знаком не с одними городами Беларуси, — пишет Семенов, — он величает Полоцкую «Софию», но он знает и старых богов, которые жили в памяти народа, хотя уже и христианского... А эти боги так долго властвовали в Беларуси, да и теперь не совсем далеки народу».

Современный историк И. Шклярский безоговорочно поддерживает своего коллегу из прошлого, говоря о том, что автор «Слова» — полочанин.

Белорусские корни прославленной поэмы усматривают и другие исследователи славянской старины. Но автора они ищут совсем в ином направлении, а именно в Туровском княжестве.

«Многие исследователи находят аналогию в литературных приемах известных произведений Кирилла Туровского и автора «Слова»,— пишет Б. Зотов. С. К. Шамбинова уточняет: «Пластичность военной повести Кирилл перевел на духовную аллегорию... Приемы изложения Кирилла очень близки к «Слову о полку Игореве». Внимательному исследователю очевидно: «проявление поэтического видения, склонность к историческим примерам и аналогиям, использование прямой речи, употреблению аллегорий, обращений к силам природы — все это, чем ярко отличается «Слово о полку Игореве», характерно для произведений Кирилла Туровского — епископа, просветителя, писателя». И очень возможно, что всемирно известный литературный шедевр имеет конкретного автора, которым мог быть не менее прославленный просветитель прошлого, выдающийся сын Беларуси Кирилл Туровский» .

Увы, и первая, и вторая гипотезы при более близком рассмотрении вызывают недоумение. Да, автор «Слова» стилистически очень близок к Кириллу Туровскому. Но в отличие от него он — светский человек, хорошо знакомый с воинским делом, не боящийся Божьей

кары при поминании языческих богов, предрассудков и магических действий, да к тому же еще и влюбленный мужчина! Да, он очень хорошо знает историю и славы, и бедствий Полоцка, но его язык сильно отличается от северного кривичского говора, изобилуя при этом характерными южными диалектами. Да и то, как обосновать присутствие полочанина либо туровца при дворе Новгород-Северских князей? Случайностью? А почему бы не предположить, что автором известной поэмы восточнославянского средневековья был один из белорусских подданных князя Игоря и Ярославны? Ведь они были также владетелями древнего Гомеля. Почему бы именно Гомелю не оказаться родиной великого поэта? В Гомеле было свое боярство, своя воинская знать. Люди этих сословий были достаточно образованны для того, чтобы поклоняясь звезде епископа-писателя Кирилла Туровского, подражать ему в своем письме. Связи их с Полоцком тоже вероятны — через браки и родство. Воин-гомельчанин, сын местного воеводы, по матери происходивший из Полоцка, мог, например, одинаково хорошо знать и гордиться историей и своей земли, и Полоцкого княжества. Быть может, искалеченный в боях в молодости и потому лишенный возможности заниматься делами ратными и далее, человек этот стал совершенствовать иные свои таланты. И открывшийся всем вдруг прекрасный поэтический дар заставил князя Игоря взять его в качестве певца-баяна в свой терем. Имея приказ воспевать все деяния своего господина, человек этот и создал как своеобразный социальный заказ поэму «Слово о полку Игореве».

Да только вложил в нее гораздо больше, чем ожидалось его заказчику — а именно свою великую, невозможную, чистую и целомудренную любовь к юной княгине Ярославне. По сути, он воздвиг своей возлюбленной памятник, поставив на постамент в жестоком мире, изобилующем яркими картинами несправедливости, кровавых усобиц, войн, княжеской гордыни, коварства и предательств, ее хрупкую, одинокую беззащитно-прекрасную фигурку, противопоставляя ее чистоту и духовную красоту всему иному, нестоящему и пошлому. И при этом он не позволил себе никак иначе выдать свои чувства Ярославне. Не захотел тревожить любимую женщину ни тогда, когда она долгими бессонными ночами вглядывалась в темноту, пытаясь выделить в ней силуэт мужа, ни тогда, когда ее Игорь неожиданно вернулся, бежав из половецкого плена. Потому что понял, его Ярославна сможет быть счастливой с мужем. Она так искренне была рада его возвращению. Ей казалось, что она, в конце концов, поняла, что такое любовь.

Это была, конечно, иллюзия. Но иллюзия приятная. Игорь, который стосковался по дому, был ласков и нежен с юной женой. Их семейная жизнь наладилась. Кончак примирился с Новгород-Северским князем, женив на своей дочери Свободе не сумевшего бежать вместе с отцом Владимира. Ярославна родила Игорю пятерых детей. Умерли князь и княгиня в один и тот же, 1202 год.

Поэт, имени которого не сохранило для нас время, видимо, никогда не жалел о своем молчании. Не этим ли объясняется анонимность поэмы? Неясной тенью находился он до конца рядом с любимой женщиной, тихое семейное счастье которой осталось незамутненным греховными мыслями и угрызением совести. И, наверное, посвятил и ей, и ее мужу, и их детям еще немало высоких поэтических строк. Кто знает, может быть, мы еще найдем что-нибудь из них.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

О том, как в Полоцке зазвонил вечевой колокол

Увлекшись событиями, которые происходили в иных древнерусских княжествах, мы надолго оставили свое повествование о Полоцке, самом, видимо, древнем из городов Беларуси. Тем не менее, конец XII — начало XIII столетия были тут довольно богаты событиями.

Первым потрясением для современников был неожиданный отказ в 1162 году доброго князя Рогволода Борисовича от полоцкого престола в пользу сына Всеслава. Впрочем, полочане были сами виноваты в том, что потеряли государя-праведника. Не сумев оценить достоинств Рогволода и пользуясь его долготерпением и склонностью прощать, полоцкие бояре возомнили, что имеют власть помыкать князем и приказывать ему поступать по-своему. Но Рогволод Борисович отнюдь не желал признавать над собою власть кичливых подданных. И тогда бояре возложили на князя «многие вины», и в 1151 году решением вече схватили его и отправили в Минск, где, по словам летописца, «держали в великой нужде». Себе же взяли одного из сыновей Глеба Минского, Ростислава.

Но в 1158 году Рогволоду удалось освободиться из места ссылки, и его охотно приняли к себе жители города Друцка, которых возмущало то, как поступили с князем-праведником полочане. Говорят, навстречу Рогволоду из Друцка выехало более трехсот лодок. «Мы рады тебе, — говорили горожане, — если придется, станем биться за тебя и с детьми».

Чтобы усадить на свой престол Рогволода Борисовича, жители Друцка прогнали сына Ростислава Глебовича, юного и неопытного Глеба, назначенного сюда своим отцом, как только тот пришел к власти в Полоцке. Узнав об этом, Ростислав немедленно пошел с войском на дерзкий город. Но друччане, уверенные, что находятся под защитой самих небес, ибо благоволили святому человеку, легко отбились.

Тогда полочане, переменчивые в своих решениях и непостоянные, сговорились выгнать Ростислава и вернуть себе Рогволода. И они послали ему покаянное письмо: «Князь наш! Согрешили мы перед Богом и перед тобою, что встали на тебя без вины, именье твое и дружины твоей все разграбили, а самого схватили, выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебе сделали своим безумием и поцелуешь к нам крест, то мы твои люди, а ты наш князь».

Добрый Рогволод все простил и согласился вериться в Полоцк, откуда, узнав про измену, уехал Ростислав. Но долгожданного мира и спокойствия это не принесло. Полочане, опасающиеся теперь мести сыновей и внуков Глеба Минского, которых они в лице Ростислава, получается, обидели, стали подбивать Рогволода Борисовича на походы против племянников, которые, кстати сказать, успели за время его ссылки позанимать почти все более-менее крупные города княжества, прогнав оттуда его сыновей.

И Рогволод ходил с войском на Изяславль, потом на Минск, в конце концов, в 1162 году — на Городец. Но в последний раз удача отвернулась от него, и войско полочан потерпело серьезное поражение, после чего Рогволод, виня себя за гибель стольких людей и вообще питая отвращение к тому, чем вынуждали его в последнее время заниматься подданные, принял решение в Полоцк более не возвращаться. Он уехал к любезным его сердцу друччанам, предложив полоцкому боярству замену — своего сына Всеслава. Впрочем, и в Друцке Рогволод Борисович не пожелал быть повелителем. Он добился того, чтобы престол тут перешел в руки его другого сына, Глеба, а сам при нем счастливо и спокойно доживал свой век.

О том, как княжил в Полоцке сын Рогволода, сведений в летописях сохранилось до обидного мало. Мы знаем лишь, что Всеслав, как ранее и отец его, был принужден полочанами воевать с Глебовичами, и что в этом помогали ему смоляне, так как он был женат на смоленской княжне.

Наверное, далеко не всем боярам вольного Полоцка нравилось это сближение их правителя со Смоленском, а, может, были и какие-то иные причины, но только где-то в самом конце шестидесятых годов XII столетия или же в начале семидесятых они вдруг взбунтовались и велели князю покинуть их. Сами же пригласили к себе троюродного брата Всеслава, Бориса Давидовича. Кто бы мог подумать, что этот выбор повлечет за собой новые потрясения для Полоцка и его жителей!

Борис Давыдович на момент его приезда в Полоцк был вдов, и он поспешил жениться во второй раз. Молодая супруга его, именем Свентослава, дочь поморского князя Казимира, по свидетельству летописца, была «прекрасной и хитрой». Полностью взяв в свои руки мягкосердечного и нерешительного супруга, она готова была руководить им не только в семейных делах, но и в делах державных. И это сразу насторожило полочан. Тем более, что Свентослава (или Святохна, как сразу же ее тут стали называть), формально приняв православие, в душе оставалась искренней преверженкой католи-

чества и таковым, видно по всему, решила воспитывать своего маленького сына. Этот ребенок, нареченный при рождении именем Владимир, по требованию матери назывался окружающими не иначе как на «латинский манер», Войцехом.

Впрочем, у князя Бориса имелось еще два сына от первого брака, Вячеслав и Всеволод. Смелые и смышленые юноши эти так понравились подданным их отца, что те окружили их своей заботой и любовью. Может быть, именно это обстоятельство возбудило яростную ревность княгини, которая стала делать все возможное, чтобы отдалить князя Бориса от этих его детей. Она постоянно наговаривала на юношей, обвиняя их то в непочтительности, то в ленности, то в злоумышлении против нее и ее ребенка. И иногда князь Борис верил, ополчась на Всеволода и Вячеслава, а иногда гневался на княгиню, в которой напрасно хотел увидеть добрую мать для своих сирот.

Тогда Святохна стала вести себя как можно более осторожно. Она вошла в доверие к приятелям княжичей, через которых стала внушать им мысль о необходимости покинуть Полоцк, где у них не сложились отношения с мачехой.И хотя верные бояре Бориса и не советовали юношам этого делать, Всеволод и Вячеслав, напуганные слухами, что Святохна вознамерилась отравить их, выпросили у отца дозвола на княжение в Двинских землях, удаленных провинциях Полоцкого княжества.

Так Святохна временно избавилась от пасынков. Но на этом ее план не оканчивался. Для дальнейшего успешного его проведения в жизнь необходимо было отдалить от мужа и верных ему бояр. Умело используя свои незаурядные артистические способности, княгиня без особенного труда очернила перед Борисом Давыдовичем нескольких наиболее влиятельных полочан. Князь отказался от их советов и услуг. Но они не сдались так просто и на улицах Полоцка стали открыто высказываться против Святохны, которая задумала взять власть в свои руки. В народе начало зреть недовольство. Полочане потребовали от князя укротить жену и вернуть старших княжичей.

Поняв, что в этой ситуации надо действовать более решительно, Святохна пишет фальшивое письмо от имени своих главных врагов — тысячника Семена, посадника Воина и ключника Добрыни. Письмо она адресует юным Вячеславу и Всеволоду, но не посылает им, а подстраивает так, чтобы фальшивка эта попала в руки князя. На пиру, расслабленный и хмельной, Борис Давыдович получает в руки «случайно перехваченное послание» и от неожиданности немеет. В письме призыв к княжичам сместить отца, занять его престол, и убить мачеху вместе с ее малолетним сыном...

Святохна немедленно требует призвать к ответу авторов письма, и их тут же приводят пред очи Бориса Давидовича.Князь вопрошает, и обвиненные в измене довольно смело и логично отметают все возведенные на них наветы. Тогда, опасаясь, что ее врагам удастся оправдаться, княгиня подает условный знак своим людям, которые тут же нападают на безоружных и рубят их мечами.

Расправа над лучшими мужами Полоцка поразила горожан. Далеко не все поверили в их виновность, равно как и в причастность сыновей князя, и потому Всеволод с Вячеславом получили одновременно несколько писем от доброжелателей, которые поведали им о случившемся и посоветовали скорее вернуться в Полоцк, остерегаясь, впрочем, отравы, которой готовится извести их мачеха.

И Всеволод немедленно отправился к отцу, чтобы оправдаться перед ним и обвинить Святохну. Как только он въехал в Полоцк (было это в день святого Спаса), горожане ударили в вечевой колокол. Они накинулись на приверженцев Святохны и перебили их, потом гнев полочан настиг и саму княгиню. Ее схватили и заперли в курной затопленной бане, где, вероятно, она и погибла, задохнувшись в дыму.

Что же касается князя Бориса, безвольного и нерешительного, полочане его хотя и не обидели, но более не захотели видеть своим правителем. И они вернули к себе Всеслава Рогволодовича, который уже готов был смириться со своей участью и начал обосновываться в Витебске.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

О том, как три брата обороняли родную землю от крестоносцев

Обидно, но проследить судьбу князя Бориса после того, как полочане отказали ему в своем доверии, по скупым летописным сообщениям не представляется никакой возможности. Доподлинно известно лишь, что двое старших его сыновей, Всеволод и Вячеслав (или Вячка, как ласково поминают его в письменных свидетельствах современники), с соизволения полоцкого боярства так и остались князьями Двинских городов-крепостей, Герцики и Кукейноса. А в 1186 году, по странной ли прихоти местного люда или, может, в силу необходимости, в Полоцк был призван на княжение подросший и возмужавший младший Борисов сын, Владимир. К тому времени он был уже крещен в православие, но женою Владимира по иронии судьбы оказалась католичка, полька, быть может, не менее себялюбивая и амбициозная, чем была в свое время его мать Святохна.

Молодой князь хотел предстать в глазах своих подданных человеком лояльным в делах вероисповедания, одинаково чтящим и православие, и католичество, не зная, что веротерпимость в тех условиях, в которых дано было ему судьбою править, неизменно ведет его в ловушку, из которой сложно будет выбраться.

Не успел Владимир вокняжиться, как в Полоцк приехал немец, монах августинского ордена Мейнард, который смиренно испросил позволения молодого князя проповедовать христианство (конечно же, католический его вариант) в устье Двины среди язычников-ливов, которые были данниками Полоцка. Супруга Владимира горячо поддержала миссионерскую инициативу Мейнарда, и полоцкий князь дал согласие и даже послал вслед тихому и кроткому проповеднику богатые дары, не разглядев сразу того, что «за крестом миссионера идет меч завоевателя», тот самый меч, от которого падет и он сам.

Белорусский исследователь М. Ермолович пишет: «Деятельность Мейнарда, хотя и протекала целое десятилетие до самой его смерти в 1196 году, не была успешной, так же, как и его последователя Бертольда, убитого язычниками в 1198 году. И только с начала деятельности епископа Альберта особенно явно выявилась немецкая угроза для Полоцка. Именно им в 1201 году была возведена в устье Западной Двины крепость Рига».

А в 1202 году Альберт с согласия папы римского основал новый Орден крестоносцев — Орден меченосцев. Под стяги Ордена начали

стекаться жестокие, алчные до наживы люди. Именем Христа они готовы были грабить, убивать, разрушать.

Обеспокоенный Владимир посчитал, что ему следует немедленно продемонстрировать свою силу Альберту. В 1203 году он внезапно появился перед немецкой крепостью Укскулем и осадил ее. Рыцари, которые не были готовы к борьбе, посчитали за лучшее откупиться. Сняв осаду, полоцкий князь направился осаждать другой замок Ордена, Гольм, но епископ Альберт, оповещенный гонцом из Укскула, успел послать туда подкрепление. Полочане, неся ощутимые потери, отступили. Вскоре, прослышав о том, что местное население, ливы, подняли против рыцарей восстание, Владимир, посадив свое войско на ладью, приплыл по Двине на помощь и окружил Гольм. Но рыцари, имевшие камнестрельные машины, успешно отбивались от нападавших, ожидая прибытия подкрепления, датчан на кораблях.

После такой неудачи ливы более не сопротивлялись Альберту и согласились креститься и признать своим господином папу римского. Крестоносцы отпраздновали победу и обратились мысленным взором уже к славянским городам.

Первой жертвой рыцарей Альберта стал в 1207 году город князя Вячки Кукейнос. Вячка сам отдал приказ сжечь его, ибо знал, что отстоять, защитить от врагов не сможет, ибо силы были неравны. Но поклялся отомстить крестоносцам за гибель Кукейноса, и судьба в дальнейшем предоставила ему такую возможность.

В 1224 году Вячка, уже будучи служилым князем в городе Юрьеве (теперь Дерпт), куда пригласили его местные жители, зная его отвагу и силу его меча, держал оборону против орденских братьев. Множество рыцарей нашло свою смерть тут от его руки. Юрьевом крестоносцы овладели только тогда, когда храбрый Вячка пал мертвым и в живых не осталось ни одного защитника.

Впрочем, не будем забегать вперед. Расправившись с Кукейносом, в 1209 году меченосцы нанесли удар по Герцике, где князем сидел второй брат Владимира Полоцкого, Всеволод. Альберт напал внезапно, организовать оборону города было уже невозможно. Всеволод успел только запрыгнуть в лодку и вместе с верными людьми переправиться через Двину. Но спасение не радовало — любимый город был полностью разграблен, с церквей посбрасывали колокола, вынесли образа, опоганили святыни. Его подданных, мирных горожан, рыцари убивали, насиловали, брали в плен. Самым страшным ударом для Всеволода было то, что в плен попала и княгиня, красавица-литовка, которую он нежно любил. И он ничем не мог ей помочь. Наблюдая с другого берега Двины за гибелью города, который

грабители-рыцари подожгли, князь рыдал, восклицая: «Герцика, Герцика! Любимый город, дорогая моя вотчина! Довелось увидеть мне, несчастному, сожжение моего города и гибель людей моих!»

Потрясенный Всеволод решил отдать себя в руки меченосцев, чтобы ценой своей жизни вызволить любимую жену и, возможно, других пленных. И он поспешил в Ригу.

Торжествующий Альберт заставил своего противника выпить до дна чашу позора и унижений. Сначала от князя потребовали назвать епископа своим отцом, после — всех рыцарей Ордена — братьями. Он должен был обещать, что передаст навечно в дар Ордену свое княжество, согласившись лишь на роль наместника. Альберт надеялся также на то, что Всеволод будет шпионить за русскими князьями и вождями литвы, племени, соседствующего с полочанами. Всеволод согласился на все условия и подписал подготовленные крестоносцами грамоты. Жену ему вернули.

Однако князь не думал так просто покориться. Он собрал вокруг себя уцелевших подданных, отстроил наново Герцику, укрепил городские стены и обратился к брату, Владимиру Полоцкому, чтобы вместе с ним обнажить мечи против ненавистного Альберта.

Но Владимиром в это время владели совсем иные мысли. Его жене-католичке удалось уверить мужа, что борьба против рыцарей успешной быть не может, ибо они слишком сильны и могущественны. Полоцкий правитель уже искал возможность уладить с Альбертом дело миром, попытаться выторговать как можно больше выгод для себя. В 1213 году Владимир договорился с рижским епископом о встрече в Герцике, и Всеволод вынужден был, скрепя сердце, принимать их у себя. В результате переговоров полоцкий князь подписал грамоту, согласно которой уступал Альберту всю Ливонию с условием союза против Литвы и свободного плавания по Двине.

Разочаровавшись в брате, Всеволод сразу же после его отъезда поспешил договориться с литовцами, которые поддержали его стремление бороться с крестоносцами до конца.

Когда в 1214 году рыцари Альберта, которых он поселил уже в Кукейносе, узнали об этом, они сначала стали настойчиво требовать от Всеволода предстать перед очами епископа в Риге и дать ответ, а потом вновь напали на его город. Всеволода в это время в Герцике не было. В окрестностях города крестоносцы поймали местного жителя и заставили его, заговорив с часовым, уверить того, что это возвращается домой компания горожан. Так рыцари проникли за крепостные валы. Они вволю натешились, грабя горожан, но дальше в своей мести не пошли, думая, что их набег образумит Всеволода. Впрочем, уже

в самое ближайшее время стало ясно, что князь Герцики не испугался и вовсе не собирается с повинной ехать в Ригу. Тогда рыцари вновь собрались в поход на Герцику. Узнавший об этом Всеволод позвал на помощь литовцев, но их помощь опоздала. Крестоносцы ворвались в город и предали его огню. Союзники Всеволода попробовали вступить в бой с рыцарями, когда те уже возвращались домой после расправы с непокорным князем. Однако крестоносцы, видя численное преимущество противника, от стычки уклонились.

Всеволод и его супруга сумели спастись от мечей орденских братьев. Они вынуждены были искать прибежища за пределами Полоцкого княжества. Еще десять лет, продолжая именовать себя князем Герцики, Всеволод искал возможности вернуть свое княжение. Только в 1224 году он понял, что все его попытки обречены на неуспех, и согласился на предложенный ему рыцарем Конрадом фон Меендорфом компромисс: передал этому крестоносцу половину княжества Герцика в качестве лена. После этого, получив моральную и денежную поддержку Конрада, отправился на поклон к папскому легату, где добился «прощения». Рыцари настояли, чтобы Всеволод отдал свою единственную дочь замуж за одного из них, и после смерти князя завладели его княжеством уже целиком на законных основаниях, согласно наследственному праву.

А что же Владимир Полоцкий? Ему не довелось дожить до этого времени. В 1216 году в Полоцк прибыли эсты, которые предложили ему, после падения Герцики растерянному и не знающему, как далее ему жить в мире с Альбертом, стать их союзником в борьбе, выступить со своим войском на Ригу. Когда полоцкие рати, звеня оружием, покидали город, Владимир направил своего коня к боевой ладье, одной из тех, на которых предполагалось переправить ратников к Риге. Но внезапно остановился, зашатался и упал на землю. Подбежавшие к нему дружинники поняли, что князь мертв.

Современники считали, что князь был отравлен сообщниками крестоносцев, которым таким образом в самый последний момент удалось сорвать поход на Ригу.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

О том, как монахиня исповедовала своего бившего мужа

Младшая дочь Полоцкого князя Рогволода Борисовича Ефросинья, названная так в честь крестной матери Ефросиньи Полоцкой, родилась в последний год жизни своего престарелого отца. Ей суждено было стать последней тихой радостью отошедшего от дел правления на покой праведника. Воспитанная в любви к добру, стремлении познать Божью истину, она в самой юности уже показала себя достойной стать восприемницей дел святой Ефросиньи. Но судьбою дано было ей идти к своему предназначению еще долгие годы, познав в полной мере и все жестокости, и все разочарования этого мира. Мы не будем рассуждать на тему, зачем Небеса посылают добрым и возвышенным людям самые тяжкие испытания, мы просто расскажем о том, как Ефросинья Рогволодовна шла к Богу через мучительную любовь к человеку недостойному, своему мужу Ярославу Владимировичу.

Известно, что Ярослав, князь Новгородский, стал вторым мужем рано овдовевшей и потому бездетной Ефросиньи. Но имени первого ее мужа летописи, к сожалению, не сохранили. Неожиданное брачное предложение князя Ярослава смутило покой почти тридцатилетней Ефросиньи, полагавшей уже, что жизнь не уготовила ей иной участи, как затвориться в монастыре.

Жених оказался необыкновенно пригож, статен, как и она сама — вдов и бездетен, что сразу расположило к нему Рогволодовну. Но самое главное: он умел уговаривать. Он был так красноречив, изъясняя свои чувства и желания. Что долго говорить — она поверила в возможность любви и счастья. И согласилась на брак.

Увы, разочарования начались уже в первые годы совместной жизни. Брак с Ефросиньей, оказалось, был для Ярослава лишь династическим союзом с Полоцком. Очень скоро муж стал неласков к ней и раздражителен. Так предстояло им прожить рядом пятнадцать лет.

Летописи, которые упоминают о Ярославе, дают нам возможность представить себе, какой противоречивой личностью был князь. Приглашенный на княжение в Новгород, еще за несколько лет до женитьбы на Ефросинье, он участвовал в качестве верного союзника полочан в их походах на «дикую Литву». Но потом новгородцы, как всегда своевольные и бесцеремонные, отказались от Ярослава и прогнали его.

Вместе с Ефросиньей Рогволодовной Ярослав подался в Псков, где княжил его отец, Владимир Мстиславич. И там жили они, надеясь

на лучшее будущее, ибо Ярослав полагал, что после смерти отца получит в наследство Псков. Но обстоятельства сложились иначе.

В 1213 году псковичи изгнали Владимира за то, что тот дочь свою, Ярославову сестру, выдал замуж «в немцы», то есть за родного брата рижского епископа Альберта, Теодориха.

То, что нам кажется непонятным, объясняется очень легко, если принять во внимание одно обстоятельство. Владимир Псковский сам был женат на ближайшей родственнице Альберта, его племяннице. Крестоносцы часто появлялись в его тереме в качестве гостей и неоднократно пытались переманить князя на свою сторону. Отказ псковичей своему князю в гораздо большей степени вызывало опасение, что он побратается с хищными рыцарями окончательно и сдаст им Псков, чтобы те устроили здесь свой форпост, чем обстоятельства семейной жизни Владимира.

Полагая, что Полоцк поможет им в беде, Владимир и Ярослав направились сначала туда, но встретили в этой столице кривичей довольно холодный прием. Тогда Владимир Мстиславич подался в Ригу, где был обласкан Альбертом. Спустя некоторое время он получил место фохта в одной из ливонских провинций.

Ярослав продолжал находиться на Руси, пытаясь расположить к себе псковичей, но, увы, популярностью у горожан он не пользовался, и все его старания пропадали напрасно. И тогда князь, сам не понимая как, сделал первый шаг к измене своему народу. Он бросил свою княгиню, которая не могла оправдать поступок мужа, в Пскове и подался к немецким родичам.

Ефросинья осталась одна с невеселыми мыслями. Наверное, только искренняя вера спасала ее в это тяжелое время от отчаяния. Все свои сбережения и то, что осталось после Ярослава, женщина отдает на постройку великолепного храма Иоанна Крестителя на реке Великой, а позже и женского монастыря при нем. Она. переселяется из богатого терема в одну из келий, чтобы ждать мужа в чистоте и душевном равновесии. Благотворительность, сострадание, набожность — это то, что очень скоро приносит ей большой авторитет.

Меж тем муж Ефросиньи в Риге был обласкан католическими священниками. Ему обещаны богатство, уважение, власть, если он сменит веру. И Ярослав соглашается. Русский князь становится католиком, за что ему отдают во владение город Оденне. Но мысли о псковском княжении не покидают его.

В 1233 году, после смерти своего отца, Ярослав Владимирович делает попытку завоевать права на псковское княжение с помощью

ливонцев. Попытка оказалась неудачной — псковичи полонили Ярослава и отправили в Переяславль, в ссылку.

Стыд за мужнин поступок не давал покоя несчастной Ефросиньи. Но чем она могла загладить вину Ярослава перед псковичами? Еще больше горечи добавила весть о том, что Ярослав Владимирович сбежал из Переяславля в Ригу, даже не вспомнив о женщине, которая его любила.

Ефросинья решила, что самое достойное в ее положении — удалиться в монастырь. Она постриглась под именем Евпраксии в обитель, построенную ранее на ее деньги. Очень скоро полоцкая княжна стала игуменьей. Всего два года понадобилось нашей землячке, чтобы ее монастырь прославился так же, как монастырь в Сельце, основанный Ефросиньей Полоцкой.

А что же Ярослав? Он без всяких угрызений совести обзавелся новой женой в Риге, немкой вдвое моложе себя. Сосватав эту женщину своему родичу, ливонцы ждали от Ярослава благодарности, и он не подвел своих покровителей — на протяжении нескольких лет участвовал во всех походах рыцарей против Руси.

Пострадал от крестоносцев и Псков, захваченный ими в 1240 году. Монастырь Ефросиньи-Евпраксии был разграблен, сама она едва не рассталась с жизнью. К счастью, русская земля уже имела героя, способного защитить ее. Молодой новгородский князь Александр Невский спас псковичей, нанеся псам-рыцарям сокрушительный удар на Чудском озере.

Старость неумолимо приближалась к игуменье Евпраксии. Но первым почувствовал ее дыхание изменник Ярослав. Через десять лет разлуки он послал гонца к своей бывшей жене с просьбой неотложно прибыть в Оденпе. Старый князь, ощущая приближение смерти, собирался выпросить прощение у обиженной им сверх меры женщины. И кроткая, добрая Евпраксия, искренне поблагодарив за это Бога, отправилась в дальний путь. Она знала, что князь-предатель не может без риска для своей жизни появиться в Пскове и потому шла к нему сама, чтобы, если еще можно, успеть спасти грешную душу.

В Оденпе произошел искренний разговор между бывшими мужем и женой. Но он был тайным, и потому никто не знает, о чем они вели речь. Хочется верить, что Евпраксии удалась ее миссия, если известно, в какой ярости находилась после этой встречи немецкая жена Ярослава. Она подослала своего сына, пасынка Ярослава, чтобы гот убил старую игуменью. Так оборвалась жизнь Евпраксии.

Ефросинья-Евпраксия Псковская, женщина любившая и страдавшая, канонизирована русской православной церковью.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

О том, какой любви достоин настоящий герой

Шел 1239 год. В соборной церкви города Торопца венчают новгородского князя Александра Ярославича и полоцкую княжну Александру Брячиславну. Ярко горят свечи в руках у жениха и невесты, светло и радостно поет церковный хор, рассыпаются калиновым перезвоном колокола на высокой колокольне. Брак равных, брак любящих, брак понимающих друг друга Что может быть лучше?

Немного позже, уже женою, Александра Брячиславна уедет в Новгород, чтобы слиться с этим городом судьбой, прорасти в той земле корнями, оставить в ней след.

Первый год замужества был похож на сладкий сон. Муж окружил ее вниманием и нежностью. Жили молодые в традиционной обители новгородских князей — Рюриковом городище (в нескольких километрах от Новгорода). Каждое утро Александра либо с мужем, либо одна, когда тот был в отъезде, посещала церковь. Часто они вместе выезжали на охоту в окрестные леса. Время от времени молодую семью посещали духовные особы либо кто-то из новгородцев. Князь принимает и купцов, которые приезжают из далеких краев, Те баяли, как обычно преувеличивая, о своих странствиях, о диковинных животных и птицах, о страшных опасностях, которые подстерегали их в дороге. Правда, такие вечера были довольно редки. Александр почти всё время посвящал работе по укреплению западных границ княжества. То руководил строительством крепости на реке Шелони, то укреплял отношения и заключал союзы с угро-финским населением Ижорской земли, то искал пополнения для своей дружины.

Александра не обижалась на мужа. Полочанка, она прекрасно знала, что представляет собой закованная в сталь кавалерия крестоносцев. Она понимала супруга еще и потому, что думала не только о своей семье, но и о тех людях, которые пригласили князя к себе на правление. Довольно скоро молодая княгиня воочию увидела, что деятельность мужа была не напрасной.

На рассвете одного из июльских дней 1240 года дозорные заметили на волнах финского залива многочисленные паруса. Их было почти сто. Прибывший гонец сообщил князю, что вражеские корабли вошли в Неву, поднялись до места впадения в нее Ижоры и остановились. Александр понимал, что подмога ему не поспеет вовремя. Биргер, который руководил шведами, бросил вызов: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже тут и возьму в полон землю твою». Князь со своей дружиной и отрядами новгородцев, ладожан и

ижорцев, соединившимися с ним по дороге, направился навстречу шведам. Он рассчитывал, что может победить только в том случае, если первым нанесет удар.

Битва продолжалась почти до ночи. Уже в темноте прискакали гонцы от Александра с доброй вестью: шведы разбиты. Неожиданный удар конницы молодого князя вызвал панику среди врагов. В то же время пехота новгородцев захватила мостки, по которым неприятель высаживался с кораблей. Способствовало панике среди врагов и то, что князь Александр ранил самого Биргера.

Победителей встречали в Новгороде колокольным звоном и молебном. Князя стали называть заступником, «надёжею», Невским. А княгиня превратилась в жену героя. Она знала, не могла не знать, что это будет значить для нее. Жена героя должна быть достойна его. Скоро судьба предоставила княгине возможность доказать мужу свою верность и преданность.

Рыцари Ливонского ордена захватили Псков. Понимая всю сложность положения, Александр потребовал от новгородского боярства больших денег на подготовку к войне. Но те оказались верны себе: начались ссоры, грызня между группировками. Денег не дали. Александр вынужден был даже уехать от новгородцев, забрав мать, жену, новорожденного сына Василия, весь двор и дружину, и перебрался во владения своего отца, в город Переяслав-Залесский. Разделив с мужем славу в дни радости, Александра делила теперь с ним печаль и людское непонимание.

Очень скоро новгородцы поняли, какую ошибку сделали, отказавшись от услуг Александра Невского, и снова позвали его к себе. Не на пир — на тяжелое ратное дело. Были победы над крестоносцами под Новгородом и Псковом; через два года — великий разгром рыцарей на Чудском озере, который вошел в историю как Ледовое побоище; ряд победных походов на литовцев, которые стали активно вмешиваться в дела славян; налаживание дипломатических отношений с Золотой Ордой. Александр, который был не только полководцем, но и дальновидным политиком, понимал, что ныне сражаться с татарами невозможно. Потому направил все свои силы на то, чтобы предотвратить новое их нашествие на Русь.

А. Нечволодов, автор книги «Сказание о русской земле», пишет, что князь «не щадил себя, он шел на всякие опасности и труды и испил до дна горькую чашу унижений от татар; вместе с тем, он прошел также через ряд самых глубоких душевных страданий, так как зачастую не был понят даже своими близкими и родными».

Возможно, единственной, кто понимал его в эти тяжелые времена, оставалась тихая, скромная жена.

Хорошо зная об Александре Невском, мы, к сожалению, ничего или почти ничего не можем сказать о его спутнице жизни, нашей землячке Александре Полоцкой. Между тем ее жизнь для женщины того времени была довольно насыщенной. Не проходило дня, чтобы в своих молениях Александра не вспомнила защитников русской земли. Она оказывала материальную помощь тем новгородским воинам, которые стали калеками на ратном ноле, утешала вдов, заботилась о сиротах.

Александра была рядом с мужем до самого конца, подарив ему еще трех сыновей — Дмитрия, Андрея, Данилу — и дочь Евдокию. Тяжелые минуты довелось пережить княгине, когда у Александра начались конфликты со старшим сыном Василием. Несмотря на силу материнского чувства, Александра всегда становилась на сторону мужа, признавая его правоту.

В 1263 году Невскому в очередной раз довелось ехать в Золотую Орду. Он «избавы ради христианския» пробыл там больше года. Почувствовав в князе серьезного противника, татары отравили его. Умирающий князь так и не доехал до родного Новгорода. Ни Александра, ни сыновья не успели увидеть его живым.

Оставшись одна, княгиня сделала то, что должна была сделать в ту пору славянская женщина, чтобы доказать свою любовь и верность мужу. Она постриглась в монахини.

Три столетия российские историки спорят по поводу загадки, заданной Александрой потомкам. Во Владимирском Успенском монастыре, в церкви Рождества Христова, находятся три саркофага. Надпись на первом говорит о том, что в нем лежит «Великая княгиня Александра, жена князя Александра Невского». Второй принадлежит их дочери Евдокии. Третий... На третьем значится: «Васса, жена Александра Невского». Что это? Неужели летописцы обманули нас, утверждая, что Александра пережила своего мужа? Неужели некая Васса после смерти красивой полочанки стала второй женой Александра? Но почему тогда надпись на этом саркофаге называет и Вассу дочерью полоцкого князя? Надпись на раке для мощей Александра Невского вообще свидетельствует, что князь «законному браку сочетается со Благоверною Княжною Вассою Полоцкою, от нея же и чада себе рождал и во страхе Божиим питал».

Этого всего, думается, достаточно, чтобы утверждать, что Александра и Васса — одна и та же женщина. Вероятно, княгиня приняла другое имя при пострижении и под ним уже сумела заслужить от

православной церкви эпитет «благоверная». Для чего же понадобились два саркофага? Таким было желание самой княгини. Ей хотелось, чтобы жена Александра Невского не пережила мужа, но наложить на себя руки даже от великого горя — непростительный грех. Поэтому и появляется саркофаг «умершей от горя княгини», а сама Александра, превратившись в сестру Вассу, затворяется в келье.

В XV столетии русский писатель-монах Еразм написал прекрасное, возвышенное произведение о Любови — «Повесть о Петре и Февронии». Главные герои его, муромские князь и княгиня, современники Невского, самоотверженно любили друг друга и, дожив до глубокой старости, вместе постриглись в монастырь. Проведя в благочестии последние свои месяцы, они умерли в один день и упокоились в одной могиле. Как жаль, что автор «Жития святого Александра Невского» не был лириком. Иначе вся Русь зачитывалась бы не менее красивой историей любви Александра и Александры.

Приложение

ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

Великие князья Киевские

882-912	Олег
	имя жены неизвестно
912-945	Игорь Рюрикович
	женат на Прекрасе-Ольге
945-972	Святослав Игоревич
	первая жена — Ильдика Венгерская
	вторая жена — Малуша Древлянская
972-980	Ярополк Святославич
	женат на «грекине» Милолике, болгарке
980-1015	Владимир Святославич
	первая, жена — Аллогия-Олава, варяжка
	вторая жена — Горислава-Рогнеда Полоцкая
	третья жена — «грекиня» Милолика, болгарка
	четвертая жена — Малфрида, богемка
	пятая жена — Адель, моравка
	шестая жена — Анна Багрянородная, византийская царевна
1015-1016	Святополк Окаянный
1018-1019	женат на польской королевне Болеславне
1016-1018	Ярослав Владимирович Мудрый
1019-1054	женат на Ингигерде-Ирине Шведской
1054-1067	Изяслав Ярославич
1069-1073	женат на Гертруде-Елизавете Польской
1077-1078	
1068-1069	Всеслав Брячиславич Чародей
	имя жены неизвестно
1073-1076	Святослав Ярославич
	женат на Оде, графине Штаденской
1077	Всеволод Ярославич
1078-1093	первая жена — Мария Мономах, византийская царевиа
	вторая жена — Ланка-Анна, дочь половецкого хана
1093-1113	Святослав Изяславич
	первая жена — Варвара, византийская царевна
	вторая жена — дочь половецкого хана
1113-1125	Владимир Всеволодович Мономах
	первая жена — Гида Английская
	вторая жена неизвестна
	третья жена — Евфимия
1125-1132	Мстислав Владимирович

	первая жена — Кристина Шведская
	вторая жена — Любава Дмитриевна, дочь новгородского посадника
1132-1139	Ярополк Владимирович
	женат на Елене, ясской княжне
1139	Вячеслав Владимирович
1151-1155	
1139-1146	Всеволод Ольгович
	женат на Агафье Мстиславне
1146	Игорь Ольгович
	имя жены неизвестно
1146-1149	Изяслав Мстиславич
1151-1154	первая жена неизвестна
	вторая жена — литовская княжна третья жена — грузинская княжна
1149-1151	Юрий Владимирович Долгорукий
1155-1157	первая жена — дочь половецкого хана
	вторая жена — Ольга Комнина, византийская царевна
1155	Ростислав Мстиславич
1159-1162	имя жены неизвестно
1162-1168	
1155	Изяслав Давыдович
1157 — 1158	имя жены неизвестно
1162	
1168-1169	Мстислав Изяславич
1169-1170	женат на польской королевне
1169	Глеб Юрьевич
1170-1171	первая жена неизвестна
	вторая жена — дочь Изяслава Давыдовича
1171-1173	Роман Ростиславич
1175-1177	женат на дочери Святослава Ольговича Новгород-Северского
1173	Всеволод Юрьевич Большое гнездо
	первая жена — Мария Чешская
	вторая жена — Любава Васильковна Витебская
1174	Ярослав Изяславич
	имя жены неизвестно
1174,	Святослав Всеволодович
1177-1180,	женат на Марии Рогволодовне Полоцкой
1182-1194	
1180-1182,	Рюрик Ростиславич
1194-1202,	первая жена — дочь половецкого хана
1203-1205,	вторая жена — Анна Юрьевна Туровская
1206,	
1207-1210	
1202, 1214	Ингварь Ярославич

	имя жены неизвестно
1205	Ростислав Рюрикович
	женат на Верхуславе Юрьевне
1206-1207,	Всеволод Святославич
1210-1214	женат на Ольге Глебовне
1214-1224	Мстислав Романович Старый
	имя жены неизвестно
1224-1235	Владимир Рюрикович
	имя жены неизвестно
1235-1236	Изяслав Владимирович
	женат на княжне Агафье
1236-1238	Ярослав Всеволодович
	первая жена — дочь половецкого хана
	вторая жена — Ростислава Мстиславна Смоленская
1238-1240	Михаил Всеволодович
	женат на Романовне, галицкой княжне
1246-1263	Александр Ярославич Невский
	женат на Александре Брячиславне Полоцкой

Полоцкие князья

До 70-х годов X века	Рогволод женат на Изольде, варяжке
987-1001	Изяслав Владимирович имя жены неизвестно
1001-1003	Всеслав Изяславич
1003-1044	Брячислав Изяславич женат на Эстрель Датской
1044-1068, 1071-1101	Всеслав Брячиславич Чародей имя жены неизвестно
1069	Мстислав Изяславич
1069-1071	Святослав Изяславич первая жена — Варвара, византийская царевна вторая жена — дочь половецкого хана
1101-1127, 1127-1128	Борис-Рогволод Всеславич имя жены неизвестно
1127	Давыд Всеславич имя жены неизвестно
1128-1129	Георгий-Святослав Всеславич женат на княжне Софье
1129-1132	Изяслав-Мстиславич первая жена неизвестна вторая жена — литовская княжна третья жена — грузинская княжна
1132-1151, 1159-1162	Рогволод-Василий Борисович первая жена неизвестна вторая жена — Мария Изяславна
1151-1159	Ростислав Глебович женат на Софье Ярославне
1162-?, ?-1186	Всеслав Рогволодович женат на Романовне, княжне Смоленской
несколько лет между правлением Всеслава Рогволодовича	Борис Давидович первая жена неизвестна вторая жена — Свентослава Казимировна
1186-1216	Владимир Борисович женат на польской княжне
1216 — ?	Брячислав Василькович имя жены неизвестно

Туровские князья

До 988	Тур-Федор имя жены неизвестно Владыка Комар женат на Княгине-чародейке
988-1015	Святополк Окаянный женат на польской королевне Болеславне
До 1052	Изяслав Ярославич женат на Гертруде-Елизавете Польской
1078-1087	Ярополк Изяславич женат на Кунигунде-Ирине Германской
1088-1093	Святополк Изяславич первая жена — Варвара, византийская царевна вторая жена — дочь половецкого хана
1125-1132, 1134-1142, 1142-1146, 1147-1150	Вячеслав Владимирович
1132-1134	Изяслав Мстиславич первая жена неизвестна вторая жена — литовская княжна третья жена — грузинская княжна
1142, 1154	Святополк Всеволодович женат на Марии Рогволодовне Полоцкой
1146	Ярослав Изяславич имя жены неизвестно
1150-1151	Андрей Юрьевич Боголюбский первая жена — Улита Кучковна вторая жена — ясская княжна
1156-1157	Борис Юрьевич женат на княжне Марии
1157-1167	Юрий Ярославич женат на Всеволодовне, городокской княжне
1167-1190, 1195-1207	Иван Юрьевич имя жены неизвестно
1190-1195	Глеб Юрьевич женат на Ростиславне, смоленской княжне

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерки по истории Советской Белоруссии в IX —XIII веках. М. 1966.
Аповесць жыцця і смерці святой і блажэннай і найпадобнейшай Еўфрасінні, ігуменні манастыра святога Спаса і Найсвяцейшай Ягонай Маці, што ў горадзе Полацку. Блаславі, Ойча! В кн.: Кніга жыцій і хаджэнняў. Мн., 1994.
Арлоў У. Еўфрасіння Полацкая. Мн., 1992.
Арлоў У. Таямніцы полацкай гісторыі. Мн., 1994.
Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР от новейших времен до конца XVIII века. М., 1946, Ч. I.
Багадзяж М. Кірыла Тураўскі. В сб.: Праз смугу стагоддзяў. Мн., 1993.
Богодяж Н. Князь-защитник. О граде Искоростене и князе древлян Мале // Беларусь, 1998, № 10.
Бретон Г. Любовные истории в истории Франции. М., 1992.
Васильева Л. Н. Жены русской короны. М., 1999, Книга I.
Гісторыя Беларусі / Пад рэд. Я. К. Новіка і Г. С. Марцуля, Мн., 1998, Ч. I.
Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997.
Грушевскій М. Очеркъ Исторій Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевь, 1891.
Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М., 2001.
Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994. 232
Ермаловіч М. Старажытная Беларусь. Полацкі і навагародскі перыяды. Мн., 1990.
Житие преподобной Ефросинии, игумении Полоцкой. СПб., 1992.
Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977.
Зотаў Б. І. Хто аўтар «Слова аб палку Ігаравым»? У зб.: Памяць. Жыткавіцкі раён. Мн., 1994.
Из саги о Тидрике Бернском. В кн.: Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986, Кн. I.
Ишимова О. История России в рассказах для детей. М., 1999.
Кайдаш С. Сила слабых. Женщины в истории России (XI-XIX вв.) М., 1989.
Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989, Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991, Т. 2-3.
Кіево-Печерский патерикъ, или Сказанія о житій и подвигахъ Святыхъ Угодниковъ Кіево-Печерской лавры. Репринтное воспроизведение с третьего издания 1903 года. Киев, 1991.
Комнина А. Алексиада. М., 1965.
Котляр М. Ф. История Украйне в особах: Давньоруська держава. Кшв, 1996.
Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995, Т. 1.
Кузьмин А. Одоакр и Теодорих. В сб.: Дорогами тысячелетий. М., 1987, Кн. 1.
Ластоўскі В. Ю. Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі. Спроба паясніцельнай кнігапісі ад канца X да пачатку XIX ст. Коўна, 1926.
Лебедев Т. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону, 1995.
Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
Лихоталъ Т. Повесть о славных богатырях, златом граде Киеве и великой напасти на землю Русскую. М., 1974.
Ловлянский X. Русь и норманы. М., 1985.
Лукашев М. Н. И были схватки боевые... Рассказы о неизвестных эпизодах из славного прошлого отечественной борьбы, бокса и кулачного боя. М., 1990.
Лысенко П. Ф. Берестье. М., 1985.
Масляніцына I., Багадзяж М. Забытая князёўна // Беларусь, 1996, № 4.
Масляніцына /., Багадзяж М. «I былі яны нам братамі...» // Беларуская мінуўшчына, 1997, № 1.
Масляніцына I., Багадзяж М. Слава і няславе. Мн., 1995.
Масляніцына I. Гертруда з Турава // Беларусь, 1996, № 3.
Мельников А. А. Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Мн., 1992.
Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры IX-XVII веков. М., 1984.
Нечволодовъ А. Сказанія о русской землѣ. СПб., 1913, Т. 2, Т. 3.
Пашуто В. Т. Древняя Русь и Венгрия. В сб.: Славяне и Русь. М., 1968.
Петру хин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск, 1998.
Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи). М-Л., 1950, Т. 1-2.
Полное собрание русских летописей. Т. 32, М., 1975.
Полонъска-Василенко Н. Історія Украі'нй. До середины XVII століття. Кйів, 1995, Т. 1.
Путешествие новгородского архиепископа в Царьград. СПб., 1972.
Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
Ричка В. М. За літопйснйм рядком. Киів, 1991.
Рогалев А. Ф. От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 1993.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. М., 1982.
Рыжов К. Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. М., 1990.
Святая благоверная великая княгиня Ольга. СПб., 1868.
Сент-Эмур К. Анна Русінка. Львів, 1909.
Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
Слово о плъку ИгоревЬ, Игоря, сына Святъславля, вну ка Ольгова. В кн.: Злато слово. М., 1986.
Снисаренко А. Б. Рыцари удачи. Хроника европейских морей. СПб, 1991.
Тарасаў К. Памяць пра легенды. Постаці беларускай мінуўшчыны. Мн., 1990.
Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1905, Т. 2-3.
Творенія святаго отца нашего Кирилла епіскопа Туровскаго съ предварительнымъ очеркомъ, исторіі Турова и Туровской іерархій до XIII вЪка. Шевъ, 1880.
Трофимов А. Святые жены Руси. М., 1993.
Филист Г. М, История «преступлений» Святополка Окаянного. Мн., 1990.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200. СПб., 2000.
Хитровъ М. Святый благовЬрный великий князь Александръ Ярославичъ Невскій. М., 1893.
Чаропка В. Імя ў летапісе. Мн., 1994.
Членов А. По следам Добрыни. М., 1986.
Шахматов А. А. Как назывался первый святой мученик? // Известия императорской Академии наук. IV, 1907, Т. 1.
Швед В. В. Падзеі і постаці гродзенскай даўніны. Гродна, 1995.
Штыхаў Г. В. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мн., 1994.
Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. IX-XIII вв., Мн., 1978.
Шэлехаў М. Давыд-Гарадок. Брэст, 2000.
Эймундова сага. В кн.: Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Мн., 1990.
Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X-XV веков. М., 1970, Т. 1-2.
Anonim Gall Kronika polska. Wrocław, 1974.
Rudzki E. Polskie królowe. Zony Piastów i Jagiellonów. Warszawa, 1990, t. 1.
Satata Z. Poczet Polskich Królowych, księżnych i metres. Szszecin, 1990.
Wawrzykowska-Wierciochowa D. Rycerki i samarytanki. Warszawa, 1988.
Wyrozumski J. Maria, księżniczka ruska. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, t. XX/1, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ